

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

**4
2015**

Содержание

Теория и методология

- Гавров С.Н.* Российская версия Модерна 3
Кононов М.Ю. Общество и географическое пространство в западной марксистской социологии 7
Макартецкая Ю.А. Теория временной перспективы 11
Мамедов А.К. Методологические основания социального познания 17

Социальная структура и стратификация

- Автандилян Е.А.* Кастовая система и социальная структура современной Индии . 34
Кирка А.В. Социально-сетевая Россия - перспективы развития 44
Офицерова Д.А. Социальная структура общества в классических социологических теориях 48
Пятаков А.Н. Социальный «портрет» Латинской Америки: общие и частные проблемы 54
Казакова А.А. Социальное неравенство в условиях глобализации: теоретические подходы 64

Политические процессы

- Багаева А.В.* Инициаторы европейской интеграции: попытки систематизации исторических деятелей 69
Дзуцев Х.В., Зураев А.М., Хугаева А.А. Рейтинг представителей политической элиты Республики Северная Осетия-Алания .. 75
Манцуров С.О. Феномен политической оппозиции в условиях представительной демократии 78

Эмпирические исследования

- Андрусяк Н.Ю., Олейник Е.В., Супрун Н.Г.* Анализ стандартов социальных услуг семье 84

- Константинова А.Г.* Особенности развития демографического потенциала регионов Восточной Сибири 88
Кузнецова Ю.Н. Связь психологических свойств личности и структуры ценностей 94
Мартыненко Е.В., Нафаа Д. Спасение культурного наследия Сирии по данным телеканалов CNN, BBC, AL-Jazeera 98
Николаева А.Ю. Профиль состояния взрослости 104
Сорокина И.Р. Социальная профилактика девиантного поведения детей и подростков 112
Химилонова И.В. Социальные риски реформы перекрестного субсидирования 115
Гуманова Ю.Л. Дихотомия «политкорректность/толерантность» в контексте формирования ценностей в студенческой среде 121

Междисциплинарная проблематика

- Атаманова Г.И., Дамба Н.Ч., Доржу М.Д., Марюхина В.В.* Психологические основы деятельностного подхода в инновационном труде педагога: теоретический аспект 124
Борисова К.Ю. Этические проблемы оказания психологической помощи в период чрезвычайных ситуаций 134
Джавахидзе Л.Б. Воспитательный потенциал урока экономики в формировании социальной ответственности старшеклассников 141
Михальский А.В. Проблематика конструирования будущего в философии 145
Новикова Ю.В. Модальность как критерий оценки качества переводного художественного текста 149
Путиловская Т.С. Компетентностно-деятельностный подход к обучению деловому общению 154
Уздеева З.И. Агрегация в моделировании исследования языковых контактов 162

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Российская версия Модерна

Гавров С. Н.

Рассматривается универсальность и множественность Модерна, историческая и социокультурная обусловленность Модерна в России. Рассматривается история модернизационных трансформаций и имперские мифологемы, демократия в постимперских обществах.

Ключевые слова: Модерн, Россия, универсализм, локализм.

Gavrov S. N.

The Russian version of Modernity

We consider the universality and plurality of modernity, historical and socio-cultural conditioning of Modernity in Russia, the history of modernization transformation and imperial myths, democracy in post-imperial societies.

Key words: Modern, Russia, universality, localism.

Возможны ли множественные модерны, иными словами, можно ли становясь современным, сохранять культурную, религиозную, а отчасти смысложизненную и поведенческую идентичность? На этот вопрос уже отвечали многие, как это часто бывает в гуманитарных науках, по-разному.

Например, условные «локалисты», в числе которых Ш. Эйзенштадт¹ и В.Г. Федотова², склоняются к принятию множественности модернов. Такой подход оставляет возможность общественного и научного выбора пути в современность и в современности. Не случайно открывает этот список израильский социолог Ш. Эйзенштадт, ведь Израиль строит собственный исторически, культурно и религиозно обусловленный вариант Модерна. Не случайна здесь и эксперт в области русских трансформаций-модернизаций В.Г. Федотова, ведь мы тоже часто пытаемся и, в конце концов, идем своим путем. Ведь Россия как цивилизация не столько универсальна, сколько локальна. Универсализм общего корня христианской веры сочетается в нас с локализмом расколотого христианства. Без этого вселенского раскола, давшего возможности выбора внутри самого христианства, мы бы не состоялись в истории как отдельная православная цивилизация.

Но мы состоялись, и когда Запад стал переходить к Новому Времени, современности (модерну), приспособивали его современность «под себя». Ведь современность не универсаль-

на и не нормативна. Изначально возникший в Европе Модерн - лишь надстройка. Он накладывается на культуру и цивилизацию, в терминологии немецкоязычной традиции. Он более поверхностен, чем глубинен, давая технологическое, современное оформление того, что А.Дж. Тойнби³ называл цивилизациями, а Н.Я. Данилевский⁴ - культурно-историческими типами.

Как «Исаак родил Иакова», так и из христианского универсализма родился универсализм Г.Ф. Гегеля, через него, опосредованно, К. Маркса, В. Ленина, позже Ю. Хабермаса... Сегодня склоняются к универсалистским позициям в оригинальных построениях и интерпретациях, многие, в том числе А.С. Ахиезер, Н.С. Розов, Э.А. Орлова... Но понимание Модерна как чего-то универсального, уменьшает как вариативность научных размышлений, так и вариативность выбора исторического пути для страны. Или такой Модерн, как коллективный «доктор Гегель» прописал, или никакой. Обобщая и неизбежно упрощая, замечу, что для их понимания модерна свойственно приписывание ему универсальных маркеров-характеристик⁵. Без них он и не модерн вовсе. Если их нет, или они выражены не так, как в западной «идеально-типической модели», говорить о том, что это именно современность, а не что-либо иное, не приходится. Или, в лучшем случае, это современность недоделанная, «частичная», и нам что-то все время мешает, чтобы стать современностью «полной».

Возникает вопрос, почему. На него тоже отвечают по-разному, например, как И.Г. Яковенко: «злоумышленник» обнаруживается внутри стрелочника на железной дороге, машиниста и даже конструктора «чугунки». «Такого рода – частично модернизированное – сознание неизбежно продуцирует дополнительные риски»⁶.

Но если на вопрос, почему незападный модерн «неполноценен», так или иначе, отвечают, то вопрос, хороши или нет эти культурно-цивилизационные отличия модерна, часто даже не поднимается. Априорно, по умолчанию нехороши. Вот и у Яковенко – «злоумышленник», а не, положим, «доброумышленник», или нейтрально - «умышленник», и в этом не только проявление особенностей русского языка.

Подразумевается, что частично модернизированное сознание надо исправлять, делать все

более модернизированным: «выход из сложившейся ситуации следует искать в усилении в обществе утилитарного и либерально-модернистского нравственного идеалов»⁷.

Но ведь можно вполне в духе нашей признанной цикличности⁸ и инверсии «поменять знаки», дать другие рецепты-ответы. То, что на предыдущем этапе общественного и научного развития считалось недостатком, на следующем вполне может считаться достоинством, в том числе и «недомодернизованность» сознания.

Помилуйте, скажет читатель, но какой же здесь может быть «плюс»? Как можно принять вечную переходность, социокультурный раскол, традиционное стремление поспевать за современностью лишь в военно-техническом смысле?

Принять, поскольку эта «недомодернизованность» позволяет сохранять нашу культурно-цивилизационную особость, неразвораемость в мире, сохраняя, тем самым концентрированное выражение нашей истории – нашу географию. Отсюда, вполне прагматично и традиционное стремление, по тому же А.С. Ахиезеру, «решать либерально-модернистские проблемы, опираясь на архаичные программы и формы отношений»⁹.

На многие голоса, во многих работах говорят о том, что ресурсов для такой политики сегодня уже нет¹⁰. Я и сам долго утверждал нечто подобное. А на нет, и суда нет. Но если нет ресурсов социальных, прежде всего многочисленного крестьянства, то есть ресурсы ментальные, особенности «вечно» переходного сознания, распространённые широко, практически во всех слоях (социально-профессиональных стратах) общества. Об этом, пусть и со знаком минус, я много писал в работе «Модернизация во имя империи», акцентируя внимание на его «имперских» особенностях¹¹.

В деле сохранения России эффективно работают присущие нашему сознанию актуальные и латентные мифологемы, и здесь не так важно то, в какой мере они соотносятся с реальностью.

И то, что не любят Запад, и то, что к нему всё-таки стремятся. На первом отношении можно строить военную политику, борьбу за лимитроф – территории между Россией и Западом, на втором – очередные реформы-модернизации.

Парадоксально хорошо и то, что мы «негосударственны», склонны не столько к решению проблем, сколько бегству от них, не очень способны к повседневной работе гражданского общества, поддержанию демократии своим личным участием. Совсем по И. Бунину «участвовать в общественной жизни, управлении государством – не могут, не хотят за всю историю»¹². Но на этом отторжении государства и строилась историческая Россия. Крестьяне бежали от властной (барской) неправды на окраины государства, заселяя огромные территории Евразии – в Сибирь, на Кавказ, в Среднюю Азию... Немного обустроившись, переселенцы первым делом ставили официальный православный или старообрядческий храм, а потом, на обжитую уже землю приходила и власть русского царя.

Сегодня эта «негосударственность» позволяет стране жить в режиме «суверенной» или «управляемой» демократии, властной вертикали. Силowymi скрепами государства объединяющей то, что иными средствами вряд ли может быть достигнуто – объединение самого большого, вбирающего в себя многие языки, религии, этнокультурные традиции, государство – Россию. Время и обоснование этого централизованного, в духе «военного приказа» управления, меняются, но суть остается прежней.

Не удержусь от столетней давности уже, но в общем актуальной и сегодня, выдержки из текста Н.И. Черняева: «Стоит бросить хотя беглый взгляд на карту России, чтобы понять неизбежность Самодержавия для целостности Империи. Россия занимает громадную территорию, раскинутую в двух частях света и равную одной шестой части всей суши. На этой территории живет редкое население, стоящее, по меньшей мере, не на особенно высокой степени культурного развития. Нужна была сильная власть для того, чтобы сплотить эту территорию и это население в один крепкий политический организм. Если бы эта власть была ограничена парламентом или чисто республиканскими учреждениями, она не могла бы служить цементом для такой колоссальной державы, как Россия. Вспомним, что наша родина имеет естественные границы только на севере и на Дальнем Востоке; на западе же и на юге она их лишена. Ввиду этого она еще более нуждается в крепком, связующем начале»¹³. Можно поправить этот старый текст в деталях, дополнить его перечислением разных религий,

этнокультурных традициях, вспомнить о диспропорциях регионального развития, размерах разрыва во всем, в том числе в уровне доходов... Но в целом он отвечает на вопрос, почему мы выстраиваем локалистский вариант Модерна.

У нашей негосударственности есть и темная сторона. Когда рухнет верховная власть, как в 1917 или 1991-м, рухнет и страна. Но это означает лишь, что груз поддержания «стоязкового государства» слишком велик для возможностей политической самоорганизации великороссов. Это означает и то, что верховная власть сама является для нас огромной, чуть ли не сакральной ценностью.

Мы, якобы, политически пассивны, «патерналистски» настроены в отношении государства (власти)? Есть немного. Это чувство зависимости дает дополнительные реальные голоса «партиям власти», сегодня «Единой России». Оно же позволяет укреплять вертикаль власти, поддерживать ощущение ее «сакральности». Как заметили в свое время Фурсов и Пивоваров «Русская жизнь – это единство реакции и революций. А определяет это единство системообразующий элемент, ядро этой системы – Русская власть, называется ли она самодержавием или коммунизмом»¹⁴ [179]. От себя замечу, что потому и «брань на ее воротах не виснет». Можно писать пространные доклады, составлять аналитические записки, заполнять ими интернет. Результат этих усилий незначителен, и слава Богу.

Нам явно противопоказана и демократия элит, пагубна явность латентного раскола в элитах, проецирующаяся в раскол власти, как это было в 1917 и 1991 годах, то, что пусть в меньшей степени, есть и сегодня.

Следующее переплетение мифологем, ставших частью нашего «полутрадиционного» сознания, «не в силе Бог, а в правде», и мы ни на кого сами не нападаем, нападают на нас, «тот, кто к нам с мечом придет, тот от него и погибнет», фраза, приписываемая А. Невскому. Эти представления помогли построить Российскую империю Романовых и воссоздать «красную империю» - СССР. Ведь самое большое в мире, занимающее 1/6 суши «стоязковое» государство можно было построить только как империю. И мы ее построили. Эти представления помогают нам и сегодня, при очередной смене исторического цикла.

Но как совместить исторически сложившуюся империю с демократией? Обязательно ли следование демократическому духу и процедурам, для того, чтобы считаться современным? Демократия напрямую с модерном не связана в его западных вариантах, хотя наблюдается статистически значимое увеличение стран, в силу разных обстоятельств демократию практикующих.

Демократия в многосоставных обществах возможна, тому есть масса примеров. Ряд авторов, например, А. Лейпхард¹⁵, такую возможность обосновали теоретически. С демократией в империях дело обстоит сложнее. Получаемый объем гражданских прав жители условных или безусловных «колоний» чаще использует не для выстраивания демократического имперского общества, но для государственного выделения из империи, строительства собственного локального сообщества – национального государства. Что будет с Россией, если она всё-таки станет демократией «западного типа», в случае серьезного общественно-политического или неудачного для страны военного кризиса? Возможно последует очередная волна территориального разрушения государства. Это серьезный вызов, учитывать который необходимо для сохранения страны.

Чтобы сохранить страну, мы вынуждены были осуществлять «модернизацию во имя империи» в разные исторические эпохи. Понимая и принимая свои культурно-цивилизационные отличия, цивилизационные качества России и обусловленный ими вариант Модерна, воспроизводили страну в истории.

Ссылки:

- 1 Эйзенштадт Ш. Множественность модернизмов в век глобализации // Глобализация: Контуры XXI века: Реф. сб. / РАН. ИНИОН. Центр научно-информ. исслед. глобальных и региональных пробл. Отд. Восточной Европы; Отв. ред. Малиновский П.В. – М., 2002. – Ч. 1. – С. 136-145.
- 2 Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. – М.: ИФРАН, 1997. – С. 215-234.
- 3 Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. А.В.Гордона под ред. Б.С.Ерасова. – М.: Аспект Пресс, 1999. – С. 46-52.

4 Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. 6-е изд. Предисловие З.З. Страхова; статья К.Н. Бестужева-Рюмина; составление, вступительная статья и комментарии А.А. Галактионова. – СПб.: Издательство Петербургского университета, Издательство «Глаголь», 1995. – С. 233-313.

5 Орлова Э.А. Модернизация как глобальный социокультурный процесс // Культурология: Новые подходы: Альманах-ежегодник №10. – М.: МГУКИ, 2003. – С. 94-107.

6 Яковенко И.Г. Риски социальной трансформации российского общества: культурологический аспект. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – С. 52.

7 Лейпхард А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование/ Пер, с англ. под ред. А.М. Салмина, Г.В. Каменской. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 474 с.

8 Ахиезер А.С. Циклизм ценностных основ российской власти: От Ивана IV до конца советского этапа// Россия и современный мир, 2003. – № 3. – С.29-42.

9 Ахиезер А.С. Специфика российской истории // Труды. – М.: Новый хронограф, 2006. – С. 46.

10 Ахиезер Б., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? – М.: Новое издательство, 2005. – 708 с.; Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011. – 735 с.

11 Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты российской модернизации. – М.: Эдиториал УРСС, 2004, 2010. – 349с.

12 Бунин И. Окаянные дни. М., 1997. – С. 42.

13 Черняев Н.И. Мистика, идеалы и поэзия русского Самодержавия / Вступ. ст. М. Б. Смолина. – М.: Москва, 1998. – С. 30.

14 Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская система и реформы // Pro et contra. Проблемы глобализации. – М., 1999. – С. 179.

15 Лейпхард А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование/ Пер, с англ. под ред. А.М. Салмина, Г.В. Каменской. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с.

Общество и географическое пространство в западной марксистской социологии

Кононов М.Ю.

В статье рассматриваются истоки и теоретическая среда формирования современного научного дискурса в западной марксистской социологии, а именно проблема взаимодействия общества и географического пространства в трудах социологов и социальных мыслителей, начиная с XVII века. Рассматриваются основные школы и детерминистические направления. Ключевые слова: марксистская социология, западный марксизм, неомарксизм, географический детерминизм, экономический детерминизм, урбанистика, центр-периферия, мир-система.

Kononov M.U.

Society and the geographical area in the western Marxist sociology

This article discusses the origins and theoretical environment of modern scientific discourse in the Western neo-Marxist sociology, namely the problem of interaction between society and geographical space in the works of sociologists and social thinkers since the XVII century. This article contains basic schools and deterministic trends. Key words: Marxist sociology, Western Marxism, neo-Marxism, geographical determinism, economic determinism, urban studies, center-periphery, the world-system.

Рассматривая современный период развития социологических концепций западного марксизма нам важно понимать не только отношение к базисной теории, учитывая положения которой сегодня выстраиваются теоретические конструкты, дополняющие и развивающие её, но и отношения к внешней теоретической среде, различным общественно-политическим школам в их развитии и динамике. Именно моментом развития и динамики (взаимодействия) существовавших социально-философских и социологических теорий стала зрелая концепция К. Маркса. Точно также и современные социологические концепции, сохраняющие преемственность по отношению к классическим построениям марксизма, питаются и достижениями мысли других школ и подходов, подчас совсем оригинальных и относительно молодых. Такое «питание» неизбежно, так как любой источник конструктивной критики, внешний или внутренний служит развитию теории.

Однако правомерно ли называть «марксистскими» подобные теории, пересмотревшие или уточнившие многие базисные и второстепенные тезисы классиков, к тому же применимые к совсем другому пространственно-временному отрезку реальности? Основным критерием, позволяющим нам использовать подобную маркировку, является мощь выводов теории, использованных в социальной практике. Практически вся мировая история середины XIX – конца XX веков была озаглавлена масштабными прак-

тиками по применению, претворению в жизнь выводов марксистской теории. К середине XX века уже не тип детерминизма (психологический, географический и т.д.), и не способ прочтения социальной истории (эволюционизм, диффузионизм) играет ключевую роль в классификации социологических и общественно-политических концепций, а задействованные с развитием научных институтов на практике мощные теоретические школы (марксизм, структурализм, постмодернизм). Поэтому нам видится все еще актуальным использование определения «марксистский» по отношению к мощному пласту теорий, сохраняющих преемственность по отношению к классическому периоду развития марксизма (сер. XIX – начало XX вв.), однако для конкретных течений и отдельных концепций в рамках этого большого массива мы будем использовать уточняющие определения.

Для начала рассмотрим различные детерминистские направления в общественно-политических науках повлиявших как на марксистскую социологию, так и на внешнюю ей среду. Одним из таких направлений с эпохи Просвещения выступает экономический детерминизм (экономический материализм). Одним из первых, если не первым мыслителем, которому было присуще рассмотрение экономики как определяющего фактора в развитии общества был Джеймс Гаррингтон (1614-1677). Этот теоретик «классического республиканства» и автор утопии «Республика Океания» (1656) считал определяющими отношения собственности на землю и выводил на их основе тип политического строя. Французский философ В. де Мирабо (1715-1789) («Философия земледелия» (1763)) и английский историк У. Робертсон «История Америки» (1777) в рамках стадийной теории развития общества выделяли лежащим в основе каждой стадии «способ жизнеобеспечения» (формулировка очень близкая к «способу производства»), хотя параллельно придерживались и популярной в ту эпоху идеи трех стадий: дикости, варварства и цивилизации. Дж. Миллар (1735-1801) в своей работе «Происхождение различия рангов в обществе» (1771) указывал на определяющий характер влияния развития хозяйственных форм на «нравы, законы и формы правления народа». Целая плеяда экономистов XVIII-XIX веков описывала схемы общественного развития, близкие к экономи-

ческому детерминизму, в частности, Ричард Джонс (1790-1855) («Опыт о распределении богатства и об источниках налогов» (1831), «Вводная лекция по политической экономии» (1833), «Лекции о труде и капитале» (ок. 1833), «Политическая экономия народов» (1852)), который существенно развил прежние положения «экономизма», сравнивая капиталистические и докапиталистические формы, а также употребляя выражение «способ производства и распределения». Экономический детерминизм был присущ и многим английским историкам второй половины XIX. В начале XX века в Европе и США получает развитие историко-экономическое направление А. Пиренна (1862-1935), Э. Селигмена (1861-1938), Ч. Бирда (1874-1948), Г. Тоуни (1880-1962), Дж. Коула (1889-1959), М. Постана (1898/9-1981), Ф. Симиана (1873-1935), А. Матьеза (1874-1932), Ж. Лефевра (1874-1959), Э. Лабрусса (1895-1989), Ж. Бувье.

Помимо экономического и историко-экономического детерминизма основными детерминистскими направлениями были географический, технологический, демографический и экологический детерминизмы. Ограничимся этими основными «материалистическими» подходами.

Демографический, технологический и экологический детерминизмы по отдельности имели немало сторонников, однако оказали влияние на марксистский дискурс социологии уже в качестве «синергетического эффекта». Изменения, происходящие внутри производительных сил: численность и качество человеческого материала, уровень развития технологий, количество ресурсов, их взаимозаменяемость волновали не одно поколение мыслителей от политэкономистов до пространственных географов. Диалектика природного и социального была предметом рассмотрения не только советских и постсоветских ученых, а глубоко содержится в западной традиции, что заметно как на примере Франкфуртской школы и фрейдомарксистов, так и представителей пространственного направления (А. Лефевр (1901-1991)).

Стоит отметить важную роль такого жанра социальной мысли как утопия. Именно писатели-утописты становились катализаторами социальных изменений XIX-XX вв. Утопия не просто фантастический рассказ об идеальном обу-

стройстве общества, очень часто именно утопии становились выражением глубоких философских и социально-экономических идей, воплощавшихся в модели социального конструирования. В этом смысле отдельные работы Маркса, несомненно, обладали элементами утопии ровно настолько, насколько продуктивна может быть их «конструктивистская» идея.

Отдельно рассмотрим развитие социально-географических и пространственных школ, сформировавших впоследствии концепции общества и географического пространства в современной марксистской социологии. Одним из первых ученых-неомарксистов, обративших внимание на проблемы пространства в изучении социальных реалий, был французский социолог и философ Анри Лефевр. Его интерес к процессам урбанизации, противоречиям пространственных структур городов, их роли в процессе воспроизводства производственных отношений послужил отправной точкой для многочисленных исследований по смежной тематике теоретиков различных областей гуманитарного и естественнонаучного знания. Его современник, французский историк Фернан Бродель (1902-1985), много своих работ посвятил изучению воздействия географической среды на социальные процессы. Под влиянием этих ученых в XX веке рождается множество трудов, посвященных проблемам урбанистики, регионалистики (шведский географ Т. Хагерстранд (1916-2004), французский экономист Ф. Перру (1903-1987), американский урбанист Д. Фридманн (р. 1926)), рождается мир-системная теория (итальянский социолог Д. Арриги (1937-2009), И. Валлерстайн (р. 1930), А.Г. Франк (1929-2005)).

Одной из таких научных школ становится школа пространственного анализа, одна из ведущих школ социально-экономической географии 60-х годов прошлого века (У. Айзард, В. Бунге, П. Хаггет, Д. Харви, Р. Чорли). За годы своего существования школа прошла идейную эволюцию от преимущественного использования количественных методов и моделей (применявшихся в анализе транспортных сетей, систем расселения) до разочарования в формальных методах анализа данных и перехода к признанию качественных методов, субъективного и исторического влияния на социально-экономические процессы. В последние годы своего существования школа носит название «регио-

нальной науки», получив широкое распространение не только в США и Великобритании, но и по всему миру¹.

Питер Хаггет в 1972 году публикует свою важнейшую работу «Синтез современных знаний» вместе с Хагерстрандом Торстеном. Хагерстранд посвятил множество работ территориальной диффузии социально-экономических инноваций, которые являются решающим фактором в определении социального эффекта для центр-периферийных отношений. Его идеи стали одними из ключевых в данном направлении наряду с идеями Франсуа Перру и Джона Фридмана.

Джон Фридман был выдающимся урбанистом, одним из основателей центр-периферийной парадигмы в контексте крупных городов и городских агломераций. Он также разрабатывал теорию территориального планирования, работая на стыке регионалистики и урбанистики. Франсуа Перру, влиятельный французский экономист, являлся автором теории полюсов роста, оказавшей влияние на развитие школ и теорий регионального роста. «Полюсами роста» он называл центры принятия решений и генерирования прибыли, которые, исходя из уровня своего развития, «сверху» оказывают влияние на периферию. Отсюда он выводил задачу государственного регулирования как политику, направленную на создание полюсов роста и расширение их влияния. Многие из его идей впоследствии были переосмыслены Иммануилом Валлерстайном. Интересен факт того, что Перру являлся научным руководителем одного из виднейших представителей теории зависимого развития и мир-системного подхода египетского социолога Самира Амина.

Нередко социальные и экономические географы, исследуя процессы глобализации, регионализации и урбанизации подходили в своих трудах оформлению социологической теории, в рамках которой подобные процессы могут находить подлинное объяснение. Междисциплинарный характер исследований по данным направлениям также служил стимулом для адаптации и осмысления результатов уже в социологической традиции. Так, перуанский социолог Кихано Анибал (р. 1928), являясь приверженцем теории зависимого развития и мир-системного анализа, активно изучает процессы урбанизации. Патрик Бонд (р. 1961), американско-южноафриканский исследователь, разработ-

чик теории субимпериализма, является географом, экономистом и социологом одновременно. Изучение становления глобального общества всегда требует заимствований из теоретической базы междисциплинарных исследований на стыке экономики, социальной географии и социологии. Поэтому урбанистика, как раздел социальной и экономической географии, послужила одним из опорных пунктов зарождающейся критической социальной теории.

Отделившись от школы пространственного анализа, критическая теория «радикальной географии» англо-американская Вильяма Бунге (р. 1928) и Дэвида Харви (р. 1935), с 70-х годов начинает заниматься проблемами неравномерного развития, пространственными формами материальной культуры, противоречиями урбанизации, эксплуатации, при этом критикуя подходы, занимавших доминирующее положение в этой области, позитивистов и последователей Лефевра. Впоследствии, не оформившись в отдельное научное направление, радикальная география, тем не менее, породила множество публикаций и исследований на заданные темы, что послужило основой для оформления наиболее академического направления под названием «критическая география».

Вильям Бунге посвящал свои работы, прежде всего, социальной и экологической проблематике, антропогеографии, экологии человека в рамках понимания его природы в качестве биосоциальной. В 1962 году он издает свою фундаментальную работу «Теоретическая география», основную в рамках парадигмы пространственного анализа и количественной революции. Затем, разочаровавшись в теоретической географии, он обращается к социальной тематике, проблемам города и «радикальной географии». В 1972 году в работе «География революции» он описывает анатомию социального взрыва в негритянском гетто в Детройте и качества жизни городской среды. В работе «Грозит ли миру кризис?» (1986) он подходит к изучению глобальных проблем человечества, вызванных не дефицитом, как это преподносилось в мейнстримных теориях, а несправедливым перераспределением ресурсов.

Бунге был одним из первых представителей «радикальной географии». Он, однако, в отличие, например, от Харви, уделял большее внимание не экономической, а социальной и экологи-

ческой проблематике, по сути, работая в рамках антропогеографии, ноосферного подхода или экологии человека (как биологического и социального существа). Подобно другим представителям «радикальной географии», Бунге уделял колоссальное внимание изучению «реального мира», сбору первичного материала, исследованиям жизни людей в городской среде.

Развитие идей пространственного анализа Д. Харви привело последнего к марксистскому анализу социальных явлений, приобретающих пространственные формы. Похожую эволюцию претерпевали и многие мыслители мир-системной школы, школы зависимого развития, где комплексное изучение пространственно-географических факторов общественных изменений заставило историков и экономистов активно развивавших мысли Ф. Броделя и Й. Шумпетера прийти к использованию категорий и методов марксистской политэкономии к анализу явлений глобальной организации общества или обществ как системы мирового уровня, либо к закономерностям взаимодействия отдельных систем в мировом контексте.

Изучение взаимодействия общества и географического пространства в современной социологической науке требует не просто «материалистического» взгляда на проблему, а глубокого и развитого диалектического понимания движения природного и социального во времени и пространстве. Это отбрасывает механистический материализм, который часто приписывается марксизму в целом, но это всегда поддерживает критический настрой по отношению к самой марксистской теории. В попытках указать на ошибки последней или снять её внутренние противоречия состояла задача многих социальных мыслителей XX века. Теория стала явлением, оружием в руках не только классовых, но и банально групповых интересов, необходимым элементом политической культуры.

Ссылки:

1 См. Гохман В.М., Лавров С.Б., Сдасюк Г.В. Современные тенденции развития экономической и социальной географии Запада - В сб. Современные проблемы географии. - Л.: ЛГУ, 1980. См. также: Гохман В.М., Лавров С.Б., Сдасюк Г.В. Социально-экономическая география Запада на переломе // Известия Всесоюзного географического общества, 1979, № 2.

Теория временной перспективы

Макаретцкая Ю.А.

В статье рассматривается специфика теории временной перспективы Ф. Зимбардо. Выявлены факторы формирования временной перспективы, паттерны временной перспективы, положительные и отрицательные стороны каждой из перспектив. Уделено внимание влиянию социального класса на формирование временной перспективы. Приведена статистика терапии, основанной на временной перспективе.

Ключевые слова: время, временная перспектива, Ф. Зимбардо, прошлое, настоящее, будущее, планирование, терапия временной перспективы.

Makaretskaya Yu.A.

Theory of temporary prospect

The article considers the specificity of the theory of temporal perspective F. Zimbardo. Identified factors in the formation of temporal perspective, the patterns of time perspective, positive and negative aspects of each perspective. Attention is paid to the influence of social class on the formation of time perspective. Provides information about the statistics of therapy based on time perspective.

Key words: time, time perspective, Ph. Zimbardo, past, present, future, planning, time perspective therapy.

Взаимоотношения личности со своим жизненным временем характеризуют саму личность, ее ориентиры и желания находятся в прямой зависимости от отношения личности к временной перспективе. Временная перспектива включает в себя представления человека о своем прошлом и будущем, позитивная или негативная степень которых влияет непосредственно на настоящее, где прошлое и будущее сходятся: «...у каждого есть уникальная временная перспектива, основанная на нашем личном опыте, эта перспектива - своего рода линзы, через которые мы смотрим на свою жизнь»¹.

Изначально понятие временной перспективы (далее ВП) связано с именем Л.К. Франка². Он описывал «жизненное пространство» человека, которое включает прошлое, настоящее и будущее. Временная перспектива у него определяется как совокупность представлений человека о своем психологическом прошлом и будущем, являющихся в настоящем базовыми свойствами существования, основой поведения; настоящее определяет будущее и одновременно контролируется прошлым. Содержание понятия временной перспективы дополнил К. Левин, определяя ее как целостность видения человеком своего психологического прошлого и будущего. Исследователи ВП: Ф. Зимбардо, Р. и Р. Сворт, Ж. Нюттен, М. Селигман, Д. А. Леонтьев, А. Кроник, Е. Головаха, Р. Ахмеров и другие.

Временная перспектива - это процесс, с помощью которого происходит включение будущего и прошлого, реального и идеального плана жизни в план настоящего, это здоровый баланс прошлого, настоящего и будущего; в субъективном переживании эти модулы имеют характер одновременности. ВП связана с распределением потока жизненного опыта по временным рамкам, часто это бессознательный процесс. Важно в каком направлении чаще всего сосредоточены мысли человека, любая однонаправленность, - пусть в прошлое, будущее или настоящее, считается отклонением,

при нормальном развитии личности должен достигаться баланс этих трех модусов направленности. ВП выступает основой мотивации личности, эпицентром, где сходятся данные прошлого и будущего. Измерения ВП - протяженность в будущее или прошлое, связи между событиями, скорость устремленности к будущему. Понятие ВП возникло в связи с необходимостью уделять внимание будущему. Ж. Нюттен³ считает, что понятие ВП нужно относить к трем моментам времени: самой временной перспективе, временной установке и временной ориентации. *Временную перспективу* следует рассматривать по аналогии с пространственной и характеризовать свойствами протяженности, глубины, реалистичности, насыщенности. *Временная установка* - это негативное или позитивное отношение субъекта к своему прошлому, настоящему и будущему. *Временная ориентация* - доминирующая реакция и поведение по отношению к событиям прошлого, настоящего или будущего. Существует тенденция делать акцент на какой-то одной стороне ВП, то есть ориентироваться либо на прошлое, либо на настоящее, либо на будущее, в чем и заключается, собственно, проблема ВП, так как начинает вырабатываться временное «предубеждение». «Ориентация на прошлое предполагает, что люди принимают решения исходя из позитивных или негативных воспоминаний. Ориентация на настоящее подразумевает принятие незамедлительных действий, не думая о последствиях, только об удовольствии. Решения ориентированных на будущее людей зависит от разумной оценки последствий в будущем, включая в оценку все за и против»⁴.

Ф. Зимбардо выделяет **шесть основных временных перспектив**⁵, по два аспекта ориентации на прошлое, настоящее и будущее.

Ориентация на прошлое основывается на воспоминаниях (преобладает абстрактное мышление):

1. «Позитивное прошлое» предполагает фокусирование на положительное прошлое: люди делают фотоальбомы, ждут наступления традиционных семейных праздников. Прошлый опыт приятен и по нему хочется ностальгировать;

2. «Негативное прошлое» вызывает отвращение и несогласие, фокусировка на том, что было не так, как хотелось бы;

Ориентация на настоящее основывается на непосредственно ситуации:

3. «Гедонистическое настоящее» - перспектива, согласно которой люди живут моментами удовольствия, новизны, ощущений, избегая боли;

4. «Фаталистическое настоящее» - это вера в судьбу и бесполезность своих действий, «чему быть, того не миновать»;

Ориентация на будущее основывается на предвосхищении последствий (преобладает абстрактное мышление):

5. «Будущее» планируют, в него верят, как и в достижение результатов своих действий;

6. «Трансцендентное будущее» полагает, что наилучший момент наступит после смерти. Люди, ориентированные на такое будущее, строят планы на жизнь после смерти.

У каждой временной зоны есть как положительные, так и отрицательные стороны. Положительной стороной ориентации на позитивное прошлое является чувство благодарности, патриотизм, эмоциональная стабильность. Положительная сторона ориентированных на гедонистическое настоящее проявляется в их общительности, множестве друзей, у них почти всегда хорошее настроение, они энергичны. Положительной стороной ориентации на будущее являются хорошее здоровье, добросовестность, последовательность, оптимизм. Отрицательная сторона ориентированных на негативное прошлое - это почти перманентное чувство вины за прошлые ошибки, депрессия, агрессия, злопамятность. Отрицательная сторона гедонистического настоящего - уязвимость для плохих привычек, риск, спонтанность, вера в удачу предпочтительнее усилиям и труду. Отрицательность фаталистического настоящего проявляется в тревоге, депрессии, отсутствии мыслей о последствиях своих действий, низкой самооценке. Ориентация только на будущее тоже плоха, так как появляются переживания, малая степень общительности, социальное одиночество, соперничество.

Оптимальная смесь временных перспектив включает в себя каждую временную зону: «...прошлое - это наша основа, оно дает нам корни, соединяющие нас с нашей личностью и семьей; будущее дает нам крылья, чтобы мы могли устремиться к новым просторам и принять новые вызовы; настоящее - это постоянный источник

энергии, в котором мы нуждаемся, чтобы исследовать как свой внутренний мир, так и мир вокруг нас»⁶. Лучшим вариантом будет возможность и способность контролировать свою временную перспективу в зависимости от дела, которым человек сейчас занимается и какую задачу решает. На работе лучше всего ориентироваться на будущее, даже в самой скучной работе это будет являться выигрышным. Но после работы, с семьей или друзьями, лучше сделать гештальт-переключение и стать ориентированным на настоящее, желательно гедонистическое, и веселиться, но, конечно же, не забывать, что это временно. С родителями приоритетна ориентация на прошлое, традиционные семейные праздники выступают отличной иллюстрацией к этой перспективе.

Таким образом, Ф. Зимбардо видит **наилучший баланс во ВП** следующим образом: следует иметь *высокую ориентацию на позитивное прошлое, в меру высокую ориентацию на будущее, и средний уровень ориентации на гедонистическое настоящее*. Ориентация на негативное прошлое или на фаталистическое настоящее выступают худшими вариантами. Нужно перестать драматизировать прошлое, радоваться настоящему, и стараться четко представлять свое будущее. «Мы смотрим в прошлое, чтобы научиться, но мы сосредотачиваем внимание на том, чтобы сделать свое будущее и будущее наших детей лучше»⁷. Изучение всех этих временных перспектив личности является ценным исследовательским подходом, который может позволить оценить целостность личности, ее культуру и ценности в социальной среде.

Выделим некоторые *особенности ВП*:

- в юности скорость движения к будущему высока как никогда;
- баланс между прошлым и будущим наиболее явлен в зрелом возрасте;
- оптимизм в пожилом возрасте помогает справляться со старческими болезнями и проблемами;
- в ограниченных условиях свободы ВП сужается.

Также существует различие *факторов формирования ВП по источнику воздействия: внутренние и внешние*. *Внутренние* - это ценности, мировоззрение, самооценка и т.д., то, что появляется из «внутреннего мира» самой

личности. *Внешние* факторы берут свое начало из окружающей реальности: социальный мир, политика, демография, образование и т.д. Внутренние факторы основываются на внешних. Выделить какой-то доминирующий фактор сложно, они связаны друг с другом, но *можно исследовать конкретный фактор и изучать его влияние на формирование ВП*. Например, социальный класс. Люди из низшего социального слоя ориентированы на настоящее, а из среднего - на будущее. Или уровень образования: чем он выше, тем больше ориентация на будущее. В стране с нестабильным политическим положением чаще наблюдается ориентация на настоящее, люди перестают верить в светлое будущее, приходится сосредотачиваться на здесь и сейчас, чтобы хоть как-то поддерживать свою жизнь. Также наблюдается географическое влияние на ВП: чем ближе к экватору, тем больше у людей ориентация на настоящее, там всегда тепло, а чем дальше от экватора, тем постепеннее появляется четыре разных сезона со своей спецификой, людям приходится задумываться о будущем. Все дети ориентированы на настоящее, и по мере взросления происходит отклонение в ориентации в прошлое или в будущее.

Наиболее часто проводят исследования ВП по возрастным группам, группам по здоровью (психическому или соматическому), поведению, социальному статусу, профессиональной подготовке. Участниками исследований могут являться группы медиков, преподавателей, студентов, юристов, программистов и т.д. Предполагаемые гипотезы, что особенности ВП зависят от профессии, - подтверждаются: учителя меньше ориентированы на будущее, чем юристы, а фактор негативного прошлого чаще встречается у программистов, чем у учителей.

Настоящее определяется будущим, в зависимости от того как человек видит свое будущее, складывается качество его настоящего. Когда человек что-то планирует, он выстраивает взаимосвязи с окружающей действительностью, тем самым словно подчиняет себе время, которое, однако, как доказывают современные ученые, является не только психологической частью восприятия, но и нейрофизиологическим процессом. Замечена причинно-следственная связь памяти со способностью человека строить планы на будущее: люди с даже частично потерянной памятью испытывают проблемы с плани-

рованием будущего, а те, у кого память хорошая - часто способны хорошо представлять свое будущее. Футуролог Ф. Полак считает, что образы будущего меняют настоящее, стремясь к чему-то конкретному человек «пропитывается» энергией будущего. «Нигилистический образ будущего парализует нас, и мы оказываемся неспособны сформировать более позитивный и конструктивный образ. Западный человек не должен переставать думать и мечтать о новом завтра, потому что у него нет выбора – или мечтать, или умереть»⁸. Есть две причины по которым люди вообще что-то планируют: 1. некоторые желания требуют времени для реализации, 2. планируя, мы заглушаем нашу метафизическую тревогу из-за неизвестности будущего. Те, кто постоянно занимаются просчетами ситуации, скорее всего, тем самым, заглушают неуверенность в себе и свою тревогу.

У будущего множество вариантов, для достижения цели нужна правильная постановка, цель должна быть адекватной и конкретной, тогда она достижима. Например, стать богатой и независимой сложно по большей части из-за размытой постановки, и, наоборот, организовать свое конкретное дело в сжатые собой же сроки - конкретно и достижимо. Планирование помогает ощутить движение жизни здесь и сейчас, невозможно жить без будущего.

Теория ВП в варианте Ф. Зимбардо помогает людям справиться с неудачами, потерями, в частности, с *посттравматическим стрессовым расстройством (далее ПТСР)*. Проанализируем как это получается. ПТСР является психической патологией, возникающей после перенесения сильной психологической или физической травмы в любом возрасте, это могут быть детские травмы на почве насилия, дающие о себе знать во взрослой жизни, послевоенный синдром, угроза своей или чужой жизни, а также любая иная угроза, превышающая способность человека справиться с ситуацией и ее последствиями. Симптомами ПТСР являются частое повторное переживание травмы в ярких картинках, кошмары, которые сняты в качестве защитной реакции мозга от постоянного перенапряжения, связанного с негативными воспоминаниями, общее нарушение сна, злость. «Воспоминания атакуют пострадавших ошеломляющими переживаниями. Они крадут у пострадавших будущее и оставляют их застрявшими в ужасном

прошлом и фаталистическом настоящем с чувством полного отсутствия контроля»⁹. Практически все части мозга подвергаются воздействию ПТСР. Приведем пример из книги Ф. Зимбардо «Время и лекарство». Сорокапятилетняя женщина Кара жила полной жизнью вместе со своим мужем. У них не было детей, но была прекрасная работа и любимые развлечения. Всё было отлично до того дня, как в ее пикап врезалась огромная машина, за рулем которой сидела молодая женщина. Автомобиль Карты перевернулся, но она осталась жива. Выбравшись из пикапа, она побежала ко второй машине, и все, что она увидела, это последние мгновения жизни молодой женщины. На заднем сидении были разбросаны атрибуты ее жизни - детское сиденье, игрушки, но ребенка в машине не было. Эта катастрофа изменила всю жизнь Карты. После ряда операций, ее физическое состояние пришло в норму, но психологически по-прежнему было тяжело, психотерапия не помогала. Жизнь изменилась, к мужу она охладела, перестала за собой ухаживать. В ее голову постоянно возвращались картинки с места несчастного случая. Эти картинки были запечатлены в зрительной коре задней части мозга. Скрежет металла и крики закрепились в височных долях, располагающихся над ушами. Запахи асфальта, бензина и крови - отпечатались в обонятельной коре, располагающейся прямо за глазами. Физическая боль, которую испытала Кара, отложилась в мышечной памяти ее тела, отдавая сигналы на болевой и эмоциональный центры мозга. Мысли о погибшей женщине и ее малыше запечатлелись в префронтальной коре, где происходит процедура мышления, и в лимбической системе, которая охватывает центральную часть мозга. Травма Карты находилась во всем ее существовании. Справиться с этим расстройством Каре помогла *терапия временной перспективы* (далее ТВП). ТВП - это эволюция когнитивно-поведенческой терапии и ориентированной на цель разговорной терапии, она включает в себя ориентиры на будущее, через позитивное прошлое, которое было до травмы. Пациентам объясняют, то, куда они направляются, важнее того, где они были. «Мы начинаем с того, что озвучиваем травму, отдавая ей должное уважение, которую она заслуживает; но не задерживаемся на ней. Мы отправляемся дальше в прошлое, собирая позитивные силы и отыскивая челове-

ка, которым он или она был(а) до травмы. Затем идем назад в настоящее, помогая найти способ наслаждаться каждым наступающим днём, и, наконец, мы полным ходом отправляемся к сбалансированной временной перспективе и светлому будущему»¹⁰. Работая с переживаниями несчастных случаев имеют значение истории, *нарративы*. Чтобы осознать и принять большую потерю, мозг человека естественным образом начинает формулировать историю, через которую описывается, что и как произошло. Нарративы часто создаются, когда событие случилось неожиданно, либо наперекор нашим ожиданиям¹¹.

Люди, страдающие ПТСР имеют похожие *паттерны временной перспективы*: высокий ориентир на негативное прошлое и низкий на позитивное прошлое, высокая или низкая ориентация на гедонистическое настоящее и высокая ориентация на фаталистическое настоящее, а также низкий ориентир на будущее. Кара перестала обращать внимание на свою одежду, перестала краситься, равнодушие стало ее главной характеристикой. Чтобы начали происходить изменения, Ф. Зимбардо говорит, нужно «переместить ногу с неустойчивой почвы прошлого на твердую почву будущего. Затем необходимо вытащить вторую ногу из болота фаталистического настоящего и поставить ее на более устойчивую почву гедонистического настоящего. Когда клиенты начинают ощущать под ногами твердую почву, мы просим их начать делать маленькие шажки в будущее путем составления простого плана»¹². Кара поняла, что со временем может стать гораздо лучше, что не стоит строить свои ожидания о будущем на боли прошлого, ее негативные воспоминания постепенно стали растворяться в «зеркале заднего вида».

По данным 2009 года, за шесть месяцев ТВП - с января 2009 года по июнь 2009 года - самочувствие клиентов улучшилось по показателю «депрессия» на 89%, «тревога» - на 70%, «травма» - на 52%. Важно то, что на протяжении ТВП и после нее не было ни одного суицида, ни одной попытки суицида, ни одного развода и ни одного ареста, а спустя тридцать месяцев 94% сохранили свой успех. Это высокие показатели в пользу эффективности терапии временной перспективы. Клиническое исследование проводилось на базе Опросника тревоги Бернса,

Опросника депрессии Бернса, Посттравматической диагностической шкалы, Опросника симптомов травмы, Шкалы Гамильтона для оценки тревоги, Опросника депрессивности Бека II, и методики Ф. Зимбардо по временной перспективе (Zimbardo Time Perspective Inventory - ZTRI)¹³. В целом результаты позитивны: у 87% происходит уменьшение симптомов травмы и ПТСР, у 100% снижены показатели депрессии. ТВП через достижение сбалансированной временной перспективы обучает справляться с негативным прошлым, достигать радостного настоящего, которое будет создавать благополучный сценарий для будущего.

Помимо непосредственно временной ориентации на поведение человека может оказывать влияние ситуация. Ф. Зимбардо доказывает это своим *Стэнфордским тюремным экспериментом*¹⁴, который был проведен в августе 1971 года. Были отобраны 24 студента колледжа, все молодые люди. В подвале здания факультета психологии Стэнфордского университета было оборудовано подобие тюрьмы, с как можно более приближенными атрибутами - железными решетками, специальной одеждой с номерами для арестантов и цвета хаки для надзирателей: их разделили по жребию. Сам Ф. Зимбардо играл роль начальника тюрьмы. Все участники эксперимента очень быстро вжились в свои роли. Те, кому выпало быть надзирателями за два дня превратились в злых и агрессивных командиров, а те, кто были арестантами - выходили из себя и теряли волю, превратившись в конечном счете в зомби. Всё было настолько реалистично, что все забыли о том, что это только эксперимент. Через шесть дней эксперимент был прекращен по этическим соображениям, хотя планировалось его вести две недели. Были воссозданы деиндивидуализация и обезличивание - все участники потеряли свою индивидуальность, обращение строилось на фразах «господин надзиратель» или «заключенный номер такой-то»; демаскулинизация - мужские качества стойкости и смелости у заключенных быстро превратились в податливость и уступчивость, их заставили носить чулок на голове для имитации выбритой головы и называли их «малышка» и т.д.; унижение - многим не давали помыться и опрыскивали антибактериальным спреем, убеждая в их вшивости и т.д. Эксперимент показывает, что личностные фак-

торы подчиняются ситуативным, ситуация влияет на человека намного больше, чем индивидуальные особенности личности. Это важно учитывать, рассуждая о проблеме свободы воли, вероятно ее решение не будет содержать ответ о категорическом существовании или несуществовании свободы воли, но, возможно, нужны особые оговорки, связанные с ситуативной спецификой.

В заключение отметим, временная перспектива - это важный фактор, определяющий поведение человека в социуме. Изучение времени личности постепенно переходит также и в прикладную сферу, появилась дисциплина тайм-менеджмент. Продолжая изучать временную перспективу личности, можно будет фиксировать закономерности выбора личности, ее особенности. Теория временной перспективы направлена на оценку отношения ко времени, которая, в свою очередь, помогает оценить отношение личности к окружающей реальности, самому себе, к другим людям, своему опыту и будущим перспективам, тем самым давая ключик к пониманию сознания.

Ссылки:

- 1 *Зимбардо Ф.* Время как лекарство. СПб.: Питер. 2014. С. 49.
- 2 *Frank L.K.* Time perspective / L. K. Frank // *J. of Philosophy.* 1939. Vol. 4. P. 293-312.
- 3 *Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл. 2004. 607 с.
- 4 *Зимбардо Ф.* Время как лекарство. СПб.: Питер. 2014. С. 61.
- 5 *Там же.* С. 60.
- 6 *Зимбардо Ф.* Время как лекарство. СПб.: Питер. 2014. С. 117.
- 7 *Там же.* С. 48.
- 8 *Polak F.* The Image of the Future. Elsevier Scientific Publishing Company. Amsterdam, London, New York. 1973. P. 21.
- 9 *Зимбардо Ф.* Время как лекарство. СПб.: Питер. 2014. С. 34.
- 10 *Зимбардо Ф.* Время как лекарство. СПб.: Питер. 2014. С. 97.
- 11 *Zimbardo P., Boyd J.N.* Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric. *Journal of Personality and Social Psychology.* 77. 1999. P. 1271-1288.
- 12 *Зимбардо Ф.* Время как лекарство. СПб.: Питер. 2014. С. 109.
- 13 *Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо онлайн на англ.яз.* см. <http://www.thetimeparadox.com/zimbardo-time-perspective-inventory/> (см. 31.03.15).
- 14 *Зимбардо Ф.* Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М.: Альпина нон-фикшн. 2013. 740 с.

Методологические основания социального познания

Мамедов А.К.

В статье подробно рассмотрены социокультурные и теоретические основания социальной науки, место социологии в системе научного дискурса. Проводится критика позитивистской парадигмы – автор постулирует ее недостаточную эффективность при анализе современных социальных процессов. Раскрывается необходимость пересмотра всей методологии социальной науки с позиций её сложности и междисциплинарности, соотношения в ней естественнонаучных и социально-гуманитарных методологических оснований. Ключевые слова: классификация наук, критерии научности, метод, научная парадигма, объект, объективность научного знания, позитивизм, социальное познание, социально-философская традиция, субъект, эмпиризм.

Mamedov A.K.

Methodological bases of social knowledge

The article describes some theoretical foundations of socio-cultural and social science, the place of sociology in the scientific discourse. The author criticizes positivist paradigm, postulates its low efficiency in the analysis of contemporary social processes. This article explains the need of changing the methodology of sociology, taking into account the complexity, interdisciplinarity of social science and the complex of natural, social and humanitarian methodological grounds in it.

Key words: scientific classification, scientific criteria, method, scientific paradigm, object, the objectivity of scientific knowledge, positivism, social cognition, social and philosophical tradition, subject, empiricism.

Проблема субъекта, объекта и метода социального познания возникает (предельно обостряется) с возникновением и развитием «позитивной философии», разработанной французским мыслителем О. Контом (1798-1857) [см. 13, 1], который явился и основателем (современной) науки об обществе. Конт призвал науку к разрыву с социально-философской традицией и не только манифестировал этот разрыв, но и предложил оригинальную, философски обоснованную научную программу создания новой формы науки. По мнению Конта, социальное познание развивалось «не вполне научно» или даже совсем ненаучно. Поэтому «настоящую» науку об обществе, по его убеждению, только предстояло создать. Будущую науку Конт называл сначала «социальной физикой», а потом предложил название «социологии», которое и было со временем принято. При этом, конечная цель его «позитивной философии», предлагавшей совершенно новый взгляд на природу науки и научности вообще, как раз и состояла в том, чтобы превратить социальное познание в «позитивную науку».

Несмотря на крайний радикализм «позитивной философии», призыв Конта был с энтузиазмом подхвачен многими учеными, и в результате их усилий возникло чрезвычайно влиятельное (в целом, плодотворное) течение научной мысли, прошедшее в развитии уже несколько стадий – классический позитивизм второй половины XIX века (О. Конт, Г. Спенсер, Дж. Ст. Милль), эмпириокритицизм начала XX века, неопозитивизм (20-30-х гг. XX в.), постпозитивизм (50-60-х гг. XX в.). В ходе этого развития формировалась и современная социология как новая наука об обществе. Вместе с тем, формирование происходило не только под влиянием самого позитивизма, но и в результате интенсивной и острой критики методологии, начало которой было положено в 60-х годах XIX века

со стороны оппозиционного позитивизму неокантианства (особенно, баденской школы, — Виндельбанд, Риккерт и др.), выдвинувших тезис о принципиальном отличии социально-гуманитарного знания и познания от естественнонаучного и об их несводимости. Аналогично развивалась критика позитивизма и со стороны представителей «философии жизни»; так В. Дильтей противопоставил естественнонаучному «методу объяснения» специфический для социально-гуманитарного познания «метод понимания» («герменевтики»).

Впоследствии появились новые подходы, отрицавшие или ограничивавшие позитивистскую версию социального познания и предлагавшие иную методологию (феноменологическая социология, экзистенциальная социология, социология повседневности, этнометодология, символический интеракционизм и др.). В ходе критики (и отчасти самокритики) некоторые радикальные принципы позитивизма были смягчены или переосмыслены, но во многом позитивизм сохраняет принципиальное влияние в науке об обществе, оставаясь наиболее «солидной» и устойчивой, ведущей методологической основой. Причина в том, что за позитивизмом «стоит» естествознание, весомые успехи которого настолько очевидны и впечатляющи, что всякая критика используемых подходов и методов познания сталкивается с огромным сопротивлением. Вследствие этого, анализ фундаментальных установок позитивизма как ведущей методологии и программы научного познания, и в особенности — социального, сохраняет чрезвычайную актуальность. И лучше всего такой анализ осуществлять на примере исходных положений основателя этого направления — Конта, поскольку позитивизм выражен в его первоначальной простоте, резкости и ясности. Тогда как у адептов он теряет исходную резкость и определенность, и зачастую маскируется под свою противоположность, например, — в марксистской социальной философии, являющейся, по существу, одной из версий позитивизма, которая, однако, не признает себя позитивизмом, преподносит себя как отличное и с этой целью часто даже «кокетничает» (Маркс) методологически несовместимой с ним (гегелевской) — терминологией. У социальной философии Конта и Маркса один и тот же источник — социальные воззрения Сен-Симона¹, учение кото-

рого они восприняли с одобрением, но развивали по-своему (первый делал акцент на классовой солидарности, второй — на антагонизме и борьбе классов). При этом Конт считал необходимым сформулировать философскую основу этого учения явно, а Маркс сознательно оставил без экспликации.

Определение предмета социологии как (новой) науки было дано позитивистом через указание на место, которое отводилось ей в системе (классификации) «позитивных наук», а, следовательно, — и через указание ее отношения ко всем наукам. Впервые классификация наук (в простом виде) возникает у Платона, который формулирует явно само понимание Науки и научности. Аристотель, пересмотревший взгляды учителя, реформировал и платоновскую классификацию наук. Затем собственные классификации наук (в общей форме) развивали стоики, эпикурейцы и неоплатоники; система последних была положена в основу средневековой классификации научного знания (и образования).

Радикальную реформу этой системы впервые осуществил (за два века до Конта) Ф. Бэкон, теория которого пользовалась таким признанием и авторитетом, что инициатор издания знаменитой «Энциклопедии», Даламбер положил ее в основание этого выдающегося обзора всех достижений «наук, искусств и ремесел». Однако классификация Бэкона опиралась на субъективные (психологические) основания, ибо в основе — разделение познавательных способностей человека на память, воображение (фантазию) и рассудок.

В противоположность этому Конт критерием классификации определяет различие между самими предметами (объектами) познания, придавая ей объективность, поэтому его классификация наук сохраняет свое значение и до сих пор. При этом, поскольку, согласно Конту, философия может существовать только как обобщение результатов, добываемых частными науками, то и его классификация наук выражает наглядно самую суть его «позитивной философии». «Конт, — отмечают в этой связи исследователи его системы, — выступил упразднителем философии в старом традиционном смысле слова. В представлении Конта философия не имеет ни своего особого предмета, ни своего метода, отличного от методов науки. Позитивная философия является систематизацией наук,

того, что есть «научного в науках». Чтобы изложить позитивную философию, нужно изложить всеобъемлющую систему наук, включающую анализ их предметов, методов, законов, сходств и отличий» [9, с. 3].

Эта классификация носит линейный характер и представляет все «позитивное знание», накопленное человечеством, в виде цепочки (скорее иерархии) наук, первым звеном (основой) которой является математика, а последующими звеньями — астрономия, физика, химия, биология и социология, расположенные именно в таком порядке. Порядок здесь выражает саму суть и развитие научного знания. Каковы же принципы иерархии «позитивных наук»?

Во-первых, — принцип движения от наук наиболее общих (математика) к науке наиболее частной (социология). Математика — наука наиболее общая, ее положения и методы справедливы и применимы для всех абсолютно предметов и процессов объективного мира, а социология — наука наиболее частная, ее законы касаются только сферы (человеческого) общества. Поэтому все законы, установленные во всех более общих науках, справедливы и для социологии, но ее собственные — социологические — законы справедливы только для специфического предмета (общества) и не имеют значения для остальных наук.

Во-вторых, Конт указывал и на принцип простоты-сложности предметов наук: предмет математики наиболее прост, а предмет социологии — наиболее сложен. Интуитивно, это представляется верным, но дискурсивно, не вполне ясно, что именно понимается под «простотой» и «сложностью» предметов (объектов) различных наук и как именно можно (и нужно) определять это. Конт предпочитал не углубляться в этот вопрос, и мы оставим пока без обсуждения. Описывая иерархию, Конт обращал внимание, не только на логические, но и на исторические свидетельства. В историческом развитии научного знания именно математика, как известно, достигает относительного совершенства первой, что выразилось на практике в появлении знаменитых «Начал» Эвклида. Второй наукой, достигшей совершенства еще в древности, оказалась астрономия, что выразилось в появлении знаменитого «Альмагеста» Клавдия Птолемея (II в. н.э.). В астрономии же происходит и первая научная революция, поднимающая

ее на новый уровень совершенства (Коперник, Кеплер). Затем последовательно достигают совершенства физика (Декарт, Галилей, Ньютон), химия (Лавуазье, Дальтон, Пристли и др.) и биология (Линней, Ламарк и др.). На очереди оказывается социология. Факт последовательности в развитии выделенных Контом наук хорошо согласуется с представлением об относительной простоте-сложности их предметов — более простые науки и совершенства в своем развитии достигают раньше, чем более сложные.

Основной акцент в своей программе реформы наук Конт делал, все же, на методе познания и старался доказать, что выделенные «позитивные науки» используют, в общем, один и тот же метод, которому и дал название «позитивного». Согласно его логике, метод познания, в общем, не зависит от природы объектов, изучаемых наукой, и, следовательно, применение одного и того же метода познания к различным предметам, может быть одинаково эффективным. А поскольку достижения «более простых» наук были к тому времени всем очевидны, то и от распространения «позитивного метода» на область социального познания логично было бы ожидать столь же впечатляющих достижений и быстрого развития научных знаний об обществе. Однако к серьезным успехам, вопреки ожиданиям, начинание самого Конта не привело (хотя сам оценивал свои достижения чрезвычайно).

Гораздо больших успехов, по общему мнению, достиг на этом пути другой позитивист — Спенсер, который, собственно, и развил в первые социологию в виде «позитивной» науки. Однако философия Спенсера была при этом не вполне позитивистской и, по меньшей мере, не столь радикально негативной по отношению к философской традиции, как у самого Конта. В частности, Спенсер всеобщий закон эволюции вывел, как заметили его критики [см. 12, с. 102-103], отнюдь не из наблюдений, а из самой чистой «метафизики», хотя и своеобразной. В чем же состоит суть «позитивного» метода, предложенного и продвигавшегося Контом? На этот вопрос он так и не дал четкого и ясного ответа².

Позитивный метод познания позиционируется негативно, — через отрицание подходов, характерных для традиционного, философского рационального познания. Это некоторый

нефилософский и даже антифилософский («антиметафизический») метод, посему прежде всего выражается в крайне негативном отношении к философии («метафизике»), которую основатель позитивизма объявил, хоть и необходимой, но тем не менее неполноценной формой знания. Еще более неполноценной, с его позиций, является только дофилософская («теологическая») форма знания, развивавшаяся в самом начале истории. На смену ей приходит философская форма, затем должна прийти (и приходит) форма «позитивная». Эту «закономерность» Конт считал даже «Великим основным законом развития мышления человека во всех сферах его деятельности» [3, с. 133] и ставил его открытие в особую заслугу. По сути, Конт постулирует ревизию критериев научности, установленного и развитого в западном научном сознании в античности и предлагал считать наукой только то, что удовлетворяет лишь его критерию. Наукой, по Конт, выраженному более конкретно, является исследование явлений, но не их сущности; основные методы научного познания — это наблюдение, измерение, сравнение, описание и эксперимент, но не «философствование» (теоретизирование). Иначе говоря, научное познание предлагается свести в основном к эмпирическому познанию.

Наука, безусловно, нуждается и в том, и в другом, — в эмпирическом, и в теоретическом подходах к своему предмету; она должна исследовать и явления, и их сущность, должна доискиваться не только законов, но и причин явлений и т.д. Поэтому чистый, рафинированный позитивизм как научная методология вообще бесперспективен и как показало дальнейшее развитие научной программы, — неосуществим. Однако исторически пафос сочинений Конта (его аргументация) имели и положительное значение, ибо способствовали развитию в социологии в первую очередь эмпирических методов исследования, что для того времени было вполне оправданным и полезным. Позитивизм значительно продвинул развитие эмпирической социологии. Неверной в нем была лишь установка на абсолютизацию эмпирических методов и эмпирического познания в целом, которой сам Конт на деле и не следовал.

Парадоксальным при этом является то, что сама установка на эмпиризм в тот период была обоснована именно самой же «метафизикой» в

лице одного из величайших реформаторов — И. Канта, философию которого Конт внимательно изучил. Согласно зрелому («критическому») Канту, человеческий разум (наука) может применяться лишь к познанию явлений, данных ему эмпирически, в ощущениях, а всякая попытка разума выйти за пределы явлений приводит к противоречиям, неразрешимым антиномиям и парадоксам и потому дает нам вместо реальных познаний лишь некую видимость таковых. Кроме того, «вещь в себе», согласно философии Канта, принципиально непознаваема — мы можем знать какова вещь для нас, какой она нам является. А какова она сама по себе («в себе»), то есть, независимо от нашего восприятия, — этого нам знать не дано. На этом основании Конт и обвинил всю прежнюю философию («метафизику») в пустопорожности, а все ее традиционные формы (сущности) объявил не формами самого бытия, а формами лишь нашего сознания (правда, «априорными»). Место прежней метафизики (онтологии) у него заняла теория субъективного разума и рассудка. Полностью согласившись с этим, Конт и объявил единственным предметом научного познания — познание внешних нашему сознанию явлений, дающихся нам эмпирически (в чувственном опыте).

По существу, философскими основаниями позитивизма является критический субъективный гносеологизм Канта, доведенный до некоторого предела. Тем более, что до наступления так называемого «критического периода» Конт и сам был уже в некотором смысле вполне сложившимся «эмпириком» (хотя и мыслящим), написал превосходные для того времени работы по естествознанию, выполненных вполне в духе позитивной философии [см. 10]. Однако Конт в своей научной программе пошел намного дальше и призывал науку вообще отказаться от поиска причин явлений и искать только их законы, то есть — те связи и порядок между различными явлениями, которые могут фиксироваться непосредственно в опыте (например, — как «Закон всемирного тяготения», открытый Ньютоном). Вообще, физико-механическая теория Ньютона для Конта (как и для его учителя и вдохновителя Сен-Симона) была идеалом и образцом научной теории и научности вообще. И, если определить суть позитивного метода максимально кратко и «позитивно», то лучше всего его можно выразить в

следующей формуле: «Социология должна подражать физике Ньютона, а не физике Аристотеля, как она это делала до сих пор». В более общем виде — это призыв подражать естествознанию (Нового времени). Обратимся с этой целью к более детальному анализу контовской линейки (иерархии) наук.

Первое, что бросается здесь в глаза, — это несоразмерность выделения членов представленного им ряда. А именно, — астрономия, физика и химия представляют, по сути, лишь различные дисциплины одной и той же науки — Физики (в широком смысле). Астрономия и химия — это физические науки, точно так же, как ботаника и зоология, например, — биологические науки. Но Биологию Конт в своей линейке наук не разделяет на дисциплины (которых множество). И точно так же не разделяет и Социологию. Однако Физику он почему-то указывает в одном ряду с ее частными дисциплинами, причем, лишь со следующими двумя — астрономией и химией, тогда как и других частных физических дисциплин, бывших уже известными Конту, имеется множество (минералогия, теория газов, теория жидкостей и твердых тел, теория электрических и магнитных явлений, теория теплоты, геология и т.д.). Почему же из всего множества части быть выделенными и включенными в основную линейку наук удостоились только химия и астрономия?

Отчасти объяснение этому уже дано выше — теории Птолея, Коперника и Лавуазье исторически являются настолько значимыми достижениями нефилософских («позитивных») наук, что Конт просто не мог не отдать им должного. Включение этих наук в перечень повышало степень доверия и придавало больше убедительности системе. Более объективное объяснение состоит в том, что Конт просто не вполне ориентируется в современной ему реальной системе наук, и не вполне понимает, чем же на самом деле одна наука отличается от другой. При этом, обладая гораздо большей осведомленностью в области математики и физики (Политехнический институт), чем в биологии и гуманитарных науках, в которых был дилетантом, Конт и в классификации наук представляет первые более дифференцированно, чем вторые. Иначе говоря, несовершенство его системы наук определяется недостатком, в том числе, его личного образования и понимания сути дела.

Но и это объяснение не исчерпывает сути дела. Более глубокая причина здесь кроется в различении объекта (объектов) и предмета познания. В философии Аристотеля, где впервые было намечено это деление, — это различение между сущностями (что существует само по себе) и их качествами, свойствами, отношениями и т.д., то есть, тем, что существует не само по себе, а лишь в другом (в сущностях) и посредством этого другого [см. 2, с. 54] (впоследствии схоласты присвоили всему названию «атрибутов» и «модусов»). При этом любая наука может определяться как видом (родом) сущностей, которые она изучает, так и различными их аспектами (сторонами), которые та или иная наука выделяет себе в качестве специфического предмета своего изучения. Итак, у любой науки существует как объект ее изучения (род сущностей), так и предмет ее изучения (стороны и аспекты, выделяемые ею в своем объекте или объектах).

С этой точки зрения, Физика, например, — это наука о физических сущностях (объектах), а астрономия и химия — это физические науки (дисциплины), изучающие специально различные физические предметы (космические и молекулярные физические тела). Следовательно, Конт, не получивший в свое время основательной философской («схоластической») подготовки, просто не различает особенностей физических наук и потому просто смешивает Физику вообще (в целом) с физикой как ее частной дисциплиной. Но следует отметить и то, что это различение столь трудно, что оно ускользает от понимания и многих современных ученых. Если бы Конт был вполне последовательным, то он должен был убрать из предложенной им цепочки основных наук астрономию и химию, «спрятать» их внутри общей им рубрики «Физика», и тогда от его пятизвенной цепочки осталось бы только три больших звена — Физика, Биология и Социология, «внутри» каждого из которых содержалось бы великое множество самых различных физических, биологических и социально-гуманитарных наук (дисциплин).

Современная теория науки [см. 8] давно уже уловила и исправила эту ошибку (непоследовательность) Конта и сегодня она представляет ряд основных — фундаментальных — наук именно в таком, трехзвенном виде — Физики, Биологии и Социологии. Однако и современная тео-

рия науки никак этот ряд не объясняет и не обосновывает. Обычно просто указывается, что именно такое, а не какое-либо иное деление основных наук «сегодня принято» [см. 17, с. 119]. Но наука не может не обосновывать своих положений, кроме самых очевидных. А указанное деление, очевидно, к таковым не относится. Основатель современной классификации наук — Конт — свою цепочку наук никак не обосновывал, что было для него простительно; просто «нашел» или подобрал эмпирически некоторое множество «хороших», с его точки зрения, наук, объявил их «позитивными» и выстроил их в цепочку — от «простых» к «сложным» и от «общих» к «частным», при этом допустив указанные погрешности. Но современная теория науки так действовать уже не может и должна найти (указать), на каком основании выделяются именно и только три указанные науки в качестве фундаментальных, и почему они располагаются именно в таком, а не ином порядке. Почему, в общем, существуют только три указанные фундаментальные науки, а не одна, две, четыре, пять (у Конта)?

В принципе, обоснование это было давно уже произведено в знаменитой «Энциклопедии философских наук» Гегеля. Однако, поскольку современная наука не признает методологии Гегеля, являющейся полной противоположностью логики и методологии позитивизма (именно поэтому она ее и не признает), то нам придется с этой целью обратиться к чему-то более приемлемому для современного научного сознания. На наш взгляд, в качестве удовлетворительного обоснования выделения указанных трех и только трех фундаментальных наук, может выступить так называемое «Древо Порфирия», разработанное еще в античной науке комментатором Аристотеля неоплатоником Порфирием (3 в. н.э.).

Современные логики и методологи науки обычно не видят в этом «Древе» ничего, кроме некой хорошей иллюстрации метода (или приема) деления понятий. Логический словарь-справочник Кондакова, например, рекомендует «Древо Порфирия» как «...наглядную схему, облегчающую запоминание отношений между родовыми и видовыми понятиями при дихотомическом делении объема понятия» [11, с. 165]. Однако эта «наглядная схема» представляет собой наиболее общую и потому фундаментальную

классификацию всех вещей (объектов), доступных человеческому познанию, — такую же, как классификация живых существ, например, классификация минералов и т.п. «Древо Порфирия» — это реальное достижение научной мысли, а не просто учебное пособие.

Вообще, любая содержательная классификация — это не некая иллюстрация логических приемов (методов), а реальное достижение, реальный результат познания в соответствующей области. И именно таким реальным достижением античного познания и является прежде всего «Древо Порфирия». И его обоснованность (доказанность) заключается в том, что невозможно указать на какой-либо реальный или потенциальный объект познания, который не охватывался бы этой классификацией. Она строга, последовательна и полна. И, в отличие от классификации наук Конта, она не эмпирична, а теоретична (аналитична). Именно поэтому она и может (должна) быть положена в основание классификации наук.

Первое деление: Физика и Метафизика. Согласно этой классификации, все потенциальные объекты нашего познания (то есть, все реально существующие «вещи») прежде всего делятся на телесные и бестелесные. Такое деление, как известно, было установлено Платоном, который и положил тем началом науке о бестелесном (об «идеях»). Основанную Платоном науку и стали впоследствии называть «Метафизикой» (Платон называл ее чаще — просто «Философией», а иногда, в узком смысле, — «Диалектикой»). Наука же о телесных (материальных) вещах основана была задолго, а именно, — Фалесом (6-7 в. до н.э.), который и считается основателем философии. Наука Фалеса развивалась затем в учениях родственных им ученых, которых сегодня относят к «стихийным материалистам» («стихийным» — потому, что до Платона они сами не знали еще, что они — «материалисты»).

Современное научное сознание может как признавать (идеализм), так и отвергать (материализм) объективное существование бестелесных сущностей. Принципиально отвергали их существование и некоторые древние ученые, например, Эпикур (341-270 до н.э.) и его последователи. Но и те, и другие — и идеалисты, и материалисты — одинаково признают существование телесных, материальных вещей. Наука же

об этих вещах уже в древности получила название Физики (греч. *фюсис* — природа). Но после Платона ее стали называть также Философией. А чтобы отличить от философии в платоновском смысле, впоследствии ей дали уточняющее название Натурфилософии. Почему же понадобилось давать этой науке двойное название? Источником и причиной возникновения у древней Физики двойного названия является то обстоятельство, что две рассматриваемые сейчас науки — Физика, основанная Фалесом, и Философия, основанная Платоном, — отличаются не только своими предметами (объектами), но также и своими методами познания.

Очевидно, прежде всего, что бестелесные сущности Платона (идеи) нельзя изучать теми же методами, что и воду Фалеса, воздух Анаксимена или землю Эмпедокла; оно требует прежде всего иных познавательных способностей, а именно — ума, разума, рассудка, так как глазами и другими органами чувств идеи не воспринимаются. Они — умопостигаемые, а не чувственно воспринимаемые сущности. На этом основании и основано изначально сомнение в их «реальном» существовании (вне нашего сознания). Но при этом оказывается, что и к чувственно воспринимаемым вещам можно прилагать те же методы познания, которые прилагаются к познанию «вещей» бестелесных (идей), например, — классификацию, определение (дефиницию) и т.д.

Получается, что методы Физики к идеям неприменимы, ибо не наблюдаемы, а методы Философии («метафизики») применимы к познанию не только идей, но и телесных (материальных) сущностей. Однако в результате такого приложения логических (умозрительных) методов к физическим вещам и сама Физика приобретает иной вид, чем при собственно эмпирическом подходе к ней, то есть становится как бы философией. Вот поэтому этой Физике, — «как бы философии» — и присвоили потом название «Натурфилософии». Это было сделано для того, чтобы отличать ее, с одной стороны, от Философии (у которой иной предмет), а с другой — от собственно Физики, развиваемой нефилософскими (эмпирическими) методами. Натурфилософия — это Физика, развиваемая философскими (умозрительными) методами, или методами, характерными для философии (метафизики). Получается, что Философия как наука может быть только одна — это Теория идей,

развиваемая своим собственным, философским (умозрительным) методом. А Физика может быть две — Натурфилософия и собственно Физика (эмпирическая). Примером первой может служить «Физика» Аристотеля или «Философия природы» Гегеля, а примером второй — вся современная, эмпирико-экспериментальная физика. Вторая сегодня не признает Натурфилософию и не считает ее за науку, но в древности этой второй (эмпирико-экспериментальной) физики вообще не было. Вся Физика тогда сводилась практически к одной Натурфилософии. Причина в том, что невозможно заменить один метод мышления другим или избавиться в пользу другого. Более того, когда эмпирическая физика заходит в тупик, как случилось в начале XX века, она тут же обращается за помощью к философии или сама начинает философствовать. В такой момент обнаруживается явно, что всякая эмпирическая физика основана на той или иной метафизике, просто она, до поры до времени, не осознает этого.

Вывод же здесь состоит в следующем: в науке вообще существуют (в согласии или соперничестве) два основных, несводимых друг к другу метода познания — эмпирический и философский. И любая конкретная наука не может избавиться ни от одного, ни от другого. Позитивистский идеал чисто эмпирической науки недостижим (потому ненаучен (да и сам позитивизм основан на определенной метафизике, усвоенной некритически и бессознательно).

Перейдем теперь к следующему делению Древа Порфирия: Физика и Биология. Все материальные объекты делятся на «обладающие душой» (одушевленные) и «не обладающие душой» (неодушевленные). Слово «душа» тоже не нравится материалистам, так как оно исторически указывает на нечто: а) нематериальное и б) главенствующее по отношению к телу. Поэтому, в современном научном тезаурусе слово «одушевленные» заменено на слово «живые». Однако замена представляет собой чисто словесное избавление от проблем, которые тут существуют, и по сути ничего не решает.

Сегодня два эти вида (рода) телесных, материальных вещей представляют собой объекты познания, соответственно, — Биологии (биологических наук) и Физики (физических наук), понимаемой, однако, теперь уже в более ограниченном смысле.

В предельно широком смысле, рассмотренном выше, Физика — это наука о телесных (материальных) объектах вообще, которые могут быть как живыми, так и неживыми. И, следовательно, Биология — это тоже Физика, в отличие от наук, изучающих бестелесные вещи (идеи). И Социология — это тоже Физика, поскольку и человек и общество — именно телесные, а не бестелесные сущности. Поэтому вовсе не случайно Конт хотел назвать свою новую науку об обществе «социальной физикой». Тем самым он хотел подчеркнуть принципиальное родство его науки об обществе с достигшей к тому времени большого авторитета (эмпирической) физикой. И только случайное обстоятельство, а именно то, что его современник А. Кетле уже использовал тогда словосочетание «социальная физика» для обозначения своего метода исследования общества (социальной статистики), заставило Конта искать другого названия для его науки, и в конце концов остановиться на созданном им неологизме — «социология». Именно словосочетание «социальная физика» лучше всего выражало образ той науки, которую хотел создать Конт. Но это словосочетание оказалось уже «занятым». Точно так же и биологию в свое время можно было назвать «органической физикой» (так она названа в «Энциклопедии философских наук» Гегеля). Однако тот, кто подбирал ей впервые название (Ламарк в 1802 году), в отличие от Конта, не считал, физику за идеал, не стремился подражать ей, и потому выбрал для своей науки принципиально непохожее название. Но, в общем, конечно, все науки, направленные на изучение материальной природы — это Физика, и именно так — в самом широком смысле — она и трактовалась первоначально в древности. Однако сегодня мы уже называем «физикой» в строгом смысле лишь некоторую более узкую группу наук, а именно, — наук, сосредоточенных на изучении только неодушевленной (неживой) материи. Ни Биологию, ни Социологию, мы сегодня к Физике не относим, так как видим уже (или чувствуем) между этими науками принципиальную разницу.

Но, с другой стороны, поскольку все живые существа относятся тоже к «вещам» телесным (материальным), то и их тоже, в принципе, может изучать также и физика (в узком, ограниченном смысле). Однако, как мы уже понимаем,

она может их изучать только как неживые вещи, то есть — как просто физические тела. То, что эти тела еще сверх того и живые — это физику (в узком смысле), интересоваться не может. От этого она отвлекается и рассматривает в живых организмах только то, что общее у них с телами неживыми. Широко известным примером такого, чисто физического подхода к живым объектам может служить знаменитая работа Э. Шредингера «Что такое жизнь с точки зрения физики» [20]. Ничего собственно «биологического» в этой книге не содержится — там рассматриваются и обсуждаются чисто физические и химические закономерности процессов, протекающих в живых организмах. Специфическую же природу живых тел может исследовать только сама Биология (взятая во всем комплексе своих дисциплин).

Таким образом, оказывается, что и к живым объектам можно подходить с двумя разными точками зрения и, следовательно, с двумя разными методами их познания — методом, характерным для физики как науки о неживых вещах, и методом, характерным именно для самой Биологии. Иначе говоря, существует два разных (и даже противоположных) метода познания живого — метод физический и метод собственно биологический. При этом обратное невозможно — нельзя подходить к познанию неживых вещей с методами, характерными для биологии (гилозоизм).

В древности Природа в целом рассматривалась тогда как одушевленный объект, как огромный живой организм. И только Демокрит отверг этот взгляд на природу и предложил смотреть на нее как на некое, чисто механическое (физическое) образование. Но при этом, такой, чисто механический взгляд распространился у него не только на собственно физические тела, но и на тела живые (душа, по мнению Демокрита, состоит из самых маленьких круглых атомов), а также и на человека. Поэтому демокритовский подход уже в древности был признан очевидно абсурдным и явно противоречащим опыту, и в результате он так и не нашел себе сколько-нибудь значительного числа приверженцев (из заслуживающих внимания история называет только Эпикура и Лукреция). Если бы Демокрит догадался ограничить универсальность своей теории, изъяз из ее «ведения» биологические, психологические и соци-

альные явления, то он мог бы явиться подлинным основателем современной (ограниченной) физики (каковым его, впрочем, многие физики сегодня и признают). Но он не догадался этого сделать, а потому был полностью отвергнут, что и задержало возникновение современной физики на много столетий. Вместе с водой древние выплеснули и ребенка.

Начиная лишь с Декарта, постепенно вырабатывается взгляд на природу как на чисто физическую (физико-механическую) сущность. При этом, однако, и Декарт неожиданно признал все живое, в том числе, и животных чистыми механизмами («машинами»). Только лишь человеку оставил он душу, наделенную разумом и свободной волей. А вся остальная природа у него была объявлена «Машиной», подлежащей познанию и объяснению чисто механическими (физико-геометрическими) методами, характерными для познания неживых вещей. В результате этой, картезианской революции и родилось современное представление о «Естествознании», в рамках которого объединяются не только собственно физические, но и биологические науки. Поэтому-то многие ученые сегодня и считают, что во всех «естественных» науках должен применяться один и тот же метод — метод физики (как науки о неживых вещах). Впоследствии один из сторонников Декарта-Ламетри сделал, наконец, последний шаг и объявил не только животных, но и человека тоже точно такой же машиной [14, с. 183-244], только «еще более сложной». Тем самым получалось, что не только физика и биология, но и все науки о человеке и обществе подлежали изучению теми же самыми методами, которыми пользуется физика, то есть, «естественно-научными». В результате произошло как бы возвращение к философии Демокрита, отвергнутой в древности. И основной призыв Конта в деле реформирования социологии, несомненно, исходит именно из этого направления научной мысли. Но, хотя на этом пути, указанном Декартом, в области биологических наук в свое время, и действительно, были достигнуты значительные успехи (в частности, — теория рефлексов И.М. Сеченова и И.П. Павлова, вторгшаяся даже в область наук о человеке), тем не менее, является ли этот путь магистральным? Должна ли Биология следовать физическому методу?

Конечно, как уже отмечено выше, этот метод может и должен применяться в биологичес-

ких науках, поскольку все живые тела являются и просто физическими (материальными) тоже. Однако все они, вместе с тем, являются чем-то большим, чем простые физические тела. И величайшая трудность здесь заключается в том, чтобы ясно указать на само это «большее», присутствующее во всем живом. Это — проблема сущности живого и его специфического отличия от неживых физических тел. Интуитивно, на практике мы обычно сравнительно легко отличаем живое от неживого. Но дискурсивно выразить то, на каком основании мы это делаем, очень трудно даже и для специалистов-биологов, тем более, — исповедующих позитивистский подход. Обычно у них это выражается через перечисление свойств («признаков»), которыми обладают живые объекты и не обладают неживые. Перечень этих свойств, как правило, сводится к следующему: рост, питание, выделение, раздражимость, размножение, — все это эмпирически воспринимаемые признаки живого. Но иногда к ним добавляют еще и приспособляемость, саморегуляцию, или гомеостаз [7, с. 11-12], что уже представляет собой не эмпирически воспринимаемые, но умопостигаемые особенности живого. Но даже и в этом случае самими же биологами чувствуется неудовлетворительность таких перечислений. Поэтому обычно они сопровождают следующим замечанием: «Каждое из этих свойств порознь может встречаться и в неживой природе, поэтому само по себе не может рассматриваться как специфическое для живого. Однако все вместе они никогда не характеризуют объекты неживой природы, и свойственны только миру живого, и в своем единстве являются критериями, отличающими живое от неживого» [см. 16, с. 563]. Дело однако не в единстве (комплексности) перечисляемых признаков, а в том, что эмпирически, одним только наблюдением отличить живое от неживого невозможно. Для глаз (восприятия вообще) они ничем не отличаются. И потому установить их различие можно только в понятии, или, говоря языком Платона, с помощью постижения идеи живого.

Парадоксально при этом то, указать ясно на специфическую природу живого не так уж и трудно, и мешает нам это сделать сегодня только психологический барьер, своего рода табу, наложенное на наше мышление господствующей методологией естествознания вообще и

«позитивной философией», в частности. Ведь «очевидная» и всем известная специфика живого заключается в том, что оно, в отличие от неживого, устроено целесообразно. Именно внутренняя (природная) целесообразность устройства и поведения живых существ и составляет их суть и очевидную специфику. И древние, не задумываясь, признавали это. Называя живые существа одушевленными, они просто выражали и констатировали это обстоятельство. Более того, и основатель современной биологии Ламарк, положивший начало этой науке своей «Философией зоологии» (1809), определял все живое именно через целесообразность его устройства и поведения [см. 4, с. 309].

Но современное естествознание, стоящее на точке зрения Демокрита и Декарта, не воспринимает этого подхода (или, точнее, отказывается признавать его открыто), поскольку страшится всякой телеологии, за которой ему чудится уже и теология. Однако эта предубежденность не может служить оправданием. Ведь от науки («естествознания») здесь требуется всего лишь признать факт — все живое устроено целесообразно. Не признавая этого факта, наука ставит себя в уязвимое положение. Ведь речь не идет здесь о том, кто придал всему живому эту форму целесообразности, речь здесь идет лишь о признании самого факта наличия у всего живого этой формы.

В свое время, настроенный тоже антиметафизически и антитеологически Кант, признал, все же, что вся область живого — это область естественно целесообразного, и что в биологии и шагу нельзя ступить без вопроса — «зачем?». Однако Канту это сделать было легко лишь потому, что телеологическая форма организации данных опыта считалась у него априорной формой нашего ума. В таком случае ему не требовалось признавать наличия целесообразности в самих вещах, объективно, так как он мог объяснять ее привнесением в опыт со стороны нашего разума и его априорных форм. Если же мы отрицаем этот субъективный подход, то должны просто признать объективность естественной целесообразности всего живого. Если мы обратимся к практике познания и сравним подходы физиков и биологов к своим предметам, то обнаружим, что, физики, действительно, не ставят в своих исследованиях вопросы «зачем?» или «для чего?» — эти вопросы у них

считаются ненаучными. Физик ограничивается лишь одним вопросом — «почему?», предполагающем только принудительное внешнее воздействие. И в этом как раз и заключается сущность и специфика самой Физики как особой науки.

Физика — это наука, ограниченная своим методом (концепцией) механического детерминизма, признающая только вопрос «почему?». И именно поэтому она и является наукой только о неживых телах. Ее метод не позволяет ей претендовать на что-то большее. Однако в биологии к этому вопросу — «почему?» — добавляются еще и вопросы «зачем?» и «для чего?». Без постановки этих вопросов биология развиваться не может, — не потому, что ей так хочется, а потому, что этого требуют сами объекты ее познания — живые организмы. Телеологический подход к пониманию живого навязывается биологам самими объектами их познания. Без этого их понять (познать) невозможно. В частности, невозможно предсказать реакции живых существ на те или иные внешние причины (раздражители), без учета строения и состояний самих живых организмов. В физических системах причина принудительно вызывает свои следствия. А в биологических системах организм может реагировать на одни и те же внешние воздействия совершенно по-разному. При этом реакции организма на раздражители носят целесообразный для него характер, и именно поэтому их можно понять. Поэтому, физик может объяснить биологу, например, почему в организме движется кровь, он также может объяснить, из каких веществ она состоит и почему она имеет красный цвет. Однако зачем в организме кровь и для чего она движется в нем — этого физик объяснить не может, потому что в его науке вообще запрещены такого рода вопросы. Допустив их, физик автоматически перестает быть физиком и превращается в биолога-гилзоиста. Однако из этого не следует, что такого рода вопросы должны быть запрещены вообще во всех науках. Биология же, собственно, и начинается лишь с постановки такого рода вопросов. И, следовательно, именно здесь и пролегает демаркационная линия, разделяющая собственные предметы (объекты) и подходы Физики и Биологии.

Физика есть наука о естественных, но механических, случайных и «бессмысленных» пред-

метах и процессах, подчиняющихся одному только закону (механической) причинности. Поэтому-то в ней такую большую роль играют чисто комбинаторные и статистические подходы. Биология же есть наука тоже о естественных (природных) телах, но таких, которые подчиняются не только закону причинности, но также и закону целесообразности. У физика все объясняется только через указание на внешние принудительные («действующие») причины, у биологов же — не только на такие причины, но и на целесообразность. Действиями одних только физических причин всю природу объяснить невозможно, можно объяснить только некоторую ее часть — собственно физические (неживые) объекты и процессы, протекающие в основном в Космосе (но и на Земле тоже), но другая ее часть требует также объяснения ее и с позиций и биологического (телеологического) подхода. Поэтому всякие претензии физики на роль «царицы наук» или неперменного образца для подражания ей со стороны биологии (не говоря уже о социологии) бесосновательны. Физика может и должна играть определенную роль в этих науках, но — не ведущую и не основную, а, скорее, вспомогательную и подсобную.

Древним людям мир казался населенным если не разумными, то, по крайней мере, живыми (одушевленными) существами. И для них это было естественным и неизбежным, поскольку человек свой первоначальный опыт получал (и получает) внутри того или иного общества, в котором его окружают главным образом разумные и живые существа и с которыми он взаимодействует прежде всего и глубже всего. Свой способ понимания и объяснения мира человек вырабатывает первоначально на основании именно этого, — социального общения. И только длительный опыт и размышление постепенно приводят людей (каждого отдельного человека в его онтогенезе и человечество в целом в истории) к мысли о том, что многие объекты в окружающем мире — не только неразумные, но и неживые. Они — просто физические сущности, понимать и объяснять которые нужно совсем по-другому. Их поведение и устройство полностью детерминировано случайностью или чисто механическими причинами. Именно этот ход умственного развития человека и человечества и уловил в своем «Великом основном законе» Конт (за Сен-Симоном), интерпретировав

так, что только с появлением Физики и физического мышления человечество обретает, наконец, «подлинно научный» подход к познанию.

Однако подход физики к познанию мира может безраздельно господствовать только в узкой области собственно физических объектов и процессов, за пределами которых он недостаточен. Попытка же абсолютизировать этот подход способна просто остановить развитие высших наук — Биологии и Социологии. Физика — самая низшая и самая ограниченная наука из ряда фундаментальных наук. В целом же получается, что, хотя логически, то есть, по месту, занимаемому ею в системе фундаментальных наук, Физика является самой первой наукой, так как ее (ограниченный) подход является наиболее общим, и потому применимым абсолютно ко всем материальным объектам; однако, исторически Физика оказывается наукой последней, так как ее точка зрения наиболее «неестественна» для человеческого разума, и потому прийти к ней для человека наиболее трудно.

Исторически же первой наукой для человека является именно социология (социально-гуманитарное знание и познание) как наиболее легкое и естественное для него. «Человек, — пишет Гегель, — встречается так называемое непонятное в двух областях: в живой природе и в духе. Но в действительности человек имеет дело с непонятным лишь в природе, так как дух есть именно то, чему свойственно быть явным для самого себя; дух понимает и постигает дух» [6, с. 197]. Поэтому даже и гениальным мыслителям древности так и не удалось встать на точку зрения чистой физики. И поэтому же возникновение физики как особой науки (то есть, отделение ее от других наук — биологических и социальных) произошло, по историческим меркам, совсем недавно — где-то во времена Галилея и Декарта. Физика — это самая молодая из всех фундаментальных наук, и она является порождением только Нового времени. Тогда как Социология и даже Биология стояли на своей собственной (телеологической) точке зрения уже в древности. И поэтому ошибочно полагать, что древние, например, Платон с Аристотелем в теоретических вопросах Социологии разбирались хуже, чем новоевропейские. У последних есть лишь неизбежное эмпирическое преимущество перед первыми, так как они могли опираться уже на гораздо более обширный

фактический материал, предоставленный им, в том числе, и многовековой историей, отделяющей их от античной древности. Однако в методах осмысления этого опыта и в самих идеях, характерных для социально-гуманитарного познания и объяснения, Платона и Аристотеля они не превосходят. Подтверждение этому сегодня можно найти буквально в любой серьезной теоретической работе по социально-гуманитарным дисциплинам. Практически невозможно, чтобы там обошлись без упоминания и обсуждения идей, мнений и подходов Аристотеля и Платона. Тогда как мнения Конта и Спенсера по этим вопросам сегодня практически никого уже не интересуют (кроме, конечно, историков науки). Их теории устарели (или были признаны некорректными) уже через пять-десять лет после их публикации. Платона же с Аристотелем будут обсуждать и осмыслять вечно.

Перейдем теперь к последнему делению «Древа Порфирия»: Биология и Социология

Все одушевленные объекты у Порфирия делятся, наконец, на обладающие разумом (разумные) и не обладающие им (неразумные)³. Последние являются объектом изучения Биологии и биологических наук, а первые – объектом наук о человеке, обществе, культуре и т.д., относимых сегодня к социально-гуманитарному знанию. Совокупностью (системой) всех этих наук и является то, что после Конта стало принято называть Социологией (понимаемой однако в гораздо более широком смысле, чем это было во времена Конта и Спенсера). Биология и биологические науки, а также Физика и физические науки тоже могут изучать (и объяснять) человека и общество на свой лад, но они не интересуются их разумностью и всем, что следует из сущности самого разума как специфической именно для человека его особенности. Они изучают в человеке и обществе лишь то общее, что есть у них с физическими и биологическими телами (системами), а то, что у них есть еще и сверх того, – это Биологию и Физику интересоваться не может. И, наоборот, Социологию (или гуманитарные науки в целом) интересует (должна интересоваться) в человеке и обществе именно и прежде всего их разумность как их специфическое отличие (сущность). Конт, при всем восхищении физикой и желании направить Социологию по пути подражания этой низшей науке, все-таки, не мог не осознавать

глубочайшего различия (и даже противоположности) в предметах (объектах) познания этих двух наук. Поэтому в качестве основной эвристической идеи (образца) для будущей «социальной физики» он предложил не идею механического агрегата материальных тел, каким являются, например, астрономические или геофизические материальные системы, а идею живого организма. К познанию общества, полагал он, следует подходить так же, как Биология («естественная наука») подходит к изучению своих объектов. Иначе говоря, Конт призывал социологию подражать не всему «естествознанию» в целом, а в основном лишь наиболее родственной ей части последнего – Биологии. Что, конечно, тоже является редукционизмом, однако – не столь вопиющим, как сведение социологии к физике. Биология – наука низшая, по сравнению с социологией, но, по сравнению с физикой она – высшая (редукционистский компромисс).

И тот же способ понимания общества избирает и его последователь – Спенсер, хотя последний, в рамках «Синтетической философии», все же, сделал попытку подойти и к живым организмам, и к обществу с точки зрения чисто физической (механической) причинности. Универсальная теория эволюции Спенсера сформулирована в самых общих, то есть, в чисто физических и механических понятиях (материальный агрегат, сила, движение)⁴ [18, с. 46]. Однако в том разделе своей системы, где у него заходит речь об обществе, Спенсер обращается к аналогии между обществом и живым организмом и подражает здесь уже не физическим, а биологическим наукам. При этом до собственно гуманитарного подхода дело в его Социологии так и не доходит. Спенсер превращает свою социологию именно в социальную физику («социальное естествознание»).

Разумеется, такой подход в Социологии правомерен так же, как и в Биологии правомерно применение физических методов и приемов исследования. Но, так же, как в Биологии это может привести лишь к развитию таких ее дисциплин, как биофизика, биохимия, биомеханика, так и в Социологии естественнонаучный метод может привести лишь к появлению дисциплин типа социальной физики, социальной механики, социальной биологии (образчик которой и дал Спенсер в виде теории социального

дарвинизма), социальной экологии и т.д. и т.п., то есть, — дисциплин, основанных на применении низших, по отношению к самой Социологии, наук. Тогда как объекты социологии являются чем-то большим (и высшим), чем просто физические и биологические материальные системы. Их превосходство и их кардинальное отличие от последних заключается в том, что они определяются разумностью людей и потому не могут познаваться и объясняться из одних только физических или биологических принципов и причин, но должны исходить также и из определения их причинами разумными.

Образно говоря, объект (объекты) Биологии и Социологии можно уподобить кентаврам, у которых низшая часть — это нечто физической (у Биологии) или физической и биологической (у Социологии) природы, а часть высшая — это нечто живое или разумное. Объекты Физики управляются только физическими законами, а объекты Биологии и Социологии управляются еще также и законами биологическими и социальными, соответственно. При этом Социология является самой сложной наукой. И потому общество и человека можно изучать и «снизу» (как физическую и естественно целесообразную сущность), и «сверху», что является для этих объектов собственно гуманитарным подходом. После позитивистов социология пошла (направлена) в основном по пути неспецифического для нее познания, например в концепте структурно-функционального подхода в двух ее основных (и противоположных) версиях (парадигмах) — «солидаристской» (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс и др.) и «конфликтологической» (К. Маркс, Л. Козер, Р. Дарендорф, Р. Миллс и др.). Концепция Р. Мертсона, хотя и не вписывается полностью ни в одну из этих версий, но в целом не выходит за рамки структурно-функциональной парадигмы. Однако подход этот в целом является редукционистским, так как стремится избавиться (отвлечься) от самой специфики объектов социального познания — их разумности, — и даже пытается объяснить (вывести) высшее из низшего.

И в этом направлении часто видится современное и прогрессивное, чего не хватало Социологии до реформы, произведенной в ней позитивистами. В частности, развитие таких, общественных наук (дисциплин) как экономика, демография, антропология, этнография и эт-

нология, использующих в основном именно естественнонаучные методы и подходы, несомненно, обогатило новую социологию, по сравнению с древней. Однако можно ли видеть в этом магистральное направление развитие Социологии как высшей науки? Магистральным для нее должно быть собственно гуманитарное направление ее развитие, исходящее из установки на постижение именно разумности ее объекта (объектов). Социология должна иметь и развивать и свой собственный, специфический метод и подход к познанию своих объектов, исходящий из понятия их разумности. Разумность человека состоит прежде всего в способности ставить перед собой сознательно цели, подбирать к ним эффективные средства, планировать и подчинять свои действия поставленным целям и добиваться их реализации. Весь мир живого устроен и действует тоже целесообразно (и в этом смысле разумно), но эта целесообразность вне человека и общества действует бессознательно. Область собственно биологической жизни — это сфера действия бессознательной целесообразности. Человек же может сам управлять своим поведением и подчиняться не только физической и биологической необходимости, но и тому, что определяется его собственной разумной волей.

Именно на этом основании человеку в обществе и вменяется «в вину» все, что он производит своим поведением в окружающем его мире. Животное невменяемо, так как оно несвободно в выборе своих действий. А человек — свободен, при этом человек не нарушает физических и биологических законов, полностью подчиняется им, но, вместе с тем, сверх того реализует еще и свои собственные идеи, замысли и планы, которые руководят поведением как закон. Но этот закон человек дает себе сам, свободно, не вынуждаемый к тому никакой физической или биологической необходимостью. Единственный метод объяснения здесь — указание на природу его собственных разума и воли. При этом человек свободен не вообще, а лишь сверх той физической и биологической необходимости, которой он подчинен наравне со всеми прочими — физическими и биологическими — существами. Но они не имеют ничего сверх того, а человеку эта «сверхъестественная» возможность дана — он разумен и в силу своей разумности он и свободен.

Поэтому человек не просто живет, но еще и творит сам свой мир, свои законы и условия, в которых протекает его жизнь. Этот продукт его творчества является полностью искусственным, в том смысле, что он не является данным ему от природы. Его поэтому можно называть и сверхъестественным, т.е. возникающим у человека сверхестественно данным ему от природы. И этот, создаваемый самим человеком его собственный мир и является (и называется) культурой. Культура — это то, что создается человеком и обществом сверх природы. Все природное человеку дано. А все сверхприродное создается им самим. Культура не противоречит природе, но и не определяется ею. Ее источником и причиной является человеческий разум. А, следовательно, человек и общество могут и, конечно, должны изучаться с применением всех подходов и методов как физических, так и биологических наук, однако всего этого для познания человека и общества недостаточно. Сама специфика человека и общества такими методами познана быть не может.

В гуманитарных науках должен применяться также и собственно гуманитарный подход, основанный на том, что человек и общество являются своими собственными творениями, — собственными «произведениями искусства». Не случайно, поэтому, в системе наук Канта проблемы естественной телеологии (методология биологических наук) и проблемы эстетики (художественного творчества) рассматриваются в одном ее разделе — в «Критике способности суждения». Бессознательное целесообразное творчество природы и сознательное творчество в искусстве имеют то общее, что в обоих этих случаях имеют место не только действующие (физические), но и конечные (целевые) причины. И то, и другое есть проявление целесообразного, в первом случае — бессознательное, во втором — сознательное. И, в случае гуманитарных наук, этот принцип должен находить себе место также и в познании человека, так и общества. При этом необходимо, конечно, все время подчеркивать, что этот, специфически гуманитарный подход к познанию человека и общества не отменяет и не заменяет физических (причинность) и биологических (бессознательная целесообразность) подходов, а лишь дополняет и завершает («увенчивает») их.

Тем не менее, без него социальное и гуманитарное знание просто неполноценно. Гегель,

говоря о Сократе, пишет следующее: «Он жил среди своих сограждан и стоит перед нами, как один из тех великих пластических характеров, вылитых из одного куска, какие мы привыкли видеть в ту эпоху как завершенное классическое произведение искусства, само себя поднявшее на эту высоту. Такие личности не созданы природой, а самостоятельно сделали себя тем, чем они были; они стали тем, чем они хотели быть, и остались верными этому своему стремлению до конца жизни. Отличительной чертой произведения искусства в собственном смысле является то, что в нем выводится какая-то идея, воплощается характер, так что каждая черточка определяется этой идеей, этим характером. Такими произведениями искусства являются великие люди той эпохи. Величайшей пластической личностью, как государственный человек, был Перикл, и его окружали, словно звезды, Софокл, Фукидид, Сократ и т. д. Все они развили свою индивидуальность, придав ей своеобразный характер, являвшийся господствующей чертой их существа и проходящим красной нитью через всю их жизнь единым началом. Так и Сократ развил самого себя в определенный характер силой своего искусства и самосознательной воли и приобрел качества, необходимые для его жизненного дела» [5, с. 41].

И, вообще, только в области гуманитарных наук появляется впервые потребность и необходимость развития наук о единичном, индивидуальном предмете (объекте). Ни в физическом, ни в биологическом мире такие науки невозможны (точнее, там они бессмысленны). Только наука о Земле как уникальном космическом объекте (а также, в какой-то мере и о Луне, Марсе, Солнце и других небесных телах нашей солнечной системы) имеет определенный смысл. Но этот смысл появляется у них лишь на основании тесной их связи с самим человечеством, развившимся именно в этой системе. Без такой связи все перечисленные физические объекты сразу утрачивают свою уникальность и особое научное значение⁵. Но та же самая логика применима и к познанию любого общества, любого государства, в основе которых также лежит не одна лишь естественная необходимость и целесообразность, но еще и сверх того — та или иная сознательная (разумная) идея, замысел, проект и т.д. Любое общество — продукт не только природы и естественной истории, которым оно, несомненно, подчи-

няется, но оно также еще и продукт сознательно-го творчества и разумного устремления своих членов, — их собственное «произведение искусства», которое живет и подчиняется также и логике их идеи, замыслу и т.д.

Так, например, достаточно очевидно, что Древние Афины и Спарта, существовавшие практически в одних и тех же естественноисторических условиях (географических, климатических, демографических, экономических и т.д.), не нарушая ничего из этой естественной необходимости, были в то же время и своими собственными творениями, специфику которых невозможно вывести ни из каких естественных (в том числе и экономических) причин. Их специфика вытекает из их духовного склада и принятых ими разумных проектов («утопий») их обществ. В древности авторство этих двух различных национально-государственных проектов приписывалось (и вполне обоснованно), соответственно, Солону (5-6 вв. до н.э.) и Ликургу (8 в. до н.э.), давших Афинам и Спарте их законы («Конституции»). Но, конечно, «соавторами» этих древних законодателей были сами афиняне и спартанцы на протяжении их национально-государственной истории. Платон впервые принял за реформирование Законов Афин и разработал новый проект — знаменитую «утопию», изложенную в таких его диалогах, как «Государство» и «Законы». Однако проект этот был реализован уже в другое время и в другом обществе, а именно — в Средневековой Европе (но не в Византии), при этом он был переосмыслен в христианском духе Августином (IV в. н.э.) и первыми «Отцами» церкви.

Во главе этого нового общества, возникшего в Западной Европе после завоевания ее германскими варварами, стояли жрецы-философы (сословие или корпорация священников во главе с Папой Римским, принявших целибат), вторым (подчиненным им) сословием были дворяне-стражники, третьим — все остальные (крестьяне, торговцы, ремесленники и т.д.). И само это общество полностью осознавало свою «национальную», или, скорее, культурную идею и свой замысел, что видно из его официально провозглашенной там формулы: «Одни молятся за всех, другие сражаются за всех, третьи трудятся за всех» [см. 15, с.240]. В то же время в Византии во главе общества стояли не священники, а, скорее, платоновские стражники (бю-

рократизированное сословие государственных служащих). Достаточно очевидно также, что и СССР был реализацией некоторой сознательной социальной идеи («утопии»), такой же реализацией являются и США, и все страны Западной Европы. И во всех этих случаях можно указать на конкретных «отцов-основателей» этих национально-государственных проектов. И вообще, — любое общество необходимо рассматривать именно как такое сознательное произведение (творение) его членов (его национального сознания), у которого есть его собственная логика. А это принципиально меняет взгляд и на сам субъект социального познания. «Общество, — отмечает П. Штомпка, — необычная область реальности, поскольку его судьба в значительной мере зависит от того, как люди видят общество, представляют его будущее, насколько они информированы как субъекты социальной деятельности и как осознают общественные процессы. Траектории движения планет не меняются в зависимости от прогресса астрономии, но уровень социологического знания существенно влияет на направление социальных преобразований» [21].

Иначе говоря, субъект социального познания оказывается не только теоретическим, но и практическим, действующим и созидющим самого себя. Его социальное познание осуществляется самопознанием, и в процессе этого самопознания он поднимается на новую и высшую ступень и тем самым преобразуется (развивается). В результате, мы приходим к тому, чему в наибольшей степени соответствует логика и методология социального (и научного вообще) познания, реализованная, например, в философии духа Гегеля (в «Философии истории», в особенности). Апостериори, мы приходим к методологии, прямо противоположной позитивизму.

Сформулируем теперь кратко основные выводы из проделанного анализа.

Позитивизм, основанный на уверенности в существовании единого и универсального метода познания, одинаково эффективного и достаточного во всех науках, независимо от природы их объектов (предметов), ориентирует развитие науки в неверном направлении. Метод познания в фундаментальной науке зависит от природы самих изучаемых объектов и определяется («навязывается») познанию природой самого познаваемого.

И предмет, и метод Социологии как высшей фундаментальной науки являются наиболее сложными в том смысле, что они содержат в себе предметы и методы обеих низших по отношению к ней фундаментальных наук — Физики (физических наук) и Биологии (биологических наук). Однако они содержат их в себе как «снятые» (в гегелевском смысле), т.е. как сохраненные и упраздненные одновременно (как подчиненные), поскольку в социально-гуманитарных науках сверх того присутствует еще и их собственное предметное и методологическое содержание.

Стремление позитивизма заставить Социологию подражать Физике или даже Биологии, хотя отчасти и оправданно, с исторической точки зрения, но, в конечном счете, ненаучно. Социально-гуманитарное познание методологически не может быть сведено к естественнонаучному. Более того, социально-гуманитарное познание по своему собственному методу не просто отлично, но и полностью противоположно как физическому, так и биологическому подходам. От методологии физических наук оно отличается использованием телеологических моделей познания и объяснения, а от биологических наук — признанием существования и действия в ее объектах сознательно-разумной, а не просто бессознательной телеологии (целесообразности).

Поэтому магистральным направлением развития социально-гуманитарного познания является разработка специфических для Социологии методов познания (парадигм), основанных на углублении понимания специфики ее объектов, а именно — природы разума и разумности. Наиболее близкими к этому методологическими подходами является гегелевская философия духа и близкие к ней методологические парадигмы (герменевтика, философия жизни). Именно такого рода методология наиболее адекватна специфической природе как объекта, так и самого субъекта социального познания. При этом не отрицается обоснованность и плодотворность применения естественнонаучной методологии в рамках всей системы социально-гуманитарных наук.

Однако на современном этапе социально-гуманитарное познание нуждается в сознательном преодолении доминирования (или даже диктата) позитивистской методологии с ее установками на преимущественно эмпирические и редукционистские методы социального по-

знания. Сфера действия этой методологии в рамках социального познания должна быть существенно ограничена лишь теми областями, в которых она уместна.

Литература

1. Comte A. Cours de philosophie positive: Vol. 1-6. Paris, 1869.
2. Аристотель. Категории // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 2. — М.: «Мысль», 1978.
3. Арон Р. Этапы развития социологической мысли / Общ. ред. и предисл. П.С. Гуревича. — М.: Издательская группа «Прогресс» — «Политика», 1992.
4. Биологический энциклопедический словарь. — М.: Сов. энциклопедия, 1989.
5. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 10. Лекции по истории философии. — М.: Партийное издательство. 1932.
6. Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Соч. Т. VIII. — М.-Л., 1935.
7. Грин Н., Стаут У., Тейлор Д. Биология: В 3-х т. Т. 1.: Пер. с англ. / Под ред. Р. Сопера. — М.: Мир, 1990.
8. Единство научного знания. — М.: Наука, 1988.
9. История буржуазной социологии XIX — начала XX века / Под ред. И.С. Кона. М.: Наука, 2003.
10. Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 1. М.: Мысль, 1963.
11. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. — М.: Издательство «Наука», 1975.
12. Кондратьев Н.Л. Основные учения о законах развития общественной жизни // Кондратьев Н.Л. Избранные сочинения. М.: Экономика, 1993.
13. Конт О. Дух позитивной философии. СПб., 1910.
14. Ламетри Ж.О. Человек-машина // Сочинения. — М.: «Мысль», 1976.
15. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада: Пер. с фр. — М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992.
16. Найдыш В.М. Концепции современного естествознания: Учебник. — Изд. 3-е, перераб. и доп. — М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2009.
17. Никифоров А.Л. Основы дифференциации наук // Единство научного знания. — М.: Наука, 1988.

18. Спенсер Г. Синтетическая философия: Пер. с англ. — Киев: Ника-Центр, 1997.

19. Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. Сборник социально-философских произведений. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996.

20. Шредингер Э. Что такое жизнь с точки зрения физики? М.: РИМИС, 2009.

21. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. — М.: Аспект Пресс, 1996.

Ссылки:

1 «Исток и тайну» как марксистской, так и контовской философии общества можно обнаружить, например, в следующем положении Сен-Симона: «Истинная конституция, — писал Сен-Симон, — не может быть изобретена — она должна быть открыта. Истинным законодателем является не король и не законодательные собрания. Таким законодателем следует считать философа, изучающего движение цивилизации и резюмирующего свои наблюдения в общественном законе, который и становится руководящим принципом законодательства» (Цит. по: Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. Сборник социально-философских произведений. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. С. 122).

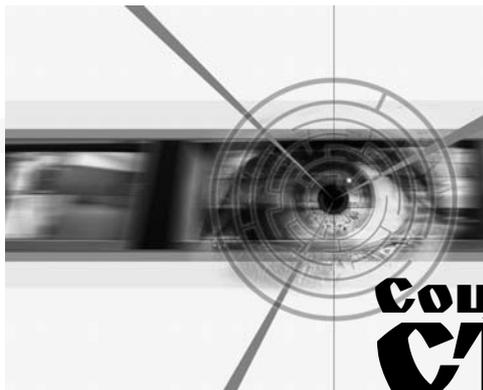
2 Конт разъяснял, что слово «позитивный» (positiv) имеет несколько значений: 1) реальное в противоположность химерическому; 2) полезное в противоположность бесполезному; 3) достоверное в противоположность сомнительному; 4) точное в противоположность смутно-

му; 5) положительное в противоположность отрицательному («в этом случае оно указывает на одно из наиболее важных свойств новой философии, представляя ее как назначенную по своей природе преимущественно не разрушать, но организовывать» (Конт О. Дух позитивной философии. СПб., 1910. С. 35). В общем, позитивное — это все «хорошее», в отличие от всего «плохого».

3 Фактически у Порфирия перед этим осуществляется еще и деление всех одушевленных объектов на обладающих чувствами (животные) и не обладающими ими (растения). Однако это деление можно опустить, поскольку оно производится еще в рамках самой Биологии и не выводит нас за ее пределы.

4 «Эволюция, — формулирует Спенсер, — есть интеграция материи и сопутствующее ей рассеяние движения, причем материя переходит от состояния неопределенной, бессвязной однородности к состоянию определенной, связанной разнородности, а сохраненное движение претерпевает параллельные изменения»

5 Указанная особенность гуманитарных наук — существование в их системе наук о единичном и индивидуальном, — подчеркивается в концепциях баденской школы неокантианцев (у Виндельбанда и Риккерта), однако представляется совершенно неправильным связывать это с особенностями исторического метода познания. Исторический подход применим и используется не только в биологических, но и в физических науках, тогда как индивидуальность в них не становится предметом специального познания.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СТРАТИФИКАЦИЯ

Кастовая система и социальная структура современной Индии

Автандилян Е. А.

В статье описывается кастовая система в древней и современной Индии, анализируется роль каст как механизма, стабилизирующего социальную структуру Индии на протяжении тысячелетий, исследуются причины сохранения и развития кастовой системы в настоящее время и ее влияние на общественно – политическую жизнь Индии.

Ключевые слова: каста, варна, кастовая система, неприкасаемые, далиты, кастеизм, политизация каст.

Avtandilyan E. A.

The caste system and social structure of modern India. The article describes the caste system in ancient and modern India, examines the role of caste as a mechanism for stabilizing the social fabric of India for thousands of years, studied the causes of the preservation and development of the caste system in the present and its impact on the socio - political life of India.

Key words: caste, varna caste system, the untouchables, the Dalits, casteism, the politicization of castes.

«Каста – это оригинальная цивилизационная модель, построенная на собственных сознательных принципах».
Дюмон Л. «Homo Hierarchicus». Опыт описания системы каст».

Социальная структура современного индийского государства является во многом уникальной, в первую очередь в силу того, что она по – прежнему, как и несколько тысячелетий назад, зиждется на существовании кастовой системы, являющейся одним из ее основных компонентов.

Само слово «каста» появилось позднее, чем началось социальное расслоение древнеиндийского общества. Изначально использовался термин «варна». Слово «варна» индийского происхождения и означает «цвет», «способ», «сущность». В более поздних законах Ману вместо слова «варна» иногда применялось слово «джати», означавшее рождение, род, положение. Впоследствии, в процессе экономического и социального развития, каждая варна разделилась на большее количество каст, которых в современной Индии насчитываются тысячи. Вопреки расхожему мнению, кастовая система в Индии не отменена, а существует до сих пор; законом отменена только дискриминация по кастовому признаку.

Варны в древней и современной Индии

В Древней Индии существовали четыре основных варны (чатурварнья), или сословия. Высшая варна – брахманы, т.е. жрецы, священ-

носслужители. В их обязанности входило изучение священных текстов, обучение людей и совершение религиозных обрядов, поскольку именно они, как считалось, обладали надлежащей святостью и чистотой.

Следующая варна – кшатрии; это воины и правители, у которых были необходимые качества (например, мужество и сила) для управления и защиты государства.

За ними следуют вайши (торговцы и земледельцы) и шудры (слуги и чернорабочие). Об отношении к последней, четвертой, варне повествует древняя легенда о сотворении мира, где говорится, что вначале богом были созданы три варны, – брахманов, кшатриев и вайшьев, а позже были рождены народ (праджа) и скот.

Первые три варны считались высшими, а их представители были «дважды рожденными». Физическое, «первое» рождение являлось лишь дверью в этот земной мир, однако для внутреннего роста и духовного развития человек должен был родиться второй раз – заново. Это означало, что представители привилегированных варн проходили специальный обряд – инициацию (упанаяна), после которого они становились полноправными членами общества и могли обучаться профессии, которую наследовали от представителей своего рода. Во время обряда на шею представителю данной варны одевался шнурок определенного цвета и материала, предписанный в соответствии с традицией этой варны.

Считалось, что все варны были созданы из тела первочеловека – Пуруши: брахманы – из его рта (цвет этой варны – белый), кшатрии – из его рук (цвет – красный), вайши – из бедер (цвет варны – желтый), шудры – из его стоп (цвет – черный).

«Прагматизм» подобного сословного деления заключался в том, что изначально, как это предполагается, отнесение человека к определенной варне происходило вследствие его природных склонностей и задатков. Например, брахманом становился тот, кто умел думать головой (поэтому символ – рот Пуруши), сам обладал способностью к обучению и мог учить других. Кшатрий же – человек с воинственной натурой, больше склонный работать руками (т.е. сражаться, поэтому символ – руки Пуруши).

Шудры являлись низшей варной, они не могли участвовать в религиозных ритуалах и

изучать священные тексты индуизма, у них зачастую не было своего хозяйства, они занимались наиболее тяжелыми видами труда. Их обязанностью было безоговорочное повиновение представителям высших варн. Шудры оставались «единожды рожденными», т.е. не обладали привилегией возрождения к новой, духовной жизни (вероятно, поскольку их уровень сознания не был к этому готов).

Варны были абсолютно автономны, браки могли совершаться только внутри варны, смешение варн не разрешалось согласно древним законам Ману, также как и переход из одной варны в другую, – высшую или низшую. Такая жесткая иерархическая структура находилась не только под охраной законов и традиции, но была непосредственно связана с ключевой идеей индийской религии – реинкарнацией (многократным перерождением человека). «Словно детство, юность и старость к воплощенному здесь приходят, так приходит и новое тело: мудреца этим не озадачить» [3].

Считалось, что пребывание в определенной варне является следствием кармы – т.е. совокупным результатом его действий и поступков в прошлых жизнях (воплощениях). Чем «лучше» вел себя человек в прошлых жизнях, тем больше шансов у него было в следующей жизни воплотиться в более «высокой» варне. Ведь варновая принадлежность была дана по рождению и не могла измениться в течение жизни человека. Для современного западного человека это может показаться странным, но подобная концепция, полностью господствующая в Индии на протяжении нескольких тысячелетий вплоть до сегодняшнего дня, создавала, с одной стороны, основу для политической стабильности общества, с другой – являлась нравственным кодексом для огромных слоев населения.

Поэтому то, что варновая структура незримо присутствует в жизни современной Индии (кастовая же система официально закреплена в главном законе страны), скорее всего, напрямую связано с силой религиозных убеждений и верований, прошедших проверку временем и сохранившихся практически в неизменном виде до наших дней.

Но только ли в силе религиозных идей заключается секрет «живучести» варновой системы? Может быть, древней Индии удалось в чем-то предвосхитить структуру современных об-

ществ, и не случайно Л. Дюмон называет касты цивилизационной моделью?

Современная интерпретация варнового разделения могла бы выглядеть, например, следующим образом.

Брахманы – это «люди знания», т.е. те, кто получает знания, обучает им и разрабатывает новые знания. Поскольку в современных «знаниевых» обществах (термин, официально принятый ЮНЕСКО), уже пришедшим на смену обществам информационным, не только информация, а именно знание постепенно становится самым ценным капиталом, превосходящим все материальные аналоги, то становится понятной принадлежность людей знания к высшим слоям общества.

Кшатрии – «люди долга», управленцы высшего звена, администраторы государственного уровня, военные и представители «силовых структур», - те, кто гарантирует закон и порядок, кто служит своему народу и своей стране.

Вайши – это «люди дела», бизнесмены, создатели и организаторы своего дела (производства), главной целью которых является получение прибыли, создающие продукт, востребованный на рынке. Вайши сейчас, так же как и в древности, «кормят» другие варны, создавая материальную базу для экономического роста государства.

Шудры – «люди по найму», наемные рабочие, которым проще не брать на себя ответственность, а выполнять порученную им работу под контролем и руководством кого-то еще.

Жить в «своей варне», с этой точки зрения, означает жить в соответствии со своими природными способностями, врожденной предрасположенностью к определенному виду деятельности, и согласно своему призванию в жизни. Это может дать ощущение внутренней спокойности и удовлетворенности тем, что человек проживает свою, а не чужую жизнь и судьбу («дхарму»). Недаром о важности следовать именно своей дхарме, или долгу, говорится в одном из священных текстов, входящих в индуистский канон, - Бхагавад Гите: «Лучше исполнять свои обязанности даже несовершенно, чем чужие обязанности в совершенстве. Лучше умереть, выполняя свой долг, чужой путь опасен» [3].

В данном «космическом» аспекте, варновое разделение выглядит как вполне прагматичная система для реализации, своего рода, «зова

души», или, выражаясь более высоким языком, выполнения своего предназначения (долга, миссии, задачи, призвания, дхармы).

Со временем, варновая система древней Индии усложнялась, разветвлялась, становилась все более дробной, подразделяясь на множество ветвей, которые собственно и составили кастовую систему (каждая варна подразделяется на множество каст), существующую в Индии и сегодня. Можно сказать, что каста – это своего рода специализация, группа или страта, объединенная по многим признакам, в первую очередь, по профессиональному и по религиозному, а также объединенная общими правилами заключения брака, принятия пищи и воды.

Неприкасаемые в древней и современной Индии

В древней Индии существовала группа людей, не входившая ни в одну из варн, – так называемые «неприкасаемые», которые де факто существуют в Индии до сих пор. Акцент на фактическом положении дел сделан потому, что ситуация с неприкасаемыми в реальной жизни несколько отличается от юридического оформления кастовой системы в современной Индии.

Неприкасаемые в древней Индии являлись особой группой, выполнявших работы, связанные с тогдашними представлениями о ритуальной нечистоте, – например, выделке шкур животных, уборке мусора и трупов.

Неприкасаемые жили за пределами селения и подвергались целому ряду суровых табу: носили на своей одежде знаки, запрещавшие другим жителям с ними общаться, не имели права подходить к колодцам, поскольку от их прикосновения вода могла быть осквернена (отсюда и термин – «неприкасаемые»). Хотя де юре они не являлись рабами, но были фактически бесправными, так как никакой законодательной защиты для них не существовало. В истории Индии описаны случаи, когда неприкасаемые тысячами умирали от жажды во время засухи, но не смели подойти к общим источникам воды.

Подобные примеры, несмотря на их безусловную жестокость и антигуманизм, свидетельствуют о силе и устойчивости религиозных идей и традиционных табу. Это может служить косвенным подтверждением того, что во многом благодаря существованию варново-кастовой системы Индии удалось избежать серьезных

социальных катаклизмов (в Индии не было ни классовой борьбы, ни крупных гражданских войн, ни революций) на протяжении многих тысячелетий.

В «Законах Ману» о неприкасаемых было сказано: «Местожительство... (должно быть) вне селения, утварь, использованная ими, должна выбрасываться (другими), имущество их (должны быть только) собаки и ослы. Одеждами — одеяния мертвых, пища (должна им даваться) в разбитой посуде, украшение (их должно быть) из железа, и они должны постоянно кочевать» [16].

В современной Индии термин «неприкасаемые» официально не используется, так же как и его аналоги: Хариджан — «Дети Божьи» (понятие, введенное Махатмой Ганди), пария («отверженный») и др. Вместо этого существует понятие «далиты», которое не несет в себе, как считается, оттенка кастовой дискриминации, запрещенной в индийской Конституции

Согласно переписи 1991 года далиты (индийские неприкасаемые) составляли около 150 млн. человек, т.е. около 20 процентов населения Индии. По данным переписи населения 2001 года, далиты составляют 16,2% от общей численности населения Индии, и 79,8% от общей численности сельского населения [12]. При этом:

- 37% далитов живут ниже черты бедности
- 54% детей далитов страдают от недоедания. В семьях далитов из 1000 детей умирают до 83 детей, 12 из 100 умирают до пятилетнего возраста.
- 45% далитов не умеют читать и писать. Уровень грамотности далитов-женщин составляет 37,8% в сельской местности.
- Низкокастовые и племенные женщины чаще всего подвергаются насилию. Только 27% далитов-женщин имели доступ к больницам.
- Почти 50% сельских далитов не имеют возможности брать воду из открытых источников воды.
- Сегодня 33% деревень далитов не включены в систему здравоохранения, 27,6% деревень далитов по-прежнему отказано в доступе в полицейский участок.
- Каждый 18 минут в Индии происходит преступление, связанное с далитами.
- Каждый третий день изнасилование женщин далитов.

• Каждую неделю 13 далитов убивают, сжигают 5 домов далитов, 6 далитов похищают [12].

Эти данные на рубеже тысячелетий говорят сами за себя. Хотя Конституция Индии отменила само понятие «неприкасаемый», древние традиции, особенно в сельской местности, продолжают доминировать в массовом сознании, что приводит к убийству неприкасаемых под самыми разными предлогами.

Например, Мохан Пасван, 40 летний мужчина из Parhuti (деревня в штате Бихар), был забит до смерти только за то, что в жаркий день доставал воду с помощью насоса, которым пользовались остальные жители деревни.

И наоборот, бывают случаи, когда человек, относящийся к «чистой касте», подвергается остракизму за то, что посмел выполнить «грязную» работу. Так, Пинки Раджак, 22-летняя женщина из общины дхоби (касты индийских прачек), которые традиционно моют и утюжат одежду, вызвала возмущение среди старейшин ее касты, поскольку занялась уборкой в местной школе в Райпуре, на северо-востоке Индии.

Уборочные работы в Индии зарезервированы исключительно для членов «неприкасаемых» каст, наряду с другими «грязными» работами, такими как уборка отходов жизнедеятельности человека и кожевенные работы. По свидетельству эксперта по кастовым проблемам Университета Джавахарлала Неру д — ра Видху Верма, дхоби рассматривается как чистая каста, и, поскольку г-жа Rajak нарушила строгий кастовый запрет на грязную работу, оскорбив тем самым свое сообщество, старейшины подвергли ее лишению всех прав.

Национальная комиссия Индии по делам зарегистрированных каст фиксирует факты нарушений, которые варьируются от 25000 до 30000 в год.

Наряду с негативными тенденциями нельзя отрицать те возможности, которые получили далиты после обретения Индией независимости. После запрещения кастовой дискриминации на законодательном уровне, постепенно «заработали» социальные лифты и представители самых нижних и беднейших слоев получили доступ к образованию, карьере, социальному и духовному росту. Ярким примером может служить д-р Бхимрао Амбедкар — далит, получивший прекрасное юридическое образование и ставший одним из авторов индийской Конституции.

Касты и кастовый сертификат в современной Индии

Официально дискриминация по кастовому признаку запрещена в Конституции Индии. Более того, для защиты определенных каст от дискриминации существуют различные привилегии, предоставляемые гражданам низших каст, например, резервирование мест в законодательных органах и на государственной службе, частичная оплата или полностью бесплатное обучение в школах и колледжах, квоты в высших учебных заведениях и т.д. Для того чтобы воспользоваться правом на такую льготу гражданин, принадлежащий к защищаемой государством касте, должен получить и предъявить специальный кастовый сертификат.

Любой гражданин Индии, принадлежащий к определенной касте, имеет право на получение соответствующего кастового сертификата. Кастовый Сертификат является доказательством принадлежности к определенной касте, перечисленной в таблице каст, которая является частью Конституции Индии.

Список каст и племен центральной Индии начала XX в.

Agaria (агария) - рабочие с металлом Agharia (агхария) земледелец высокого ранга Aghori (агхори) религиозный странствующий нищий Ahir (Ахир) - пастух и молочник Andh (андх) - племя, в настоящее время земледельцы Arakh (аракх) - охотник Atari (атарии) продавец эссенций Audhe ia (ауделия) рабочий Badhak (баджак) разбойник Bahna (бахна) - чистильщик хлопка Baiga (байга) - лесное племя Bairagi (байраги, вайраги) - религиозный нищий Ba ahi (балахи) - рабочий и деревенский сторож Ba ija (балиджа) - земледелец Bania (баниа) - торговец и ростовщик, подкасты баниа: Agarwa a, Agrahari, Ajudhiabasi, Asathi, Charnagri, Dhusar, Dosar, Gahoi, Go apurab, Kasarwani, Kasaundhan, Khande wa , ad, ingayat, Maheshri, Nema, Oswa , Parwar, Srma i, Umre...

Rajwar - лесное племя Ramosi (рамоси) - деревенские сторожа и рабочие, прежде воровская каста Rangrez - красильщики Rautia - племя земледельцев, также солдаты Sanaurhia (санаурхиа) - каста воров Sansia (сансиа) - воровское племя, Sansia (Uria) - каста каменщиков и землекопов Savar - лесное племя Sudh - земледелец Sunar (сунар) - ювелиры по золоту и серебру Sundi (сундхи) - дистиллировщики Tamera (тамера) - работают с медью Taop a - солдаты и рабочие Te

i (тели) – производители масла (растительного) Thug (тхуг) - преступная каста убийц-душителей Turī (тури) - работают с бамбуком Ve ama - земледелец Vidur - деревенский бухгалтер, писец и клерк Waghya (вадхья) - религиозный нищий Yeruka a (йерукала) - воровская каста [14]

Данный список свидетельствует о том, что кастовое дробление охватывает все профессиональные группы у представителей низших каст. При этом касты делятся на подкасты, внутри которых могут быть еще более мелкие группы или сообщества, объединенные по профессиональному или племенному признаку. Подобная трактовка принята в официальной среде и закреплена в соответствующих законах. В беседе с представителями индийской глубинки или с сельским населением сами индийцы могут говорить о кастах, разделяющихся также по национальному признаку или принципу вероисповедания, хотя это не является официальной точкой зрения.

Примечательно, что несколько воровских каст и даже каста Thug (тхуг) - преступная каста убийц-душителей, также занесена в список, что может являться следствием совершенно иного, отличного от западного типа восприятия, когда все «антисоциальные» элементы тоже рассматриваются как часть системы, и тем самым, вследствие их «юридического оформления», косвенно признается их право на существование. С точки зрения учета и статистики это может облегчить задачу исследователям (хотя доступ к такого рода данным ограничен). Впрочем, даже этот перечень показывает, что список каст довольно эклектичен, в нем много повторов и разобратся во всех отличиях и нюансах можно только с помощью местных экспертов.

Количество каст в разных штатах может сильно отличаться. Ниже в качестве примера приведен список каст в северном штате Уттаранчал, где в списке перечислены 46 каст, и для сравнения, – штат Гоа (всего 5 каст), который долгое время после обретения Индией независимости являлся колонией Португалии. Это может свидетельствовать о крайней неоднородности кастовой структуры в различных индийских штатах.

The Constitution (Schedu ed Castes) Order (Amendment) Act, 2007

[PART XXIV.–Uttarancha 1. Agaria 2. Badhik 3. Badi 4. Bahe iya 5. Baiga 6. Baiswar 7. Bajaniya 8. Bajgi 9. Ba har 10. Ba ai 11. Ba miki 12. Banga i 13. Banmanus 14. Bansphor 15. Barwar 16. Basor

17. Bawariya 18. Be dar 19. Beriya 20. Bhantu 21. Bhuiya 22. Bhuyiar 23. Boria 24. Chamar, Dhusia, Jhusia, Jatava 25. Chero 26. Dabgar 27. Dhangar 28. Dhanuk 29. Dharkar 30. Dhobi 31. Dom 32. Domar 33. Dusadh 34. Dharmi 35. Dhariya 36. Gond 37. Gwa 38. Habura 39. Hari 40. He a 41. Ka abaz 42. Kanjar 43. Kapariya 44. Karwa 45. Kharaita 46. Kharwar (ex uding Vanwasi)

PART XXII—Goa

1. Bhangi (Hadi)
2. Chambhar
3. Mahar
4. Mahyavanshi (Vankar)
5. Mang [15]

Дискриминация высших каст

В XXI веке в Индии также происходит «дискриминация наоборот» — т.е. дискриминация высших каст (как бы странно это ни звучало).

Правительство Индии выделяет льготы представителям низших каст, что вполне естественно, особенно в области образования, которое в Индии является платным. Например, в колледжах и вузах для далитов введены квоты, что облегчает как поступление, так и обучение в образовательном учреждении. При этом определенный процент студентов из низших каст сохраняется даже в случае плохой успеваемости, что фактически порождает систему государственного протекционизма.

Сегодня в Индии принадлежность к высшей касте по рождению отнюдь не означает автоматически высокого уровня материальной обеспеченности, поэтому зачастую дети из бедных семей высших каст, поступающие в колледж или вуз на общих основаниях при большом конкурсе, имеют намного меньше шансов получить образование, чем дети из низших каст.

Также у людей из низших каст существуют квоты при приеме на работу. Поэтому бывают случаи, когда преуспевающий менеджер-далит работает в крупной корпорации, при этом можно познакомиться с простым водителем из касты брахманов.

Дискуссия о фактической дискриминации высших каст идет уже много лет, поскольку система квот привела к серьезному ущемлению их прав. Возможно, это проблема не только Индии, но многих стран, где желание избавиться от социального неравенства приводит к дискриминации бывших правящих классов (можно

вспомнить опыт нашей страны в первые десятилетия после 1917 г.).

В Индии проблема усугубляется тем, что касты не есть классы и кастово-варновая принадлежность не определяется отношением к собственности, — например, существуют представители высших каст, не обладающие сколько-нибудь значительными материальными средствами.

Проблемы кастовой дискриминации способны затронуть и высшие слои индийского общества. Так, лидер партии Джаната Дал В. П. Сингх будучи премьер-министром Индии принял решение о резервации 27% рабочих мест в индийском государственном секторе для представителей «других отсталых каст». В результате такого решения возник правительственный кризис, который привел к отставке В. П. Сингха с поста премьер-министра в 1990 г.

В литературе встречаются мнения о том, что в современной Индии происходит постепенное размывание кастовых границ. Действительно, в отличие от древней Индии, определить к какой касте относится индеец сейчас практически невозможно (особенно в крупных городах), причем не только по внешнему виду, но зачастую и по роду его профессиональной деятельности.

Кшатрий может работать таксистом, хотя происходит из раджпутского рода (т.е. он кшатрий, владеющий землей). Гуру (духовный наставник-учитель), может быть из рода кшатриев, а не брахманов, как это должно быть согласно классическим индуистским канонам. Брахман из бедной семьи может начать трудиться еще ребенком в раннем возрасте, убирая, например, мусор в лавке, т.е. выполняя работу шудры (что трудно себе представить в древней Индии), просто потому, что он старший ребенок в многодетной семье, оставшейся без отца, и т.д. Таких случаев можно привести немало.

Однако существует много противоположных примеров, когда люди из определенной касты работают в соответствующей сфере (и священнослужители, и военные, и бизнесмены, и обслуга), и ведут себя согласно традициям и правилам, выработанным еще в древности. В целом можно утверждать, что традиционное восприятие кастовой иерархии по-прежнему продолжает доминировать в подавляющем большинстве штатов, если не на внешнем социальном плане, то в подсознании индийского народа.

Секрет «живучести» такого восприятия от-

части состоит в традиционалистском менталитете индийской нации («не дай вам бог жить в эпоху великих перемен»), в котором практически отсутствует желание получения немедленного результата и мгновенных перемен по принципу «чем скорее, тем лучше», что весьма характерно для западного менталитета. Это противоречит всей религиозно-культурной традиции Индии и теории реинкарнации, лежащей в ее основе: если что, то не успеваешь сделать в этой жизни, то можно сделать в следующей (ведь цепочка перерождений для большинства людей бесконечна).

«Формирование» структуры индийского государства англичанами и становление национальных элит

Формирование структуры индийского государства в том виде, в каком она представлена сейчас (развитая демократия, парламентская республика) началось в XX веке.

Еще в 1919 г. были проведены «реформы Монтегю-Челмсфорда», основной целью которых являлось становление и развитие системы местного самоуправления и улучшения социального климата на фоне усиливающегося в стране национально — освободительного движения.

При английском генерал-губернаторе, который до этого фактически единолично управлял Индийской колонией, был создан двухпалатный законодательный орган. Он состоял из Государственного совета и Законодательного собрания. Однако за генерал-губернатором оставалось право вето, что, по сути, закрепляло его статус верховного правителя.

Во всех индийских провинциях была создана система двоевластия (диархия), когда управлением занимались и представители английской администрации, и представители местного индийского населения. Последние выступали в основном в качестве экспертов в области принятия решений.

При всех этих ограничениях наиболее существенным для становления будущего индийского государства являлось то, что в самом начале XX столетия впервые на Азиатском континенте были введены демократические процедуры и выборная система на всех уровнях, которые затрагивали практически все население полуострова Индостан.

Таким образом, проведя эти реформы, англичане, сами того не желая, способствовали становлению будущей независимости Индии. Рефор-

мы вызвали большой резонанс в индийском обществе и, самое главное, позволили национальным кадрам приобрести опыт управления страной, оказавшийся столь необходимым после получения Индии независимости в 1947 году.

С определенной долей вероятности можно утверждать, что англичане своими руками в определенной степени «построили» индийскую нацию, несмотря на то, что это вовсе не являлось их целью. При этом они «оставили в наследство» Индии уже сформированную социальную структуру общества: «средний класс» (главным образом, кшатрии) и нарождающуюся элиту (брахманы и кшатрии), общественные институты и политические партии.

Поэтому неудивительно, что индийская политическая система «сделана под копиру» с английской. Она также функционирует по принципу разделения законодательной (двухпалатный парламент), исполнительной и судебной властей.

После обретения Индией независимости возникла острая необходимость в привлечении к руководству страной компетентных национальных кадров.

Поскольку только образованные слои индийского общества имели реальную возможность «перезапуска» общественных институтов, (введенных еще англичанами), в условиях независимости, то ведущая роль в управлении страной в основном принадлежала брахманам и кшатриям.

Именно поэтому объединение новых элит было практически бесконфликтным, т.к. брахманы и кшатрии исторически принадлежали к высшим кастам. Этот факт, а также то, что англичане уже фактически создали национальную политическую и экономическую систему страны, помогло Индии встать на путь ускоренного развития, — индустриализации, борьбы с бедностью и голодом, созданию развитой системы образования и здравоохранения.

Начиная с 1920 г. начался рост популярности Махатмы Ганди, выступавшего за единую Индию без англичан. Возглавляемый им Индийский национальный конгресс (ИНК), был не столько партией, сколько национальным общественным движением. Ганди сумел осуществить то, что до него не удавалось никому, — пусть временно, но он практически ликвидировал конфликт интересов между высшими и низшими кастами.

Даже далиты голосовали за Ганди и его партию, надеясь на позитивные изменения в сво-

ей жизни. В это время началось объединение элит индийского общества, желавших экономической модернизации в условиях независимости.

Модернизация и появление новых социальных групп

В Индии в средние века не было городов, похожих на европейские. Эти города скорее можно было бы назвать большими деревнями, где время как будто бы остановилось. До недавнего времени (особенно интенсивные изменения начали происходить в последние 15–20 лет) туристы, приехавшие с Запада, могли почувствовать себя в «средневековой» атмосфере. До ухода англичан в Индии не происходило такого интенсивного процесса урбанизации, как в Европе. Индия оставалась, главным образом, аграрной страной.

Реальные перемены начались после обретения независимости. Взятый во второй половине XX века курс на индустриализацию, вызвал увеличение темпов роста экономики, что, в свою очередь, привело к потребностям в большом количестве новых рабочих мест, увеличению доли городского населения и появлению новых социальных групп.

За последние 15–20 лет многие города Индии, например Дели, изменились буквально до неузнаваемости. Большинство почти «домашних» кварталов в центре превратились в «бетонные джунгли» (кое-где, впрочем, еще встречаются «оазисы» прошлого уютного Дели), а нищие кварталы на окраинах трансформировались в «спальные районы» для «среднего класса».

В 1950 году численность городского населения в Индии составляла 60,6 млн. чел., в 1990 году эта цифра увеличилась почти в 4 раза до 230,2 млн. чел. Подобная динамика является одной из самых высоких в мире, в этом Индия пока уступает только Китаю (60,9 и 380,8 млн. чел.).

По прогнозам, к 2028 г. население Индии может увеличиться на 370 млн. человек. Наибольший процент будет составлять молодежь и, по сравнению со странами Запада, в стране появятся самые крупные по численности трудовые ресурсы.

На сегодняшний день во многих странах существует дефицит квалифицированных кадров в сфере медицины, образования и IT-услуг. Эта ситуация способствовала развитию в Индии такого быстро развивающегося сектора экономики как предоставление «дистанционных услуг», например, США и странам Западной Европы.

Согласно некоторым индийским прогнозам,

к 2020 году в сфере дистанционных услуг будет занято от 10 до 24 млн. рабочих мест. Это означает возникновение новых страт (каст?) - высококвалифицированных специалистов в области высоких технологий. Поэтому индийское правительство сейчас вкладывает огромные средства в образование, особенно школьное. Можно воочию наблюдать, как в горных районах Гималаев, где еще 15–20 лет назад были только глухие деревушки, выросли государственные технологические колледжи на больших территориях, с прекрасными зданиями и инфраструктурой, предназначенные для местной детворы из тех же деревушек. Ставка на образование в век «знаний обществ», в особенности на школьное и вузовское образование, — беспроигрышная, и не случайно Индия занимает одно из лидирующих мест в сфере компьютерных технологий.

При существующем в мире дефиците рабочей силы, тенденции общего «старения» населения и замедления рождаемости в западных странах, такой прогноз роста индийского населения, мог бы быть оптимистичным для Индии, поскольку интенсивный рост рабочей силы, в том числе высококвалифицированной, способен привести и к серьезному экономическому росту государства, причем в продолжительной перспективе в несколько десятилетий.

Но это не может происходить само собой. Необходимо создать условия, в первую очередь, - соответствующее количество новых рабочих мест, исчисляемых в миллионах, обеспечение производственной занятости и, что не менее важно, обеспечение квалифицированного обучения всей этой огромной массы людских ресурсов.

Все это является непростой задачей и скорее вызовом для государства, нежели бонусом. При невыполнении данных условий, возникнет массовая безработица и, как следствие, резкое снижение жизненного уровня населения, что может привести к негативным изменениям в социальной структуре индийского общества.

Особенная опасность такого рода для Индии находится в области сельского хозяйства, в котором занята большая часть населения страны. Уже сейчас, после открытия дверей западным рынкам, доля безработных в сельском хозяйстве увеличивается, поскольку традиционные методы хозяйствования, которые не менялись в Индии тысячелетиями, не могут конкурировать с современными западными технологиями в этой сфере.

Учитывая, что большую часть населения в сельских общинах занимают низшие касты и далиты, трудно даже предположить, к каким долгосрочным последствиям может привести подобная «ломка» традиционных социальных структур. При усиливающейся нестабильности в мире в целом, росте экстремистских настроений, в особенности в религиозной сфере, массовая безработица миллионов малообеспеченных слоев населения способна стать питательной средой для вербовки в разного рода экстремистские и террористические организации.

Если сюда добавить проблемы миграции и происходящее на наших глазах «переселение народов» из стран Ближнего Востока в Европу, то становится понятным масштаб потенциальной проблемы для полутора миллиардного населения Индии. Любая дестабилизация в социальной сфере для таких огромных масс людей способна вызвать в мире в целом более чем серьезный резонанс. Необходимо подчеркнуть, что до сих пор существующая кастовая система являлась своего рода «предохранителем» от разного рода социальных потрясений в масштабе всей страны.

Однако времена меняются, «западные технологии» интенсивно проникают не только в экономику Индии, но в сознание, и в подсознание масс, особенно в городах, формируя новую, нетрадиционную для многих индийцев модель желаний по принципу «хочу больше и сейчас». Это модель предназначена в первую очередь для так называемого «среднего класса». Так называемого потому, что в Индии его границы размыты, а критерии принадлежности не совсем ясны. Вопрос о том, сможет ли кастовая система по-прежнему служить «предохранителем» от социальных катаклизмов в новых условиях, остается пока открытым.

В любом случае, очевидным является то, что в современной Индии наблюдается удивительная способность кастовой системы к мимикрии, быстрой адаптации к постоянно меняющимся социальным реалиям. Это особенно ярко проявилось в политической жизни Индии после получения независимости в процессе так называемой «политизации каст».

Политизация каст

Своеобразие современной индийской политической системы заключается в наличии феномена, известного как использование «кас-

тового фактора» в политике. Для многих политического деятелей, особенно во время выборов, кастовые группы становятся полем интенсивной борьбы за голоса избирателей. Политические партии также стараются реализовать все выгоды от существования каст (например, так называемую «кастовую солидарность») во время предвыборной компании, несмотря на то, что официально это запрещено.

Ведущие политические партии Индии буквально сражаются за влияние на различные касты, в первую очередь те, которые объединены в большие социальные группы и обладают хорошей внутренней организацией. Некоторые касты объединяются в крупные ассоциации, причем иногда находясь довольно далеко друг от друга в границах социального спектра.

Первые всеобщие выборы в парламент Индии и законодательные собрания штатов состоялись в 1952 г. Уже тогда индийская пресса зафиксировала наличие кастового фактора в политическом процессе.

Первое время в индийском политическом истеблишменте кастовый фактор рассматривался как временный и преходящий, обусловленный «неготовностью» широких индийских масс к проведению демократических выборов. Спустя более чем столетие, борьба за влияние на касты в политическом процессе не только не уменьшилась, но усилилась и приобрела новые формы. Появилось даже понятие «кастеизм», прочно вошедшее в арсенал не только публицистической, но и научной литературы. Логика борьбы политических партий за избирателя проста: поскольку большинство населения Индии проживает в сельской местности, где традиции кастовой системы наиболее сильны и устойчивы, то партиям выгоднее иметь дело не с конкретными людьми, а с кастами как большими социальными группами.

В силу существования разветвленной многопартийной системы в Индии и чрезвычайного многообразия каст, религиозных и социальных групп, выявить четкую структуру взаимодействия каст и политических партий довольно проблематично. То же самое можно сказать и о социальной структуре индийского общества в целом, которая является пестрой и порой эклектичной.

Несомненным является тот факт, что кастовая система во многом остается «становым хребтом» индийского общества, зачастую оказывая мощное воздействие на политические процес-

сы. Ситуация парадоксальная: с одной стороны, на официальном уровне политические элиты Индии не признают кастовую систему в качестве явной общественной силы, с другой стороны, активно используют ее в реальных политических процессах, будучи заинтересованными в ее сохранении как основы стабильности и структурированности социальной жизни. Поэтому каста, как традиционная и устойчивая социальная организация, и сегодня продолжает быть важнейшей частью политической жизни Индии.

Выводы

Варновая структура присутствует в массовом сознании индийцев как прагматичная система для реализации своего предназначения, долга, или дхармы человека.

Кастовая система официально закреплена в главном законе страны — конституции Индии, и является одним из основных компонентов социальной структуры индийского общества.

Существующая кастовая система являлась своего рода «предохранителем» от крупных социальных потрясений в масштабе всей страны (революции, гражданские войны) на протяжении всей многотысячелетней истории Индии.

Англичане «оставили в наследство» Индии во многом уже сформированную социальную структуру общества: «средний класс» (главным образом, кшатрии) и нарождающуюся элиту (брахманы и кшатрии), общественные институты и политические партии.

Урбанизация и быстрый демографический рост в Индии к 2030 году, безусловно, изменят социальную структуру общества. Вопрос лишь в том, в каком направлении пойдут процессы: они либо приведут к созданию новых больших социальных групп высококвалифицированных работников в области высоких технологий и дистанционных услуг, либо породят огромные массы безработных. В первом случае - долгосрочное ускорение экономического развития и, соответственно, повышение уровня жизни, во втором - при неспособности государства создать большое количество новых рабочих мест, исчисляемых десятками миллионов и невозможности обеспечить их обучение, возможны серьезные социальные катаклизмы, с которыми может не справиться даже такой проверенный временем «стабилизатор» общественных отношений, как кастовая система.

Несмотря на законодательный запрет дискриминации по кастовому признаку, дискриминация продолжает существовать, причем не только в отношении низших каст и далитов (неприкасаемых), но и высших каст.

Кастовая структура крайне неоднородна в различных индийских штатах. Социальная структура современного индийского общества в целом также является пестрой и порой эклектичной.

Каста, как традиционная и устойчивая социальная организация, по сей день остается важнейшей частью политической жизни современной Индии.

Налицо парадоксальная способность кастовой системы к мимикрии, усложнению, изменению и быстрой адаптации к постоянно меняющимся социальным реалиям. При этом сами касты продолжают оставаться замкнутым, статичным и крайне устойчивым социальным организмом.

Литература

1. Авдиев В.И. История древнего востока. М. 1970
 2. Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация: Философия, наука, религия. М. 1980
 3. Бхагавад Гита. Спб. 1991
 4. Бэшем Артур. Цивилизация древней Индии. Екатеринбург. 2007
 5. Бэшем Артур. Чудо, которым была Индия. М. 1977
 6. Гендин А. А. Касты и выборы в Индии. М., 1990.
 7. Делёз Ж. Логика смысла. М. 1998.
 8. Дюмон. Л. «Homo Hierarchicus». М.. 2001
 9. Касты в Индии. М. Наука.
 10. Кудрявцев М.К. Община и каста в Хиндустане. М. Наука, 1971
 11. Куценков А.А. Эволюция индийской касты. М.: Наука, 1983
 12. Хейзинга Й. Homo ludens. М. 1998.
- Электронные ресурсы:
12. <http://www.daitmat.com>
 13. Constitution of India. / Официальный сайт Организации по защите прав человека. - Human Rights Watch. - New York, 1999. - Режим доступа - <http://www.hrw.org/reports/1999/india/>
 14. <http://indonet.ru/>
 15. <http://socialjustice.nic.in/pdf/scorderuttarancha.pdf>
 16. Законы Ману, http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/ekonomika_i_pravo/KASTI.

Социально-сетевая Россия – перспективы развития

Кирка А.В.

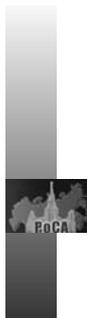
В рамках статьи раскрываются основные перспективы развития и направления совершенствования практического использования социально-сетевых коммуникаций в политическом процессе современной России, а также сформулирован ряд рекомендаций, направленных на обеспечение значительного повышения степени проникновения социально-сетевых коммуникаций в политический процесс современной России. Ключевые слова: государство, гражданское общество, политический процесс, государственная политика, социально-сетевая среда, социально-сетевые коммуникации

Kirka AV.

Russia in social networks - prospects of development
The article reveals the main development prospects and directions of improvement of the practical use of social-networks communications in the political process in modern Russia, and also formulated a number of recommendations aimed at ensuring a significant increase in the level of penetration of social-network communications in the political process of modern Russia. Key words: Government, civil society, political process, public policy, social-networks environment, social-networks communications

Современный отечественный опыт применения социально-сетевых коммуникаций в политическом процессе характеризуется недостаточной институционализацией подходов к социально-сетевой среде, а также слабой интеграцией механизмов социально- сетевого коммуницирования в повседневное политическое поведение [1]. Государственные институты в условиях фрагментарности нормативно-правового обеспечения в области социально-сетевых коммуникаций и его преимущественной ориентированности на контрольно-запретительную практику со слабо выраженной инновационно-стимулирующей компонентой, отличаются недостаточной степенью погружения в социально-сетевую среду.

В свою очередь, общественные структуры, активно участвуя в социально-сетевом дискурсе [3], как наименее затратном формате социально- сетевого коммуницирования, а также используя государственные контент-генерирующие площадки, не отличаются активным погружением в иные виды социально-сетевых коммуникаций в количественном аспекте – существующая политическая практика характеризуется яркими и эффективными [2], но крайне малочисленными примерами прикладного использования ресурсо-аккумулирующих и организационно-координирующих социально-сетевых коммуникаций в политическом процессе при преимущественной ориентации на социально-экономическую и культурную сферы [7].

В рамках осмысления возможных направлений нейтрализации существующей проблематики, были исследованы основные перспективы развития социально-сетевых коммуникаций в политическом процессе современной России. Так, отечественную социально-сетевую среду ожидает значительное расширение как в масштабе пользовательской аудитории, что связано с лидирующими мировыми позициями России в контексте динамики расширения доступа населения к Интернету и социально-сетевой среде, так и в номенклатуре применяемых форматов общественного взаимодействия. Ожидается дальнейшая поляризация политизированного социально-сетевого дискурса с ориентацией на конструктивный диалог и поиск адекватных решений общественно-значимых проблем. Интерес к деструктивной безальтернативной критике будет снижаться, а источники подобной информации маргинализироваться, что связано, во-первых, со снижением доли оппозиционной аудитории за счёт значительного притока активной консервативной аудитории [6], а, во-вторых, пресыщением негативной повесткой политического дискурсионного коммуницирования оппозиционных лидеров [3].

Ожидается повышение активности ресурсоаккумулирующих социально-сетевых коммуникаций в неполитических сферах при высокой вероятности перехода в политический контекст при условии формирования новых политических акторов, осуществляющих эффективное альтернативное политическое позиционирование конструктивного характера. Государство и далее будет расширять политические социально-сетевые контент-генерирующие практики в условиях растущего запроса на общественное участие в подобном взаимодействии. Ожидается значительная активизация общественного участия в организационно-координирующих социально-сетевых коммуникациях. При этом массовый протестный сценарий крайне маловероятен в связи с достаточно высоким запасом прочности текущей политической системы.

Означенные перспективы в совокупности с рядом объективных условий, среди которых можно выделить благоприятную политическую конъюнктуру для государственной власти, а также особую национальную политическую культуру, позволяют сделать предположение о позитивных перспективах социально-сетевой сре-

ды в контексте интеграции в отечественный политический процесс, при условии активной мобилизующей роли государства. Именно мобилизующая роль государства привлечёт соответствующие практики в массовом сознании лояльного большинства, консолидирует их в монолитное институциональное русло и повысит степень проникновения социально-сетевых коммуникаций в политическую жизнь, что расширит политическое участие самых широких слоёв населения, стимулируя дальнейшее формирование гражданского общества.

Сформулированные выводы позволяют сформировать ряд рекомендаций по повышению степени проникновения современных социально-сетевых коммуникаций в отечественную политическую жизнь, которые можно условно классифицировать по следующим основным направлениям.

Во-первых, стратегические направления, в том числе обеспечение информационного суверенитета, расширение масштабов социально-сетевой среды, а также построение компромиссной модели регулирования законодательства, реализация которых обеспечит критически важную независимость отечественной социально-сетевой среды от внешнего воздействия в условиях её всё более возрастающего политического значения, увеличит пользовательскую аудиторию социально-сетевой среды, повысит эффективность системы государственного управления, снизит фрагментарность существующих законодательных норм, а также обеспечит эффективную интеграцию в повседневную практику и сознание социально-сетевой аудитории устанавливаемых государством поведенческих рамок.

Во-вторых, направления совершенствования дискурсионных социально-сетевых коммуникаций, в том числе институционализация аналитических процессов в социально-сетевой среде, модернизация внешнеполитического [4] и институционализация внутривнутриполитического социально-сетевого дискурса [8], реализация которых обеспечит поддержку управленческих решений в рамках осуществления как внешней, так и внутренней государственной политики, повысит результативность внешнеполитического социально-сетевого дискурса, снизит негативное информационное воздействие иностранных государств, а также осуществит крайне эф-

фективную интеграцию всё более расширяющейся аудитории социально-сетевой среды в общественно-политический дискурс.

В-третьих, направления совершенствования контент-генерирующих социально-сетевых коммуникаций, в том числе модернизация существующих и внедрение новых формальных контент-генерирующих коммуникативных практик политического характера, а также легитимация неформальных общественных контент-генерирующих коммуникативных практик общественно-политического характера, реализация которых позволит значительно повысить эффективность существующих направлений практического использования контент-генерирующих социально-сетевых коммуникаций в политическом процессе, расширит масштаб общественно-государственного партнёрства, повысит транспарентность и эффективность деятельности государственных институтов, а также обеспечит расширение гражданского участия в политической жизни и рост авторитетного капитала государства.

В-четвёртых, направление совершенствования ресурсо-аккумулирующих социально-сетевых коммуникаций, в том числе реализация социально-сетевого проекта «Фонд солидарных социальных инвестиций», что обеспечит консолидацию и активизацию ресурсо-аккумулирующих социально-сетевых коммуникаций, нарастит значительный общественный опыт в данной области, повысит общественную солидарность, что впоследствии очевидным образом перейдёт в политическую плоскость, оказывая всё более возрастающее влияние на политический процесс, а также позволит реализовать эффективное целевое государственное субсидирование действительно значимых общественных проектов, что окажет дополнительную стимуляцию экономической сферы на региональном и муниципальном уровнях.

В-пятых, направление совершенствования организационно-координирующих социально-сетевых коммуникаций, в том числе реализация социально-сетевого проекта «Российская добровольческая инициатива», что обеспечит унификацию и консолидацию существующих организационно-координирующих практик как в рамках социально-сетевой среды, так и вне её, реализуя эффективный механизм агрегации общественного мобилизационного потенциала как

для государственной власти, так и для различных структур гражданского общества.

В-шестых, реализация комплекса мероприятий обеспечительного характера, в том числе расширение специализированных образовательных практик в форматах вебинаров, публичных лекций, обеспечение обширной информационной поддержки реализуемых проектов в традиционных средствах массовой информации, а также рекламы в общественных местах, а также обеспечение интеграции реализуемых проектов в мобильный формат, что обеспечит общую информационную и организационную поддержку перечисленного комплекса мероприятий.

Реализация означенных направлений должна обеспечить значительное повышение степени проникновения социально-сетевых коммуникаций в политический процесс современной России.

Разработанные рекомендации в области ресурсо-аккумулирующих и организационно-координирующих коммуникаций не имеют явных институализированных аналогов в зарубежной практике. Более того, реализация означенных рекомендаций в условиях зарубежной социально-сетевой среды не увенчалась бы успехом, в первую очередь, по причине совершенно иной её политико-культурной содержательности, предполагающей развитие данных областей общественного взаимодействия на основе естественной социальной самоорганизации и не приемлющей подобных проявлений «административной самодеятельности».

Вместе с тем, путь слепого копирования наиболее успешных зарубежных практик заведомо утопичен. У России свой собственный путь в совершенствовании социально-сетевых коммуникаций в политическом процессе, который неотрывен от традиционных для отечественной политической культуры ценностей, таких как соборность, корпоратизм, равноправный диалог с властью, солидарность и взаимопомощь, духовность, отрицательное отношение к эгоистическому индивидуализму и «властолюбивому эгоизму» [5].

В настоящее время у нашей страны, обладающей колоссальными ресурсным, организационным и интеллектуальным капиталами есть уникальная возможность значительно повысить качество государственного управления за счёт повышения транспарентности и эффективно-

сти государственного аппарата, снижения уровня коррупции и перехода взаимодействия государства и гражданского общества на совершенно новый уровень на основе повышения степени проникновения социально-сетевых коммуникаций в политический процесс. Современное общество достигло той черты, за которой нельзя говорить об истинно легитимной демократии и эффективном государственном управлении без совместной работы государства и гражданского общества. Необходимо содействовать развитию гражданской активности в социально сетевой среде, направленной на конструктивный диалог, созидание, общественный контроль. Подобная открытость опередит любые негативные воздействия извне и в этом контексте существующая поддержка со стороны населения даёт власти серьёзный временной запас, который необходимо использовать в полной мере.

Литература

1. Кирка А. В. Социально-сетевые коммуникации в политическом процессе: зарубежный и отечественный опыт // Инновации и инвестиции. – 2015. - №9. – С. 157-161.
2. Кирка А. В. Социально-сетевые технологии в избирательном процессе на региональном уровне на примере предвыборной кампании А. Навального // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2013. № 20. С. 42-46.
3. Кирка А. В. Проблематика оппозиционного социально- сетевого политического дискурса в современной России // В сборнике: Проблемы развития науки и образования: теория и практика. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 августа 2015 г.: в 3 частях. ООО «АР-Консалт». Москва, 2015. С. 45-47.
4. Марчуков А. Н. «Публичная дипломатия 2.0» как инструмент внешнеполитической деятельности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 4. С. 104-113.
5. Омельченко Н. А. История государственного управления в России: учеб. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.
6. Путинское большинство: этапы формирования, структура, ценности [Электронный ресурс] // Официальный сайт Фонда развития гражданского общества. – Режим доступа: <http://civilfund.ru/mat/view/79> (дата обращения: 8.07.2015).
7. Сострадание и спонтанность: отчёт о массовых пожертвованиях в России / Ю. Ходорова и др. – М.: САФ Россия, 2014. – 24 с.
8. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI века. Пер. с англ. – М.: АСТ МОСКВА, 2009.

Социальная структура общества в классических социологических теориях

Офицерова Д.А.

Статья рассматривает социальную структуру общества в социологических теориях Э. Дюркгейма, К. Маркса и М. Вебера.

Ключевые слова: социальная структура, стратификация, класс, статус, статусная группа.

Ofitserova D. A.

Social structure of society in classical sociological theories. The article describes social structure in theories of E. Durkheim, K. Marx and M. Weber.

Key words: social structure, stratification, class, status, status group.

Неравенство людей по различным основаниям — пол, возраст, уровень умений и навыков, основное занятие, доход или власть — стало очевидно еще античным философам. Известно описание Платоном [1] идеального государства и разделения его граждан на земледельцев, воинов и правителей в соответствии с тремя главными добродетелями: умеренностью, мужеством и мудростью, во имя достижения главной добродетели — справедливости, или утверждение важности среднего слоя Аристотелем [2] одновременно с пренебрежением к аристократии и беднякам.

Тем не менее, более тщательная разработка проблемы социальной структуры общества началась с подачи классиков экономического либерализма Д.Рикардо [3] и А. Смита [4] и пережила свой расцвет в середине XIX века, когда попала в поле зрения таких социологов как Э. Дюркгейм, М. Вебер и К. Маркс. Далее рассмотрим взгляды на социальную структуру социологов классического периода.

Первым, кто заговорил о социальной структуре как сущности, являющейся целым по отношению к составляющим его частям, которые через него определяются, был основатель социологии Огюст Конт [5]. Рассматривая общество в русле позитивизма, он разделил социологию на социальную статику и динамику, где первая рассматривает социальную структуру в конкретный период времени, а вторая ее изменение во времени.

Термин «социальная структура» вводит Герберт Спенсер в работе «Принципы социологии» [6], обозначая уже сложившееся к тому времени и принятое нами понимание социальной структуры как совокупности единиц, дающих вместе целое, несводимое к сумме частей. Г. Спенсер проводил аналогию между социальной структурой и биологическим организмом, особенно отмечая схожесть функций, которые выполняют части организма, и тех, что закреплены за определенными институтами в обществе – так производительную функцию выполняет сельское хозяйство и промышленность, распределительную – транспорт и торговля, управленческую – государство и церковь. Несмотря на схожесть общества с биологическим организмом по признаку роста, наличия структуры и ее дифференциации с развитием, существуют и значимые отличия – в обществе индивид испытывает меньшую зависимость от целого, чем орган в организме, также члены общества не живут ради целого.

Большее значение имеет понимание развития социальной структуры общества по Г. Спенсеру. Оно происходит как раз за счет усложнения его структуры по мере роста и дифференциации – социального расслоения и появления новых институтов.

Сходный тезис выдвигает Э. Дюркгейм в работе «О разделении общественного труда» [7]. В примитивных обществах между индивидами можно найти больше сходства, чем в обществах современных. С развитием общества происходит усложнение разделения труда – усложняется профессиональная структура, размываются различия между профессиями и одновременно происходит внутри профессиональная дифференциация.

Э. Дюркгейм проводит различие между социальной структурой обществ с органической и механической солидарностью. Общества, где индивидуальность подавляется коллективом, более однородны, индивиды там выполняют сходные функции. Э. Дюркгейм называет их обществами с механической солидарностью. Общества же, где на первый план выходят индивидуальные особенности личности, более сложное разделение труда, в котором каждый выполняет свою функцию. Э. Дюркгейм называет их обществами с органической солидарностью. Про такие общества Э. Дюркгейм пишет: «Они

строятся не повторением однородных и подобных сегментов, но посредством системы различных органов, каждый из которых имеет социальную роль и которые сами состоят из дифференцированных частей. Социальные элементы здесь не одной природы, и в то же время расположены неодинаково. Они не расположены в линейный ряд как кольца у кольчатых, не вложены одни в другие. Но скоординированы и субординированы вокруг одного центрального органа, оказывающего на остальную часть организма умеряющее воздействие» [7].

Таким образом, в современных обществах, где господствует органическая солидарность, существует сложная социальная структура, на вершине которой находятся индивиды, занятые управлением, причем их привилегированное положение объясняется важностью выполняемой роли, а не дарована свыше, как в обществах с механической солидарностью. Социальная структура складывается на основе профессиональной – все более усложняющегося разделения труда, место в котором не наследуется, а соответствует навыкам и умениям индивида. На этапе перехода от социальной структуры, где положение определяется про происхождению, к той, где социальный статус – достижение личности, в обществе появляются касты или классы – результат «смешения возникающей профессиональной организации с предшествовавшей семейной» [7].

С развитием общества все больше организуется на профессиональном основании. Индивиды, обладают врожденными способностями и должны реализовывать их, выполняя определенную функцию в обществе. Э. Дюркгейм пишет следующее: «Труд разделяется самопроизвольно только тогда, когда общество устроено таким образом, что общественное неравенство точно отражает естественное неравенство» [7]. И так, все люди не равны по имеющимся у них способностям и должны занимать в общественной структуре такое место, которое этим способностям соответствует. Естественно, что более привилегированные позиции привлекают большое количество желающих их занять. В условиях равной конкуренции их должны занимать самые достойные. Если условия борьбы не равные, то это показатель аномии общества – нарушении в разделении труда. Э. Дюркгейм признает, что все общества не идеальны – все-

де существуют большие или меньшие отклонения от равной конкуренции за выгодные позиции. В одних существуют касты, которые в высшей степени ограничивают распределение в социальной структуре в соответствии со способностями, в других - передача богатства по наследству, которое дает преимущество в борьбе, хотя не всегда соответствует способностям. Тем не менее, идеал – общество, построенное на разделении труда, основанном на самопроизвольности, при условии равных возможностей, и наиболее развитые общества к нему стремятся.

Принимая во внимание вышесказанное, ретюмируем взгляды Э. Дюркгейма на социальную структуру. Французский социолог отличал социальную структуру общества с механической солидарностью от структуры общества с органической солидарностью. По мере развития общества переходят от первого ко второму. Исчезают касты и классы, социальная структура основывается на профессиональном признаке. Наиболее значимые позиции в профессиональной структуре занимают наиболее достойные – индивиды, обладающие соответствующими навыками. Но чтобы разделение труда было справедливым, а социальная структура самопроизвольной, необходимо обеспечить равные условия борьбы. Таким образом, Э. Дюркгейм признает естественное неравенство, которое реализуется в неравенство социальное, и считает справедливой социальную структуру, складывающуюся на его основе, при условии равных шансов на достижение лучших позиций.

Исчезновение классов прочил и Карл Маркс. Обратимся к теории классов К. Маркса и проанализируем его взгляды на социальную структуру. Интересно, что сам социолог определения классу не давал, хотя крайне часто использовал данный термин. Определение было дано его последователем – В.И. Лениным в работе «Великий почин»: классы – это «большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают» [8].

Итак, на чем основывается социальная стратификация по К. Марксу [9]. Разделение на классы К. Маркс проводит только на основе экономического фактора. Принадлежность к классу имущих или неимущих определяется а) способом получения богатства, 2) за счет эксплуатации чужого труда, 3) за счет продажи своего. Интеллектуальные способности, престиж или социальное положение не брались К. Марксом в расчет, а лишь вытекали из главного – экономического фактора.

Изначально импульс к изучению социальной структуры дало осознание К. Марксом того факта, что с развитием общества и перехода от формации к формации доступ угнетаемых классов к собственности на средства производства не становится более широким. Получается, что не род деятельности определяет принадлежность к классу, а наоборот, ремесло определяется нахождением на том или ином месте в социальной иерархии. Естественно, что представители разных классов преследуют разные цели, часто противоположные. Так, в капиталистическом обществе обладающие собственностью буржуа стремятся к максимизации прибыли своих предприятий, в том числе за счет требования больших результатов труда за ту же оплату от работников. В свою очередь, рабочие заинтересованы в росте заработной платы и сокращении нагрузки и, как следствие, к изменению сложившейся иерархии. Отсюда борьба антагонистических классов и пролетарская революция.

Но осознает ли конкретный индивид, к какому классу принадлежит и ради каких целей борется? Тут возникает феномен классового сознания. Георг Лукач объяснил его следующим образом: «Когда сознание устанавливает отношение к обществу в целом, то познаются те мысли, ощущения и т.д., которые имели бы люди в определенной жизненной ситуации, если бы они были способны полностью понять эту ситуацию, вытекающие из нее интересы как применительно к своей непосредственной деятельности, так и применительно к отвечающему этим интересам переустройству всего общества; стало быть, речь идет о мыслях и т.д., которые адекватны объективной ситуации людей. Число подобных жизненных ситуаций ни в одном обществе не является неограниченным. Как бы ни совершенствовалась на основе обстоятельных частных исследований типология

подобных жизненных ситуаций, тем не менее, в итоге получаются несколько ясно отделяющихся друг от друга основных типов, характер которых определяется типичной положением людей в производственном процессе. Так вот, рационально адекватная реакция, которая таким образом вменяется (*zugerechnet wird*) определенной типичной ситуации в производственном процессе, и есть классовое сознание» [10].

Получается, что индивид исходит из своих интересов, совершая то или иное действие, находясь в конкретной жизненной ситуации. Но набор таких ситуаций не только органичен, но и раскладывается на некоторое количество наиболее типичных, соответственно мотивирующих людей на схожие действия. Отсюда несколько стереотипное, но от этого не менее верное представление о том, что пролетариат беден, эксплуатируем и стремится избавиться от этой эксплуатации, а буржуазия богата, использует наемный труд и стремится сохранить существующий порядок вещей.

Исходя из выше сказанного, можно догадаться, что принадлежность к тому или иному классу – больше, чем место в социальной иерархии в соответствии с доходом. Этот тезис, довольно подробно разбирается М. Вебером и П. Бурдьё, но и К. Маркс сомневается в том, что возможно разделить людей на классы в соответствии с доходами и источниками доходов. «Верно, что собственники капитала получают прибыль, собственники земли – ренту, а собственники труда – заработную плату, но «этой точки зрения, врачи и чиновники, например, образовали бы два класса, так как они принадлежат к двум различным общественным группам, причём члены каждой из этих двух групп получают свои доходы из одного и того же источника», – пишет К. Маркс [9].

Здесь уместно также упомянуть, что вопреки неизменному акценту на два противостоящих класса, соответствующих каждой формации, К. Маркс выделял в общественной структуре не только их. Обратимся к анализу социальной структуры Маркса, проведенному А.Б. Рахмановым [11].

Помимо крупных собственников, владеющих средствами производства, и эксплуатируемых первыми работников существуют еще мелкие собственники, которые одновременно являются работниками своих организаций, т.е.

могут как эксплуатировать труд часто небольшого количества рабочих, так и подвергаться эксплуатации крупных собственников. Социальная структура усложняется также тем, что внутри пролетариата и буржуазии можно выделить группы – буржуазия делится на

- Промышленных капиталистов, которые получают доход от производства
- Банкиров, получающих процент от вложенного капитала
- Торговых капиталистов, получающих соответственно торговую прибыль
- Землевладельцев, получающих ренту

Наряду с этим К. Маркс проводит разделение по размеру капитала на крупную, среднюю и мелкую буржуазию, причем распоряжающаяся небольшим капиталом и эксплуатирующая малое количество рабочих последняя – самый большой по численности слой, к тому же находящийся на грани пролетаризации. Несмотря на раздирающие буржуазию противоречия, она представляет собой один класс, объединенный общим интересом извлечения максимальной прибыли от капитала и противостояния пролетариату.

В свою очередь пролетариат также не является однородным. Маркс разделял его на основе сферы занятости – промышленный, торговый и сельскохозяйственный, уровня оплаты или квалификации, а также выделял люмпен-пролетариат, называя его отдельным классом. Последний сформирован из деклассированных элементов так называемого «социального дна», куда капиталистическая система вытеснила наименее приспособленных к существованию в ней. Люмпен-пролетариат или «пауперы» живут за счет общества, не занимаясь какой бы то ни было полезной для общества деятельностью, часто являются безработными.

Мелкие собственники, которых нельзя отнести ни к буржуазии, ни к пролетариату являются еще одним классом – рудиментом капиталистического общества. Торговцы, земледельцы или ремесленники, распоряжающиеся небольшим капиталом и занятые на своем производстве, часто ручном и семейном, формируют то, что К. Маркс называет «средним классом» и чему предрекает исчезновение с развитием капиталистического общества за счет присоединения к буржуазии, либо пролетариату.

Таким образом, довольно сложная структура современного Марксу общества сводится им к разде-

лению на два класса – собственников капитала и собственников труда, к которым присоединятся существующие маргинальные группы по мере поляризации социальной структуры, которая в дальнейшем приведет к революции, суть – переход к следующей формации – социализму, а затем коммунизму, готовому вернуть бесклассовое общество, но уже на новом по сравнению с первобытнообщинным уровне. Получается, идеал социального устройства К. Маркса – общество без классовой социальной структуры. Тем не менее, структура в обществе должна существовать, ибо очевидно, что люди не одинаковы хотя бы по прирожденному статусу – полу, расе или национальности.

Еще один взгляд на социальную структуру представил социолог Макс Вебер. Несмотря на то, что подходы М. Вебера и К. Маркса разнятся, их объединяет структуралистская парадигма. Здесь важно упомянуть, что в рассмотрении социальной структуры сложилось две традиции – функционалистская и структуралистская. Их различие поясняет О.И. Шкаратан в работе «Социология неравенства» [12]. Преимущественно американский функционалистский подход рассматривает социальную структуру как финансовую и властную иерархию индивидов, воспринимая каждую позицию в ней как личное достижение каждого. Такой индивидуалистский подход позволяет производить количественное сравнение позиций, которые в итоге складываются в три страты – верхнюю, среднюю и низшую иногда с более детальным разделением.

Второй подход, который можно назвать структуралистским, подчеркивает неравенство стартовых возможностей и подразумевает, что социальная структура – есть не только следствие успеха или неуспеха конкретных индивидов, а неотъемлемая черта общества, организующая всех его членов в иерархию.

Далее обратимся к взглядам М. Вебера на социальную структуру. В статье «Основные понятия стратификации» [13] М. Вебер исходит из того, что класс – это совокупность людей, находящихся в сходной классовой ситуации, то есть занимают сходное положение в экономической иерархии общества. Как и у К. Маркса, фактор, формирующий класс, является экономическим, а именно это экономический интерес. Однако такой интерес – и здесь мы находим различие подходов М. Вебера и К. Маркса

– является выражением притязаний типичного представителя класса, а не выражением устремлений класса как единого целого. Таким образом, говоря о классах, М. Вебер имеет в виду социальные группы со схожими жизненными шансами, подразумевающими определенную экономическую ситуацию и место в системе разделения труда, нежели консолидированную группу, выражающую общие интересы.

Еще одно отличие теории М. Вебера – дополнение экономической основы иерархии двумя не менее значимыми факторами – престижем и властью. Все эти факторы взаимосвязаны друг с другом. Социальный порядок складывается таким образом, «каким социальные почести распределяются в обществе между типичными группами, участвующими в таком распределении» [13]. Социальные почести – то есть престиж – часто служат основой экономической или политической власти, также как экономическая власть может быть следствием власти политической. Экономическая власть и наиболее явное ее проявление – денежная власть – редко бывает основой социальных почестей. Тем не менее, экономическая власть как одна из важнейших оснований неравенства во многом опирается на собственность – еще один ключевой фактор социальной стратификации. Собственность и недостаток собственности М. Вебер называет «базисными категориями классовых ситуаций любого типа» [13]. Разделение на «собственников» и «не собственников» можно расширить, дифференцируя виды собственности и услуги, предоставляемые на рынке, а также разделяя собственников на предпринимателей и рантье.

Все вышесказанное относится к пониманию М. Вебером класса и наиболее тесно связанного с ним феномена классовой ситуации, но наряду с этим социолог вводит понятие «статусная группа» и придает ему совершенное отличное значение. Индивиды со схожими статусами или статусная группа находятся в сходной статусной ситуации, но их объединение более аморфно, чем класс. Такая общность – скорее объединение людей со «специфическим стилем жизни, который ожидается от тех, кто высказывает желание принадлежать к данному кругу людей» [13] (тут прослеживается отсылка к веберовской теории социального действия как ориентированного на окружающих), нежели

группы с одинаковым видом собственности.

Тем не менее, статусная группа, выделяемая на основе сходства стилей жизни, и класс, выделяемый на основе экономического интереса и обладания собственностью, часто оказываются связанными друг с другом. М. Вебер описал это так: «случается, что партнера по танцам выбирают из среды своего же класса» [13]. Отсюда возможность статусных групп монополизировать специфические экономические сферы, схожие по виду собственности, и формировать социальные классы – элемент социальной структуры, который включает в себя индивидов со схожим уровнем экономической и политической власти и связанными с ней социальными почестями. М. Вебер выделяет класс позитивно привилегированных, негативно привилегированных и обширную промежуточную группу, находящуюся посередине этого континуума. Однако единство социальных классов крайне подвижно и весьма относительно.

В качестве примера социальных классов М. Вебер называет рабочий класс (занятых именно в механизированном процессе, а не в целом «работников» как у К. Маркса), интеллигенцию – группу не имеющих собственности, чье положение зависит от знаний, привилегированный класс – группу, имеющих собственность и хорошее образование.

Социальный и классовый статус связаны, но не равнозначны. И во главу угла М. Вебер ставит социальный, который формирует социальные страты – «множества людей внутри большой группы, обладающих определённым видом и уровнем престижа, полученного благодаря своей позиции, а также возможности достичь особого рода монополии» [13].

Резюмируя выше сказанное, отметим, что М. Вебер значительно усложняет понимание социальной структуры, связывая его в первую очередь с социальным статусом, основным на престиже, и только во вторую с экономической властью. Социальная иерархия по М. Веберу – сложно организованная структура и нестабильная структура, члены которой формируют

группы со схожими статусными ситуациями, исходя из схожего уровня экономической (в том числе денежной) и политической власти, образования, а также стиля жизни.

Таким образом, в данной статье были рассмотрены основы изучения социальной структуры, заложенные позитивистами О. Контом и Г. Спенсером, и проанализированы теории Э. Дюркгейма, К. Маркса и М. Вебера. Естественно, изучение социальной структуры не остановилось с завершением классического периода в истории социологии. В XX веке социальная структура общества осталась в фокусе рассмотрения социологов, оставаясь одним из главных вопросов социологии, основой понимания того, чем является общество.

Литература

1. Платон Государство. М.: Наука, 2005.
2. Аристотель Политика // Сочинения в 4-х томах. М.: Мысль, 1983. Т.4.
3. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения
4. Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007.
5. Конт О. Дух Позитивной философии. М.: Либроком, 2011.
6. Спенсер Г. Принципы социологии. М.: Либроком, 2013.
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда М.: Канон, 1996.
8. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, 5 изд., т. 39. М.: Издательство политической литературы, 1965-1975.
9. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, Т.1. М.: Эксмо, 2013.
10. Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М.: Логос-Альтера, 2003.
11. Рахманов А.Б. Социальная философия К. Маркса и ее антиномии. М.: Либроком, 2012.
12. Шкаратан О.И. Социальное неравенство. Теория и реальность. М.: Изд. Дом ВШЭ, 2012.
13. Вебер М. Основные понятия стратификации // Социс. 1994. № 5.

Социальный «портрет» Латинской Америки: общие и частные проблемы

Пятаков А. Н.

В статье анализируется социальная ситуация в латиноамериканском регионе. Обозначен и рассмотрен круг наиболее острых проблем обществ Латинской Америки. Автор останавливается на подробном обзоре сферы трудовых отношений, сфер здравоохранения и социальной сферы в целом. От анализа общих проблем автор переходит к рассмотрению частных проблем. В статье подробно раскрывается современное состояние социальной ситуации в двух латиноамериканских обществах: Кубы и Гондураса. Проанализирована их этническая структура, проблемы, с которыми сталкиваются правительства и стратегии социальной политики.

Ключевые слова: социальная сфера, Латинская Америка, трудовые отношения, здравоохранение, социальная политика.

Pyatakov AN.

Social «portrait» of Latin America: general and particular problems.

In the article, the social situation in the Latin American region is analyzed. The circle of the most burning issues of Latin American societies is designated and considered. The author detains on the detailed review of the labor relations sphere, and also of the health care sphere and the social sphere in general. From the analysis of general problems, the author passes to the consideration of particular ones. In detail, the article reveals the current state of the social situations in two Latin American societies: Cuba and Honduras. In each case, ethnic structure, problems faced by governments, and the strategy of social policy are analyzed.

Key words: social sphere, Latin America, labor relations, health care, social policy.

Латинская Америка: общая панорама социальной сферы

Латинская Америка остается, пожалуй, самым неблагополучным в социальном плане регионом: это касается и бедности, и социальной поляризации, и ситуации с трудовыми ресурсами, и с кругом проблем, связанных с социальной защищенностью и обеспеченностью. В регионе 167 миллионов человек (28% населения) по данным на 2014 г. живет в бедности, а 71 миллион (что составляет 16,8%) – в полной нищете¹; более четверти жителей нуждается в регулярном базовом медицинском обслуживании и только половина охвачена медицинским страхованием. Следующий факт очень показательно иллюстрирует неблагополучие социальной жизни латиноамериканцев: на тысячу населения здесь приходится в среднем только две больничных койки.

В Латинской Америке довольно высока детская смертность – в среднем 18 на тыс. родившихся (2013), хотя в странах с активно развивающейся экономикой наблюдается ее снижение: в 1990-е гг. в Чили данный показатель снизился с 14,1 (1995) до 8 (2013). В целом по Латинской Америке детская смертность снизилась на 49% в период с 1990 по 2013 гг. В Бразилии этот показатель снизился с 42,5 (1995) до 15 (2013), но в основном в наиболее развитых районах, в более отсталых показатели остались прежними, а в некоторых даже повысились. Самая высокая детская смертность на протяжении

последних 30 лет продолжает оставаться в Гаити – 49,4 (2009). Почему мы выделяем уделяем этому показателю такое внимание? Потому что детская смертность – это своего рода интегральный показатель уровня развития здравоохранения, в нем как в капле воды отражена вся социальная ситуация. Высокой остается в латинской Америке и материнская смертность – в среднем по региону 190 случаев на 100 тысячу родов.

Весьма любопытная ситуация имеет место в трудовой сфере. Латинская Америка – самый молодой в демографическом плане и, как следствие, с самым активным работоспособным населением регион. В связи с этим вопросы, связанные со сферой труда приобретают дополнительную актуальность. С начала XXI века Латинская Америка переживает два мощных социально-демографических тренда, так или иначе оказывающих влияние на сферу труда. Во-первых, это, так называемый феномен «демографического бонуса», когда имеют место минимальные темпы старения населения на фоне сокращения смертности. В таких условиях «лица активного возраста (от 15 до 59 лет) испытывают наименьшую нагрузку со стороны экономически неактивного населения (до 15 лет и старше 59)»². В такой ситуации трудоспособное население оказывается в несколько привилегированном положении, открываются новые социальные возможности для самореализации, откладывания сбережений, трудоустройства и т.д.

Вторая тенденция – нарастающая урбанизация региона. Напомним, что Латинская Америка располагает 10-ю из 60-ти крупнейших городов мира³. За последние тридцать лет городское население Латинской Америки увеличилось на 240%, в то время как сельское увеличилось только на 6,1%. Если в 1990-м году в городах проживало 70,6%, то к 2010 г. эта цифра увеличилась до 79,5% (в таких странах как Аргентина, Уругвай, Чили и Венесуэла доля городского населения составляет 86%)⁴. Фактически Латинская Америка стала одним из самых урбанизированных регионов мира. Как следствие наложение этих тенденций друг на друга дает в итоге мощный количественный рост ЭАН в целом (с 2000 по 2010 гг. оно увеличилось с 217 млн до 274 млн) и городского в частности. Ожидается, что к 2020 году ЭАН Латинской Америки составит 327 миллионов человек⁵. Это не

может не оказывать влияния на трансформацию ряда аспектов, связанных со сферой труда – характера занятости, специфики трудовых отношений, изменении роли государства в регулировании трудовой социальной политики и др.

В ходе так называемого, «потерянного десятилетия» (80-е годы XX века) в результате интенсивных неолиберальных реформ и тотальной приватизации в Латинской Америке существенно сократилась емкость государственного сектора экономики. К началу второго десятилетия XXI века потенциал госсектора так и не удалось восстановить. Такое положение вещей наглядно демонстрирует структура занятости в регионе по секторам экономики. Так, по данным Международной организации труда (МОТ) на 2011 г. только 12,7% латиноамериканского ЭАН (в возрасте от 25 лет и выше) находится на службе у государства (в 2005 г. их численность составляла 12,5%). Подавляющая же часть (47%) трудится на малых и средних предприятиях, находящихся в частной собственности (по сравнению с 2005 г. их объем возрос на 1,8%)⁶. Вторую по численности группу трудящихся составляют, так называемые, «независимые» (31,4%) – это самозанятые работники, принадлежащие к неформальному сектору. Среди экономически активной молодежи (15-24 лет) эти диспропорции выражены еще ярче: госсектор – 5,3%, частный – 63,4%, «независимые» – 13,6%.

Что касается распределения рабочей силы между сферами занятости, то здесь преобладают две мощные тенденции – отток трудящихся из сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности. Наиболее привлекательной для латиноамериканцев в возрасте от 25 лет в плане трудоустройства является сфера услуг (в том числе коммунальных) – 29% ЭАН (данные МОТ на 2011 г.). На втором месте находится сфера торговли с показателем в 23,2%. За ней следует добывающая промышленность – 16,8%. Парадоксально, но по сравнению с 2005 г. емкость этого рынка занятости снизилась 2,2%. На фоне растущих объемов добычи природных ископаемых (в первую очередь нефти и газа) этот феномен нельзя объяснить ничем, кроме растущей технологизации, вытесняющей «живой труд» из производства. В обрабатывающей промышленности занято 12,4%. Наконец, в строительстве – 7,6%. Для молодежи наиболее привлекатель-

ными оказываются сферы торговли и коммерции (29,1%) и услуги (20,9%). Среди видов материального производства они отдают предпочтение добывающей промышленности (18,6%) и обрабатывающей (14,3%). В сфере строительства заняты 7,8% работоспособной молодежи.

Одним из фундаментальных условий труда является продолжительность рабочего дня. В Латинской Америке, как и во всем мире, принципиальный сдвиг в этом плане произошел после Второй мировой войны и повсеместно был установлен 40–45 часовой рабочий день. В начале XXI века по этому параметру регион в целом уступает Европе. Если в Старом свете средний рабочий день по данным на 2011 год составляет 37 часов в неделю, то в среднем по Латинской Америке он равен 42 (вместо 43 в 2002 г.)⁷. При этом показатель варьируется в зависимости от государства. Самым короткая рабочая неделя установлена в Венесуэле, Гондурасе, Аргентине и Перу – 39 часов (2011). Причем в Перу и Гондурасе по сравнению с 2002 годом она уменьшилась (тогда составляла 41 и 44 часов соответственно), в Аргентине осталась на прежнем уровне, а в Венесуэле увеличилась с 37 часов. Для сравнения в европейском союзе за этот же период произошло сокращение с 38 до 37 часов. Самую продолжительную рабочую неделю имеют Мексика, Колумбия (обе по 46), Никарагуа, Боливия и Парагвай (по 45 часов). Средний показатель установлен в Бразилии, Доминиканской Республике, Эквадоре, Сальвадоре и Уругвае (41 час в неделю). При этом во всех пяти государствах по сравнению с 2002 годом произошло заметное уменьшение продолжительности рабочей недели в среднем на три часа. Вполне ожидаемо латиноамериканские мужчины работают дольше женщин в среднем на два часа в неделю.

Главная причина в среднем большей продолжительности рабочей недели, чем в Европе, это высокая доля занятости в неформальном секторе экономики. К концу 2000-х годов в нем работали 93 млн латиноамериканцев (около 50% экономически активного населения).

Другим интегральным индикатором условий труда является минимальная заработная плата. По данным на начало 2013 г. самые высокие показатели были зафиксированы в Аргентине (\$617), Бразилии (\$328), Чили (\$408), Коста-Рике (\$500,87), Гондурасе (\$300), Пана-

ме (\$432), Венесуэле (\$429) и Парагвае (\$385). Самые низкий уровень зарплатного минимума имеет место в Боливии (\$143,68), на Кубе (\$10), в Гаити (89,28), Никарагуа (\$94) и Доминиканской Республике (\$149,32)⁸. Безусловно, при оценке уровня минимальной заработной платы многое зависит от покупательной способности в национальной валюте в той или иной стране, и приведение к общему долларовому знаменателю не дает объективной картины, это, скорее показатель иммиграционной привлекательности государств.

В 2012 и 2013 г. Латинская Америка показала рекордно низкие уровни безработицы как по сравнению с другими регионами мира, так и по сравнению со своим историческим прошлым. Если в 2011 г. в среднем по региону этот показатель составлял 6,7%, то через год он снизился до 6,4%, а к 2013 г. достиг минимального исторического показателя за последние два десятилетия – 6,3%. Аналитики связывают увеличение емкости рынка труда с общим позитивным посткризисным развитием региона. Наиболее высокий уровень безработицы по данным на 2013 г. в Колумбии (10,6%), Коста-Рике (8,3%), Венесуэле (7,8%) и Доминиканской Республике (7%). Минимальное число безработных в Гватемале, Эквадоре и Панаме (менее 5%) и в Бразилии (5,5%)⁹. С 2005 по 2012 гг. наблюдалось сокращение и молодежной безработицы с 16,4% до 13,7%, хотя в целом этот показатель в среднем вдвое превышает безработицу других возрастных групп¹⁰.

Каким образом государство решает проблему безработицы и повышения уровня занятости? Исходя в целом из общей слабости латиноамериканского госсектора решение второй проблемы «отдано на откуп» частным предприятиям и корпорациям. Роль государства в регулировании сферы труда в целом минимальна и сводится к созданию правовых условий для бизнеса. Что касается первого момента, то проводимая государственная социальная политика в целом направлена на «консервацию» и сдерживание темпов роста безработицы. В последние годы широкую популярность приобрели государственные программы адресных выплат, заключающиеся в выдаче единовременных пособий нуждающимся и обеспечивающих минимальный прожиточный уровень. К 2010 г. этими программами было охвачено 19,3% насе-

ния региона (113,5 млн человек)¹¹. Было бы ошибкой квалифицировать эти выплаты как «пособия по безработице», это скорее «дотации по бедности». Но, безусловно, такие программы не стимулируют к поиску дополнительной работы и в итоге приводят к росту патерналистских настроений в обществе.

Латинская Америка в трудовом аспекте характеризуется рядом противоречий и парадоксов. С одной стороны, имея большой трудовой потенциал населения, экономики региона не могут вполне адекватно его использовать. Несмотря на более суровые и жесткие условия труда регион оказывается притягательным для европейской иностранной рабочей силы. По всей видимости, явные диспропорции между государственным и частным секторами экономики будут нарастать; армия работников, оставленных «за бортом» цивилизованных рабочих мест и работающих в неформальном секторе экономики будет расти.

Нельзя сказать, что государства региона пассивны и не видят стоящих перед обществом проблем. На это указывает их широкий опыт социального реформирования, особо бурно реализованный в конце прошлого столетия и на рубеже веков. В последней четверти XX в. (главным образом в 90-е гг.) во многих странах региона были проведены реформы, ориентированные на модернизацию национальных систем здравоохранения: Чили (1981, 1991, 2004-2005 гг.), Бразилия (1990 г.), Никарагуа (1991-1997 г.), Колумбия (1993 г.), Эквадор (1993, 1998-2003, 2010 гг.), Боливия (1994-1998, 2007 гг.), Мексика (1980-1988, 1994-2003 гг.), Аргентина (1993-1996, 2000-2002 гг.), Коста-Рика (1994-1998 гг.), Перу (1995-1997, 2001 гг.), Гватемала (1995 г.), Доминиканская Республика (1995 г.), Гаити (1996 г.), Панама (1996 г.), Парагвай (1996-1998 гг.), Венесуэла (1999-2006 гг.), Сальвадор (1999-2000 гг.), Гондурас (2000-2001 гг.). Основными инструментами и направлениями проведения реформ были, во-первых, децентрализация управления; во-вторых, развитие системы социального страхования; в-третьих, формирование альтернативной модели экономического стимулирования субъектов предоставления медицинских услуг (как государственных, так и частных). В ходе реформирования акцент в большей степени делался на таких вопросах как финансирование, реструктуриза-

ция, управление и в меньшей касался проблем улучшения качества медицинского обслуживания, модернизация технической базы, защиты прав медработников и т. д.

Реформы здравоохранения проводились в рамках общего курса неолиберальных экономических преобразований нередко под руководством и по рецептам специалистов Всемирного Банка и МВФ. Основное содержание реформ – сокращение роли государства в регулировании деятельности сферы здравоохранения, пожалуй, только в Венесуэле преобразования шли в противоположном направлении. О результатах реформирования в регионе косвенно говорит тот факт, что, например, в 2003 г. в 12 странах было проведено 37 забастовок работников здравоохранения, из них 10% были посвящены исключительно протесту против реформ, а 67,5% с требованиями повышения зарплат, расходов на медицину.

Одной из животрепещущих проблем систем здравоохранения в Латинской Америке остается резкое различие в развитии ее отдельных ступеней в рамках отдельных стран. Существует большая разница в сфере медицинского обслуживания в больших городах с одной стороны, и в отдельных районах страны – с другой. Большинство проводимых реформ призваны сгладить это различие, которое приводит к тому, что часть нас. получает ограниченную мед. помощь, либо вообще остается без нее. Особенно остро эта проблема стоит в государствах с большой долей малообеспеченного индейского населения, проживающего в труднодоступных районах. Поэтому проблема расширения сферы медицинского обслуживания на эту группу населения является одной из первостепенных в целом ряде государств, и даже там, где индейцы не составляют большинства. Так, например, в Бразилии индейцы насчитывают 345 тыс. чел. (0,2% населения), но именно они составляют, так называемую, группу риска среди болеющих малярией, туберкулезом, респираторными заболеваниями. Не лучше обстоит ситуация в Чили, где среди индейского населения младенческая смертность составляет 40 новорожденных на 1 тыс. (норма в стране – 15/1000).

Таким образом, можно заключить, что социологический анализ Латинской Америки обнаруживает проблемные состояния практической на всех «этажах» социальной сферы. Рефор-

мирование здравоохранения лишь частично и паллиативно решает проблему доступа к медицине. Предпринятые попытки модернизации трудовой сферы не способны решить коренным образом ни проблемы безработицы, ни занятости в неформальном секторе, а эти проблемы приобретают долгосрочный и хронический характер. Рассмотрев в общих чертах социальную панораму региона, обратимся к рассмотрению частных латиноамериканских ситуаций. Как обстоит дело в отдельных странах региона? Представляется, что выбор двух государств – Кубы и Гондураса – демонстрирует два типа «исключений» из общей картины. На Кубе, несмотря на экономические сложности удается удерживать достаточно высокую планку социальных показателей, в Гондурасе же ситуация обратная: на относительно благоприятном макроэкономическом фоне социальная сфера находится в крайне удручающем состоянии. Попробуем выяснить, в чем причина таких социально-экономических парадоксов.

Социальная сфера Кубы: оптимизм на фоне трудностей

Несмотря на материальные трудности, социальные параметры остаются высокими даже по сравнению с экономически развитыми странами. Средняя продолжительность жизни составляет 78 лет, детская смертность – 4,5 на тысячу новорожденных (2010). По данным ЭКЛА за 2009 г., на Кубе самый высокий в Латинской Америке показатель государственных расходов на социальные нужды – 40,8% ВВП (для сравнения в Бразилии – 26,2%, в Колумбии – 13,5%, в Чили – 15,3%). В структуре государственных расходов 18% идет на образование, 14% – на здравоохранение, почти 11% на социальное страхование и содержание пенсионной системы, 3,8% – на строительство жилья. До 2005 г. сохранялась положительная динамика роста населения, со второй половины десятилетия численность населения стабилизировалась на уровне 11,24 млн. человек.

Кубинская пенсионная система считается одной из самых прогрессивных в регионе. В отличие от многих стран Латинской Америки, где эта область полностью (например, Боливия, Чили, Доминиканская Республика, Мексика) или частично (Колумбия, Коста-Рика, Уругвай, Перу) приватизирована, на Кубе пенсион-

ная система находится под полным государственным контролем. На конец 2010 г. пенсию по старости получали 984 тыс. человек. До 2009 г. возраст выхода на пенсию был на четыре года меньше у женщин, чем в среднем по региону и на два у мужчин, однако под давлением экономического кризиса и нарастающей тенденции старения населения власти пошли на непопулярные меры.

Важным шагом по увеличению государственных доходов стало решение о распространении на все категории трудящихся обязательных отчислений в систему социального страхования в размере от 1 до 5% от суммы заработной платы, предусмотренных еще законом о налогообложении от 1994 г., которые реально выплачивали в 2009 г. лишь 526,9 тыс. человек.

Социальные показатели развития здравоохранения и образования – по-прежнему одни из главных предметов гордости кубинцев. По официальным данным на острове бесплатной медицинской помощью пользуются 100% населения. Ежегодно проводится централизованная вакцинация населения – мера, которая обходится государственной казне в среднем в 50 млн конвертируемых песо. Кстати, в рамках проводимой в стране Национальной программы вакцинации 8 из 13 вакцин изобретены и производятся на Кубе.

Общее количество работников здравоохранения на острове в 2010 г. – 282,3 тыс. чел. (6,3% от экономически активного населения), из них 70% – женщины. Общее количество врачей – 76,5 тыс., из которых 36,5 тыс. – семейные врачи (для сравнения в 2006 г. – 71,5 тыс. и 33,2 тыс., соответственно. В целом на 1 врача приходится 147 жителей)¹². Приоритетным направлением здравоохранения на Кубе являются профилактические меры, первичное медицинское обслуживание. Институционально эта ориентация воплощена в системе «семейного (или домашнего) врача». Доля жителей, обслуживаемых семейными врачами, составила 99,4% (2010). В некоторых странах мира практика «семейного врача» реализуется в рамках частной медицины, когда один врач за плату лечит всю семью. На Кубе же впервые в мире эта практика была реализована в массовом порядке и превращена из роскоши доступной немногим в фундамент национального государственного здравоохранения. Стратегия развития профи-

лактической медицины реализуется до сих пор.

На Кубе действует многоуровневая система образования. Начальное и среднее образование являются обязательными. Далее следуют профессионально-техническое, высшее и параллельная система, так называемого, «вечернего» образования для тех, кто совмещает работу и учебу (до сих пор существуют рабочие факультеты). Большая доля студентов-медиков и педагогов обусловлена не только особым вниманием государства к здравоохранению и образованию, но и тем, что Куба активно оказывает помощь в этих сферах другим странам. Например, по некоторым оценкам не менее трети кубинских врачей работает за рубежом, главным образом в странах Латинской Америки.

Большой проблемой остается «утечка мозгов». За последние 30 лет из Кубы эмигрировали порядка 15 тыс. врачей, 10 тыс. инженеров-строителей, 25 тысяч специалистов в различных сферах. В целом, растет число лиц, стремящихся эмигрировать из страны. (По оценкам американских социологов, число потенциальных эмигрантов составляет около 10% населения). Важно отметить, что среди желающих покинуть страну в первую очередь фигурируют дипломированные специалисты и молодежь. Основным полюсом притяжения по-прежнему остаются Соединенные Штаты, где проживает более 1,5 млн. выходцев из Кубы, важное место занимает кубинская община в Мексике (свыше 80 тыс.), Испании (более 50 тыс.), Чили, Эквадоре и других латиноамериканских странах. Поскольку возможности легальной эмиграции затруднены (США обязались ежегодно предоставлять около 20 тыс. виз, однако эти договоренности не всегда выполняются, для получения виз необходимо наличие родственников, определенный уровень квалификации и т.д.), продолжается нелегальное бегство на лодках и подручных плавсредствах, в транзитных аэропортах. Растет число «невозвращенцев» среди спортсменов и деятелей культуры.

Мировой экономический кризис не прошел и мимо Кубы. В социальном отношении для рядовых кубинцев он имел как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, в поисках более открытой и эффективной модели экономического развития, власти пошли на некоторые уступки и либерализацию. За время правления Р.Кастро разрешена сво-

бодная продажа электробытовых товаров, мобильных телефонов и компьютеров, отменен закон, запрещавший кубинцам останавливаться в отелях для иностранцев, разрешено использовать частные автомобили в качестве такси. Это дало заметные результаты. Например, потребление электробытовых товаров за 2009-2010 гг. выросло втрое по сравнению с предыдущими годами. С другой стороны, кризис, подточив экономические возможности государства, вынуждает идти на непопулярные социальные меры.

Первые шаги по либерализации трудовых отношений были предприняты еще в июне 2009 г., когда вошел в силу закон о модификации трудового законодательства, по которому трудящимся разрешено работать по совместительству, что свидетельствовало об отказе от многолетней политики недопущения «чрезмерных» доходов. В 2011 г. правительство приняло решение о реорганизации полумиллиона рабочих мест в государственном секторе. Инициированная реформа предполагала в течение пяти лет перевод в негосударственный сектор экономики 1,8 млн. человек.

С целью социальной амортизации этой вынужденной меры власти решили существенно расширить список профессий, в рамках которых возможно частное предпринимательство. Предпринятые государством реформы ведут к формированию новой крупной социальной группы мелких предпринимателей, впоследствии способной превратиться в средний класс.

В результате в крупных городах стали появляться маленькие кафе и ресторанчики. Довольно интенсивно стал распространяться относительно новый для Кубы феномен «фаст-фуд»: всевозможные пиццерии, лавочки по продаже бутербродов с ветчиной и др. По официальным прогнозам в эту сферу уйдет около 16% высвободившейся в результате реформ рабочей силы. Согласно законодательству те, кто не смогут получить соответствующие лицензии, будут пользоваться приоритетом при трудоустройстве и им будет выплачиваться временное пособие, размер которого пока не определен.

Заметно усилилась социальная дифференциация населения. Среди лиц с более высокой покупательной способностью фигурируют граждане, владеющие иностранной валютой и работники смешанных предприятий и инофирм.

Свыше половины населения получает денежные переводы из США, официальная сумма которых, по подсчетам экспертов из Межамериканского банка развития, составляет около 1,2 млрд долл. в год¹³. Основным каналом связи с кубинской диаспорой в США остается почта. По оценкам около 25% всей международной почты, посылаемой из Кубы, приходится на США.

Дифференциация имеет место и в плане доступа к такому средству связи как Интернет. На Кубе нет широкого доступа к этому источнику информации, привилегией иметь домашний Интернет пользуются такие профессиональные группы как врачи, журналисты и академические круги. Из 700 тысяч функционирующих на острове компьютеров 455 тысяч имеют выход в сеть¹⁴. Платные пункты выхода в сеть организованы при гостиницах и на почтовых отделениях, но из-за цен в 6-7 долларов в час услуга остается недоступной большинству. Интернет существует на Кубе с 1996 г., до настоящего времени сигнал передавался через спутник, что обуславливало крайне маленькую скорость передачи информации.

Информационное пространство на Кубе полностью контролируется государством. Широкое распространение имеют только государственные теле- и радиоканалы, а также с недавнего времени венесуэльский канал Telesur. Спутниковое телевидение доступно лишь в госучреждениях и гостиницах для иностранцев. В стране действует широкая подпольная сеть по обеспечению услуг доступа к спутниковому ТВ (стоимость – 11 долларов в месяц). За изготовление и продажу самодельных параболических антенн предусмотрены высокие штрафы, а в некоторых случаях – тюремное заключение.

С января 2011 г. прекращено обеспечение граждан некоторыми товарами первой необходимости по карточкам. В список вошли такие товары и продукты питания как картофель, сигары и средства личной гигиены. По-прежнему по карточкам кубинцы покупают фасоль, курицу, рыбу, яйца, кофе, хлеб и растительное масло.

С одной стороны, карточная система в условиях дефицита бюджетных средств обеспечивает общедоступность продуктов питания и позволяет избежать массового голода, с другой – ограничивает индивидуальное потребление. По некоторым оценкам государство тратит на

субсидирование транспорта и продуктов, выдаваемых по карточкам, примерно 350 млн долл. – сумма в условиях экономического кризиса уже непосильная. Первые признаки сокращения госрасходов на социальные нужды проявились еще в 2009 году.

Из-за износа инфраструктуры довольно сложная ситуация наблюдается в жилищно-коммунальной сфере. Перебои с водоснабжением в Гаване, где проживает более двух миллионов человек, носят хронический характер, но в последние два года из-за засухи ситуация усугубилась. Более 100 тысячам жителей столицы питьевая вода доступна только через систему централизованного распределения посредством мобильных цистерн.

Дефицит жилья на начало 2011 г. составлял по официальным оценкам 500 тыс. домов. Ситуация особенно обострилась после мощнейших ураганов, обрушившихся на Кубу в 2008-2009 годах. В восстановлении жилищного фонда Кубе активно помогает Венесуэла. По венесуэльской технологии строятся так называемые «нефтедома» (petrocasas). Это легко монтируемые блочные строения, элементы которых изготавливаются из отходов нефтепереработки.

Неблагоприятно сказывается характерная и для Кубы общемировая тенденция роста городского населения. В 2010 г. в городах и их спутниках проживало 8,5 млн чел. (75,4% населения)¹⁵. Социальной проблемой урбанизации стало образование вокруг крупных городов типичных для Латинской Америки неблагоустроенных поселений. Большую популярность (особенно в сельской местности) в последние годы приобрел самострой: многие кубинцы, стремясь улучшить жилищные условия, строят так называемые «барбакоа» (букв. «чердаки») – импровизированные пристройки к домам. В качестве эксперимента, с 2011 г. прекращено дотирование цен на стройматериалы, до половины которых ранее перепродавалось на черном рынке. Вместо этого осуществляется адресная поддержка наиболее нуждающихся застройщиков. Строительный сектор может стать серьезным источником альтернативной занятости с появлением мелких частных фирм и компаний.

Новые реформы, затрагивающие социальную сферу по сути являются беспрецедентными. Для того, чтобы избежать неблагоприятных социально-политических последствий, вла-

сти проводят информационную кампанию по разъяснению необходимости принятия конкретных шагов, их экономической целесообразности и, в конечном счете, эффективности. Решение руководства страны пойти на непопулярные реформы, касающиеся интересов практически всех семей, было вынужденной мерой. Однако оно свидетельствует и о сохраняющемся в целом высоком доверии между правительством и народом, без которого подобные реформы были бы невозможны. Вместе с тем нельзя исключать рост протестных настроений в обществе вплоть до массовых уличных акций.

Социальная ситуация в Гондурасе: груз нерешенных проблем

Социальная ситуация в Гондурасе довольно сложная. В Центральной Америке по большинству социальных показателей государство находится на нижних позициях: по уровню детской смертности – на четвертом, по бедности и продолжительности жизни – на последнем, шестом. В целом состояние социальной сферы гондурасского общества находится в крайне критическом состоянии. Базовый социальный показатель – уровень бедности неуклонно растет. Так, если в 2001 г. количество гондурасцев, проживающих за чертой бедности составляло 3,8 млн человек, то к 2013 г. цифра увеличилась до шести миллионов¹⁶.

Что касается оптимистичных показателей, то следует упомянуть высокие темпы роста населения. Так, с 2000 г. по 2013 г. число жителей увеличилось с 6,2 млн до 8,2 млн человек (Гондурас занимает 94 место в мире по численности населения). Продолжительность жизни выросла, но незначительно (с 69,9 до 70,9 лет). Стоит отметить, что гондурасское общество – одно из самых молодых в мире: около 53% – люди, моложе 19 лет, а средний возраст населения – феноменальный в глобальном масштабе – 21,9 (2013)¹⁷.

По интегральному показателю – индексу человеческого развития – Гондурас демонстрирует один из самых низких показателей, хотя в последнее десятилетие в его динамике произошли некоторые изменения в лучшую сторону. Так, с 2000 г. этот показатель вырос незначительно и к 2013 г. достиг 129 места в мире (0,617).

В религиозном плане Гондурас – традиционное латиноамериканское общество, в котором подавляющее большинство придерживается католицизма (католики составляют 97%, а протестанты всего 3%). В 20-м веке Гондурас считался непоколебимым бастионом католицизма, однако в последние годы имеет место тенденция к росту числа протестантов. В частности, все большее влияние набирает Евангелическая церковь.

В этническом плане доминируют метисы (90%). Доля лиц европейского происхождения минимальна и составляет 1,5%, так же как и африканского. Гондурас нельзя назвать индейской страной (индейское население составляет только 7%).

Традиционной для Латинской Америки и хронической для Гондураса является проблема бедности и нищеты. Так, ниже черты бедности проживает 60% населения (2010), а в нищете – 36,2%. Тесно связана с бедностью проблема социального расслоения общества по уровню доходов. В стране самый высокий в Латинской Америке коэффициент Gini – 0,56 (2012). Ввиду такой катастрофической ситуации неслучайно, что в правительственной программе «План 2010-2014» одним из первых в повестке власти был обозначен пункт «Бедность и неравенство». Одной из центральных программ по борьбе с бедностью выступает дотационная программа ежемесячных выплат бедным семьям – Программа семейного ассигнования. Она была введена в действие еще в 1990 г. и функционирует до сих пор. Программа состоит в выплате пособий бедным семьям, имеющим детей в возрасте от 6 до 12 лет. В 2010 году она была переименована и получила название «Бонус-10000» (Bono 10.000). Уже само название говорит о содержании: ежегодно бедные семьи получают дотации в размере 10 тыс. лемпир (около 450 долл.), которые они могут потратить на образовательные и медицинские услуги, а также на покупку продовольствия.

В плане пенсионного страхования также наблюдается крайняя незащищенность. До сих пор не существует системы выплат пенсий по стажу, только по вкладам. При этом функционирует четыре частных фонда, которые исходят из разных пенсионных возрастов и устанавливают разные условия пенсионных выплат. Уже сам факт отсутствия государственно зафиксиро-

рованного пенсионного возраста свидетельствует о том, что данная социальная группа оказывается в крайне уязвимом социально-экономическом положении.

В сфере занятости имеет место крайне нестабильная ситуация. Только 40% гондурасцев (1,3 млн) имеют полноценное место работы с регулярной заработной платой. Экономически активное население выросло в Гондурасе с 2,3 млн человек в 2000 г. до 3,5 млн в 2013. Динамика развития экономики не отвечает потребностям рынка труда, в связи с чем большинство гондурасцев вынуждены переходить в неформальный сектор экономики или самозанятость. Многие организуют семейный бизнес или идут работать к родственникам или знакомым, где низкая заработная плата, а социальные гарантии сведены к минимуму. Большая часть работоспособного населения занята в сельском хозяйстве. Столь высокий показатель занятости в этой сфере обусловлен тем, что Гондурас остается страной с наибольшей концентрацией населения в сельской местности (по официальным данным здесь проживает 4,5 млн человек).

Ситуация с жилищным обеспечением в Гондурасе достаточно напряженная: четверть семей, не имея жилищной собственности, вынуждены снимать жилье. Треть жилищных площадей образованы в результате самозахвата. Правительство решает проблему легализации такого рода собственности, однако она остается насущной. Решить проблему путем покупки жилья для большинства гондурасцев – нереально. Ставки по ипотеке достаточно высоки: 15% на срок 10 лет и 25% - на срок 20 лет.

Однако кардинальным образом проблему занятости и безработицы решить пока не удалось. В целом, казалось бы, уровень безработицы в Гондурасе находится на среднем латиноамериканском уровне. Если в среднем по региону показатель равен 6,3%, то здесь он составляет по данным на 2013 г. 6%. Однако это относительное благополучие лишь видимость. В стране колоссальный уровень молодежной безработицы. Примерно 42% молодых людей моложе 30 лет хронически не могут найти себе работу. Молодежь оказывается самой маргинализованной социально исключенной возрастной группой. Примерно 800 тыс. молодых людей, лишённых работы и образования, никак не вовлечены в конструктивную общественную де-

ятельность. В сочетании с демографическим фактором (Гондурас как одно из самых молодых обществ) это обстоятельство дает вполне предсказуемое социальное следствие, а именно молодежную преступность. В стране действуют многочисленные преступные группировки (так называемые «марас»), которые становятся единственным каналом социальной мобильности для гондурасской молодежи. Именно поэтому за Гондурасом закрепился отталкивающий имидж самого опасного и криминогенного общества не только в Латинской Америке, но и в мире в целом. В последние годы правительством реализуется интересная образовательная программа «Юный защитник Родины» (своего рода аналог кадетских корпусов), которая заключается в создании школ при военных частях и направлена на профилактику детской и юношеской преступности.

В плане образования ситуация также неоднозначная и противоречивая, хотя по ряду направлений имеет место улучшение. Интегральный образовательный показатель – уровень грамотности – имел положительную динамику. В период с 2001 по 2010 год число неграмотных людей удалось сократить на 3% и в настоящее время грамотой владеют 84,2% взрослых людей. В настоящее время в Гондурасе насчитывается около 600 тысяч человек, не умеющих ни писать, ни читать. За 2014 г. их количество удалось сократить на 10 процентов, а в планах правительства на 2015 г. – сокращение числа неграмотных на 120 тысяч.

В целом система школьного образования имеет следующую структуру: дошкольное (с 3 до 5 лет), первичное (с 6 до 11), нижний уровень среднего (с 11 до 14 лет), наконец, высшее среднее (с 15 до 16 лет). Конституция устанавливает всеобщее обязательное первичное школьное образование, то есть начиная с шести лет дети должны ходить в школу. Однако реализовать на практике эту норму Основного закона все еще не удается, хотя и прослеживается положительная динамика. Государство берет на себя обязательство обеспечить бесплатным образованием только детей в возрасте от 3 до 11 лет, среднее образование уже становится платным и в государственных школах. Отсюда низкий охват средним образованием молодежи, который составляет 46%. Многих “забирает” преступность, многие семьи не имеют возмож-

ности платить за обучение. С 2005 по 2012 год действовала программа “Бесплатное образование”, благодаря которой удалось повысить степень охвата первичным школьным образованием на 28%. Однако в 2012 году ввиду сложной экономической ситуации правительство приняло решение остановить ее. Параллельно с государственными образовательными учреждениями активно действует и частный сектор. Так, 15% школьников в возрасте начального образования обучаются в частных школах, на уровне среднего образования этот показатель составляет 6%. В частных ВУЗах обучается четверть студентов. Что касается высшего образования, то только 14% молодых людей получают высшее образование. При этом по сравнению с началом десятилетия эта цифра выросла с 10%. Любопытен и тот факт, что согласно конституционному мандату право организовывать, направлять и развивать систему высшего и профессионального образования передано государственному Национальному автономному университету Гондураса.

Таким образом, в социальном отношении Гондурас по-прежнему остается крайне неблагоприятным обществом. Некоторые незначительные подвижки и социальные программы выступают лишь временным паллиативом, но не в состоянии изменить ситуацию кардинально: высоки показатели бедности, крайне напряженная криминогенная обстановка, поляризация внутри общества.

Проведенный анализ дает основания квалифицировать Латинскую Америку как регион, развитый крайне неравномерно в социальном отношении. Многие социально-экономические проблемы носят хронический характер, а усилия государства лишь минимизируют их остроту, но неспособны решить проблемы кардинальным образом. Жилищная неустроенность граждан, низкая обеспеченность услугами здравоохранения, безработица и занятость в неформальном секторе – все эти социальные недуги свидетельствуют о крайне недостаточном развитии человеческого потенциала латиноамериканских обществ. Конечно, в каждой стране отдельные проблемы находят свое качественное выражение и количественное измерение, одна-

ко средняя равнодействующая по региону не может не вселять пессимизма в отношении среднесрочного «социального» будущего этого крупного мирового региона.

Ссылки:

1 «Panorama social de América Latina», Comisión Económica para América Latina y el Caribe (Cepal), 2014.

2 Э. Е. Кузнецова Социальная политика в странах Латинской Америки в начале XXI века: преемственность и перемены // журнал «Латинская Америка», №6, 2012., стр. 14.

3 Источник - http://www.manpower.cl/rrhh/documentos/5928_la_movilidad_del_talento_de_america_latina.pdf

4 Источник - http://www.eclac.org/celade/proyecciones/basedatos_BD.htm

5 Ежегодник CEPAL, “Anuario Estadístico de América Latina y el Caribe”, 2013. P. 48.

6 http://www.ilo.org/americas/publicaciones/WCMS_235577/lang-es/index.htm

7 Ежегодник CEPAL, “Panorama Social de América Latina”, 2013. P. 147.

8 Источник - <http://economia.com.ve/salarios-minimos-en-america-latina/>

9 Источник - <http://www.un.org/spanish/News/story.asp?NewsID=28397#.U2tqktw2cW0>

10 Источник - http://www.ilo.org/americas/sala-de-prensa/WCMS_222817/lang-es/index.htm

11 Э. Е. Кузнецова Социальная политика в странах Латинской Америки в начале XXI века: преемственность и перемены // журнал «Латинская Америка», №6, 2012., стр. 18.

12 Источник: Oficina Nacional de Estadísticas de Cuba, 2010.

13 R. Feinberg Extender la mano: La nueva economía de Cuba y la respuesta internacional, Noviembre del 2011 Режим доступа: http://www.brookings.edu/~media/research/files/papers/2011/11/18-cuba-feinberg/1118_cuba_feinberg_spanish.pdf

14 Источник: <http://www.indexmundi.com/es/>

15 Источник: Oficina Nacional de Estadísticas de Cuba, 2010.

16 El Herald, Honduras, 7.04.2014.

17 Источник: гондурасский сайт www.xplorhonduras.com/censos-oficiales-de-honduras/

Социальное неравенство в условиях глобализации: теоретические подходы

Казакова А. А.

Процессы транснационализации конца XX – начала XXI вв. обусловили необходимость выйти за рамки национальных государств и гражданства в исследовании социального неравенства. Современная социальная структура складывается как результат функционирования глобальных рынков, потоков и сетей в локальных контекстах, обусловленных социальной историей данного общества. В статье приводится обзор социологических подходов, синтезирующих разработки в области социологии глобализации и социологии неравенства последних десятилетий.

Ключевые слова: социальное неравенство, глобализация, модернизация, неолиберализм, интерсекциональность, городская социология, глобальные города, прекаризация.

Kazakova A A

Social inequality and globalization: theoretical approaches From the late XX century sociological analysis of inequality seeks to transcend the nation-state and citizenry frameworks. The contemporary social structure of a given society is shaped in the interplay of its social history and the logic of global capitalism. Global markets, flows and networks interact with the specific forms of traditional inequality or egalitarian policies in the local contexts. The paper presents a review of theoretical concepts developed at the intersection of the fields of sociology of globalization and sociology of inequality.

Keywords: Social inequality, globalization, modernization, neoliberalism, intersectionality, urban sociology, global cities, precarity.

Социологические теории неравенства, начиная с классического этапа эпохи европейской индустриализации и вплоть до последней трети XX в., описывали социальную структуру и ее изменения преимущественно в рамках национальных государств и гражданства. Впоследствии вопрос о степени автономии национальных государств дискутировался не только в связи с очевидными современными проявлениями глобализации, но и ретроспективно – в контексте полемики о ее «предыстории» или «предшествующей истории» [5; 7; 12].

В современных условиях изучение социальной структуры усложняется тем, что в каждом конкретном случае она является результирующей социальной истории данного общества, с одной стороны, и логики глобального капитализма – с другой. Разнообразие социальных ситуаций развивающихся и постсоциалистических стран, интегрировавшихся в мировую капиталистическую систему в конце XX в., предоставило новый материал, требующий осмысления на стыке социологии неравенства и социологии глобализации. Такие общества переживают одновременно процессы индустриализации и постиндустриализации, имеют возможность заимствовать как научно-технические достижения, так и технологии социальной организации, однако вынуждены осуществлять политическое проектирование в условиях ограниченного экономического суверенитета и высококонкурентной и нестабильной глобальной среды.

Проблематика неравенства в условиях глобализации представляет предмет особого интереса в последние десятилетия, что проявляется в тематике многочисленных конференций, публикаций и исследовательских проектов. Однако необходимо разделять две зачастую совместно рассматриваемые темы: межнациональное неравенство в контексте мировой экспансии капитализма и динамика неравенств внутри глобализирующихся обществ. В первом случае речь обычно идет о процессах «пролетаризации Юга», усилении зависимости развивающихся стран, гегемонии, принимающей более скрытые и эффективные (финансовые, информационные, политические) формы по сравнению с эпохой классического империализма, о переносе конъюнктурных и экологических рисков в развивающиеся регионы и т.д. Эти проблемы подробно анализируются в работах И. Валлерстайна, Дж. Гольдстайна, Дж. Арриги, У. Бека и др.

Нас в большей степени интересует другое, хотя и близко связанное с первым, направление исследований – изучение динамики неравенств внутри глобализирующихся обществ. Социальные проблемы, связываемые с транснационализацией – в т.ч. деиндустриализация и миграция в развитых странах, социальные последствия неолиберализма в развивающихся и постсоциалистических странах и т.д. – анализируются здесь как результат функционирования глобальных рынков, потоков и сетей в локальных контекстах.

Вопрос о формах и динамике неравенства в глобализирующихся незападных обществах тесно связан с дискуссией относительно универсализма западного модерна. Каким образом транснационализация воздействует на существующие этнические, расовые, религиозные и гендерные неравенства? Способствует ли она переходу к меритократическому принципу социальной дифференциации и достижительности статуса?

В трактовке глобализации как всемирного распространения западного модерна наблюдающееся усиление традиционалистских форм представляется проявлением культурной инерции или временной реакции. Так, Э. Гидденс считает, что XXI век станет веком конфликта между фундаментализмом и космополитической толерантностью. Превалирующей тенденцией ему представляется детрадиционализация.

По его мнению, традиция до сих пор частично сохраняется и в западных странах в сфере частной жизни и повседневности, но в дальнейшем и в них будет рефлексивно преодолена так же, как и в публичных управленческих и экономических институтах; аналогичные процессы будут протекать повсеместно по мере глобализации, что приведет к постепенной конвергенции обществ [3].

Р. Робертсон также считает индивидуализацию и гуманизацию (понимаемую как гражданское равноправие и достижительность статуса) главными культурными составляющими процесса глобализации. Вместе с тем, его концепция «глобализации» как диверсификации потребления на основе актуализации групповых идентичностей и различий (этнических, национальных, расовых, гендерных и т.д.) указывает на двойственное влияние глобализации: универсализации партикуляризма и партикуляризации универсализма [13].

По мнению И. Валлерстайна, дискриминирующие формы партикуляризма, в т.ч. расизм и сексизм, напротив, изначально были встроены в западную универсалистскую систему, и нельзя утверждать, что они прогрессивно изживаются в процессе развития капитализма. Так, расизм, первоначально сложившийся как основание колониальной эксплуатации, трансформируется в период деколонизации и воспроизводится как в центре, так и на периферии как механизм дифференциации качества и оплаты труда. Валлерстайн указывает на устойчивую внутреннюю связь между универсализмом и различными формами партикуляризма как механизма иерархии и исключения [1]. Актуализирующиеся сегодня локальные этнические, расовые, религиозные и другие формы неравенства являются, таким образом, проекцией мирового социального неравенства. Д. Харви также указывает на наложение расовой и гендерной дискриминации в процессе классовой поляризации, выявленной им в последние десятилетия, – расизацию и феминизацию бедности [9].

Английский социолог феминистского направления С. Волби, исследуя комплексность неравенств в условиях глобализации, приходит к выводу, что они уже не могут быть зафиксированы в рамках национальных государств, но и не являются глобальными, а формируются «где-то посередине» [16, 250-251]. Единой мир-си-

стемы или глобального общества не существует в силу зависимости от предшествующего пути развития (path-dependency), обусловившей различные версии капиталистического модерна. При этом различные режимы неравенства (класс, гендер, этничность) несводимы друг к другу, хотя взаимодействуют и взаимно адаптируются. Степень их связности (интерсекциональности) зависит от уровня модернизации общественных отношений и версии модерна – неолиберальной или социал-демократической, при этом Волби указывает на недостаточную теоретическую проработку различий между ними. В частности, различие между гендерными режимами эксклюзии (ограничивающим жизнь женщин семейной сферой) или сегрегации (допускающим женщин в публичную сферу, но ограничивающим их деятельность в ней) не сводится к дихотомии традиции и модерна [16, 260].

Исследованию неолиберализма как доминирующей доктрины современного этапа глобализации уделяется особое внимание в критической социологии. Социологи неомарксистского направления описывают процессы коммодификации труда и окружающей среды, с одной стороны, и возрастающей мобильности и виртуализации глобального капитала – с другой. Пространственная локализация труда (несмотря на его возросшую мобильность, демонстрируемую массовой миграцией) по сравнению с высокоподвижным капиталом обуславливает транснационализацию прибыли и национализацию издержек. Согласно М. Буравому, «третья волна» экспансии капитализма сопровождается откатом в трудовых и социальных правах – социальных завоеваниях, компенсировавших эффекты первых «волн» маркетизации [11]. Д. Харви подчеркивает роль государства в процессе «неолиберализации»: сворачивание охраны и защиты труда для повышения его гибкости, социальной политики – для финансовой стабильности, экологического регулирования – для привлечения инвестиций. Так происходит переход от фордистской модели к «гибкому накоплению». Это требует подавления солидаристских и эгалитаристских тенденций и в целом знаменует собой реставрацию классово-власти, вопреки представлениям о «смерти класса», основанным на социальном консенсусе эпохи велферизма и массового «осреднения» в западных странах [9].

В критике неолиберализма с феминистических позиций Дж. Акер и Д. Эльсон указывают, что меры жесткой макроэкономической политики, в конечном счете, базируются на предположении, что немонетизированная домашняя экономика (прежде всего, неоплачиваемый женский труд) способна компенсировать любые потрясения, обусловленные рынками; таким образом, широко обсуждаемое в феминистской литературе противоречие между «производством и воспроизводством» усугубляется практически повсеместно в 1990-х гг. Кроме того, Акер отмечает усиление различных аспектов гендерной дискриминации в самых разных секторах глобальной экономики – от работниц потогонных фабрик до obsługi в больших городах и менеджмента в современных IT-компаниях [10].

Неолиберальная доктрина глобализации как основание усиления внутри- и межнационального неравенства активно обсуждается в отечественной социологии, наблюдавшей стремительную поляризацию российского общества в период рыночного транзита. Так, Н. Г. Осипова прослеживает роль различных транснациональных акторов – от интеллектуальных центров до мультилатеральных организаций – в распространении «рыночного фундаментализма», усиливающего не только асимметрию мировой экономики, но и внутринациональную поляризацию [6]. В. И. Добренков, анализируя теоретическую дискуссию, вызванную международным кризисом 2008 г., указывает, что модель экономического роста, обуславливающая усиление неравенства и диспропорции внутри стран, соответствует их нестабильной и зависимой позиции в мировой капиталистической системе [4].

Отдельно необходимо отметить исследования неравенств, формируемых глобализацией, в современной урбанистике. Крупные города становятся ключевыми узлами, связывающими национальную и глобальную экономику, и в этом смысле основными бенефициариями глобализации, однако и ее противоречия проявляются в них в наиболее выраженном и концентрированном виде. Крупные города сосредотачивают в себе высокоприбыльные услуги и производства, а также образовательные и информационные ресурсы, становясь анклавами высокого уровня жизни даже в бедных странах.

Потребности обслуживания крупных городов и их высококвалифицированного населения создают масштабный сегмент низкооплачиваемого и неформального труда, значительную долю которого выполняют мигранты (как внешние, так и внутренние) и женщины. Все это способствует росту многомерного неравенства как внутри крупнейших городов, так и между ними и периферией. Сами города вынуждены осуществлять контроль и сегрегацию (особенно на рынке жилья) во все более дезорганизованной социальной среде, пытаясь решать проблемы гиперурбанизации, фавелизации, загрязнения и т.д. Эти процессы с различных теоретических позиций анализируются М. Кастельсом, Д. Харви, С. Сассен, Э. Сойя и др. исследователями [2; 14]. Информализация и флексибилизация труда, характерная для глобальной постфордистской экономики, способствует разрастанию городского класса, постоянно находящегося в состоянии повышенного социального риска, — прекариата, описываемого вслед за П. Бурдьё Г. Стэндингом [8].

Закономерно, что вопрос о потенциале и механизмах государственного регулирования неравенства становится одним из центральных в обсуждении современного статуса национального государства. Как было показано, радикальную точку зрения здесь занимает Д. Харви, согласно которому классовая природа неолиберального государства в целом обуславливает его прогрессирующий отход от социальных функций, хотя есть временные отклонения, такие как «государства развития» Юго-Восточной Азии, вынужденные проводить активную промышленно-инновационную и, следовательно, образовательную политику, и даже выражено неолиберальные государства вынуждены лавировать в соответствии с электоральными настроениями. В дальнейшем углубление социального неравенства и нарастание социальной напряженности в ходе глобализации, по его мнению, будет канализоваться усилением неоконсервативных идеологий [9].

А. Мартинелли, опираясь на модель глобализации как формирования «множественных модернов», напротив, указывает на сохраняющуюся и даже актуализирующуюся в современных условиях роль государства в социальной модернизации. Вслед за С. Рокканом, описывающим наложение в искусственно созданных по-

стколонизальных государствах множества проблем, которые были растянуты на столетия в эпоху западной модернизации, Мартинелли выделяет «критические пороги социального развития и важнейшие направления социальной политики, разработанные для их преодоления». К ним относятся: кризис урбанизации (обусловлен диспропорциями в структуре занятости и миграцией избыточного сельского населения в города с последующей маргинализацией), кризис классового конфликта (отсутствие классового компромисса, обеспечиваемого государственной социальной политикой и регулированием трудовых отношений), кризис массового образования («расширение системы образования может оказаться диспропорциональным по отношению к требованиям производственной системы»), кризис перераспределения («результат конфликта между требованиями накопления капитала и требованиями политической стабильности»), а также демографический и экологический кризисы и кризис трансформации роли женщин [5, 74-78]. По его мнению, под давлением коллективных движений развивающиеся государства будут вынуждены осуществлять государственную интервенцию для решения этих проблем. Указывая, что «государства больше не контролируют транснациональные миграционные, финансовые и товарные потоки и вынуждены сокращать свои расходы в социальной сфере из-за бюджетных ограничений, появлению которых способствует глобальная конкуренция», он в то же время подчеркивает, что роль государства «даже возросла, поскольку в задачи государства сейчас входит развитие конкурентоспособности «национальной системы» и смягчение социальных последствий глобальной конкуренции» [5, 156-157].

Дж. Урри, критикуя «глобалистский редукционизм», также подчеркивает сохраняющееся пространство действия для национального государства. Несмотря на очевидную дезорганизацию, плюрализацию и разнонаправленность единиц социальных изменений (от локальных до глобальных), описываемую в его теории комплексности, национальное государство остается в ряду таких единиц, коэволюционируя в качестве правового, экономического и социального регулятора. Это обуславливает растущее разнообразие государственных стратегий и механизмов, а даже малые изменения в комплекс-

ных системах могут запускать масштабные цепные эффекты [15].

Краткий обзор теоретических разработок в области социологии неравенства и социологии глобализации позволяет определить круг вопросов, требующих эмпирической проверки путем сопоставимых сравнительных исследований: проявления транснационализации экономики в структуре занятости, динамики рынка труда, урбанизации; динамика и взаимодействие традиционных и рыночных механизмов неравенства в условиях глобализации; описание современных практик национальных государств как социального регулятора; исследования эффективности государственной социальной политики.

Литература

1. Валлерстайн И. Универсализм против расизма и сексизма: идеологические противоречия капитализма // Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос, 2004. - с. 39-49.
2. Вершинина И. А. Города в эпоху неолиберальной глобализации: современные социологические подходы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. - 2012. - №2. - с. 108-116.
3. Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь Мир, 2004. - 120 с.
4. Добреньков В. И. Мир в XXI в. и Россия: тенденции и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. - 2011. - №3-4.
5. Мартинелли А. Глобальная модернизация: Перосмысляя проект современности. - Спб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006 - 230 с.
6. Осипова Н. Г. Неравенства в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. - 2014. - №2. - с. 119-141.
7. Полякова Н. Л. Образ современных обществ в социологической теории конца XX - начала XXI вв. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. - 2009. №2. - с. 128-142.
8. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. - М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. - 328 с.
9. Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М.: Поколение, 2007. - 288 с.
10. Acker J. Gender, capitalism and globalization // Critical Sociology. - 2004. - №30 (1). - pp. 17-41.
11. Burawoy M. Public sociology vs. the market. URL; <http://burawoy.berkeley.edu/PS/Socio-Economic%20Review/PS%20vs.%20Market.pdf> (Дата обращения: 01.05.2015).
12. Ritzer G., Dean P. Globalization: a basic text, 2nd edition. Wiley-Blackwell, 2015. - 522 p.
13. Robertson R. Globalization. Social theory and global culture. Sage, 1992.
14. Sassen S. J. Cities in a world economy. - SAGE Publications, Inc. - 2012. - 424 p.
15. Urry J. The Complexities of the Global // Theory, Culture and Society. - 2005. - № 22 (5). - pp. 235-254.
16. Walby S. Globalization and inequalities. Complexity and contested modernities. Sage Publications Ltd, 2009. - 520 pp.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Инициаторы европейской интеграции: попытка систематизации исторических деятелей

Багаева А.В.

В статье представлена попытка дать типологию политических лидеров, относящихся к плеяде отцов-основателей Европейского союза. Стремясь преодолеть исторические границы, автор проводит некоторые параллели исторического и геополитического плана. Ключевые слова: идея Европы, европейская интеграция, политический лидер, отцы-основатели ЕС.

Bagayeva A.V.

The initiators of European integration: attempts to systematize historical figures

This paper is an attempt to give a typology of political leaders belonging to the constellation of the founding fathers of the European Union. Trying to overcome the historical boundaries the author draws some historical and geopolitical parallels.

Key words: the idea of Europe, European integration, the political leader, the founding fathers of the EU.

Создание Соединенных Штатов Америки стало примером быстрой и успешной интеграции 13 британских колоний, расположившихся на атлантическом побережье Америки и представлявших собой по сути отдельные государственные образования. Этот процесс, завершившийся появлением мощного объединения, не только породил множество легенд, но и поэтизировал фигуры его наиболее активных участников. Они заслуженно получили наименование отцов-основателей (англ. Founding Fathers). По аналогии, группе из семи политиков, которые сыграли ключевую роль в реализации европейского интеграционного проекта в 1950-х гг., было дано название отцов-основателей ЕС¹. Это: Конрад Аденауэр, Жозеф Беш, Йохан Виллем Бейен, Альчиде де Гаспери, Жан Монне, Робер Шуман и Поль-Анри Спаак. Однако при всем признании вклада этой великолепной семерки вряд ли возможно сужение группы инициаторов европейского объединения до столь узкого круга лиц, включавшего видных политических деятелей, способствовавших созданию первых Европейских Сообществ. В отличие от США, где формирование государственности проходило в обстановке войны за независимость, история Европейского Союза даже в институциональном проявлении растянулась на несколько десятилетий и проходила под знаком не военной конфронтации, а глубинных социально-экономических и политико-культурных процессов. Такие процессы всегда уходят в

прошлое, где к их возникновению причастны самые разные личности.

При расширении перечня персоналий, связанных с европейской интеграцией, весьма сложно остановиться на каком-либо одном критерии ранжирования заслуг политиков, идеологов, юристов и пр. в данном процессе. Такими критериями могут быть хронологические, когда в ретроспективе разворачивается идея Европы, оцениваются позиции ее выразителей. Не менее интересен территориально-национальный принцип причисления к отцам-основателям, при котором отмечены деятели, отражавшие стремление к региональной интеграции, вызревавшее в конкретном государстве, в определенной степени заинтересованном в кооперации с соседними землями, входящими в другое государственное образование. Еще одним достаточно веским аргументом для составления списка деятелей, повлиявших на европейский интеграционный процесс, является их место во властной иерархии, демонстрация того, относились ли они к кругу лиц, принимающих решения, или же были в числе политических советников. На более поздних стадиях интеграции в эту же группу можно включить еврочиновников высокого ранга. Нельзя упускать возможности сравнения вклада тех личностей, чьи планы европейского объединения по разным причинам оказались неисполненными, и персон, интеграционные устремления которых, мысли и предложения нашли свое воплощение в практике Европейского союза. Сообразно перечисленным критериям попытаемся систематизировать типы исторических деятелей, ставших инициаторами европейской интеграции.

Исторически, если не включать попытки имперского объединения европейской территории, которые предпринимались и Александром Македонским, и римскими императорами, и Карлом Великим, первыми, кто акцентировал внимание на значимости объединительного процесса, были Йиржи из Подебрад, герцог Сюлли, Гуго Гроций и Уильям Пенн. Это было время, когда Старый Свет мог уже себя осмыслить в сравнении с Новым Светом, но еще важнее, что начинался процесс формирования национальных государств, неизбежно требующий конкретизации контуров границ, договоров с соседями и защиты от врагов. В XV столетии первый правитель Богемии, крупного централь-

но-европейского государства, выразил идею всеевропейского христианского союза, названного «Христианской лигой». Это был вдохновленный его близким советником, итальянским юристом Антонио Марини план, названный «Договор об утверждении мира между христианами», в котором предлагалось объединить усилия христианской Европы в борьбе с турками. План предполагал создание союза европейских государей, должных взять на себя обязательство решать все спорные вопросы мирным путем. Речь шла и о создании «общей консистории», т.е. европейского суда, а также некоего прообраза общеевропейского парламента. Решения должны были приниматься путем голосования, в котором каждая страна обладала бы одним голосом. Исторические области (Галлия, Германия, Италия, Испания и др.) определяли геополитическое деление Европы.

Максимилиан де Бетюн герцог де Сюлли, будучи суперинтендантом королевских финансов, начальником дорог и артиллерии Франции времен Генриха IV, практически не имел отношения к внешней политике. Но начавшаяся Тридцатилетняя война заставила его, уже находившегося в отставке, задуматься над тем, как уменьшить влияние Габсбургов. В результате возникло видение новой карты Европы и механизма поддержания вечного мира. По плану, должны были появиться пятнадцать равноправных государств, границы Испании ограничивались Иберийским полуостровом, владения Австрийского дома отделялись от Империи и перераспределялись. Сюлли высказал предложение проводить свободные выборы на императорский трон Германии, что ограждало его от монопольного влияния любой из династий. Европейская лига монархов, создаваемая в интересах вечного мира, управлялась бы Федеральным советом, число место в котором зависело от силы государств, и где проводилась бы ротация председателя. Соединенные силы Лиги могли быть использованы для улаживания конфликтов и осуществления определенной политики. Стержневым понятием новой карты Европы и Лиги было понятие равновесия сил, не позволяющее усиливать какую-либо державу так, чтобы она могла диктовать свою волю другим, Европа должна была стать la République tris chrétien (всехристианнейшей республикой) и одной большой семьей. Внутри ее границ дол-

жна была установиться свобода торговли, а за ее пределами следовало разбить турок и предпринять «удобные» завоевания в Азии и Северной Африке. Основные положения Великого проекта о международной стабильности, свободе торговли, суверенитете в рамках своих границ и объединенных миротворческих силах не потеряли актуальности.

Современником Сюлли был голландский юрист и государственный деятель Гуго Гроций, автор многих работ, среди которых выделяется труд «О праве войны и мира» (1625). Но еще до этого в трактате «О праве на добычу», одна из глав которого под названием «О свободном море» вышла в свет в 1609 г., Гроций рассмотрел понятие «сообщества людей», включающее все мировое сообщество. В трактате «О праве войны и мира» его система международного права основывается на той же идее человеческого общества как правового сообщества, подчиняющегося «праву народов», которое, в свою очередь, основано на естественном праве, общем для всех людей и народов. Своеобразное сравнение европейского и американского опыта позволило Уильяму Пенну написать «Очерк о настоящем и будущем мире в Европе».

Можно справедливо заметить, что все эти выдающиеся личности своими идеями намного опередили время. И даже в начале XX в., когда Европа прошла через испытание Первой мировой войной, почва для объединительных идей была непригодной. Это отчетливо проявилось в судьбе проекта Пан-Европы Рихарда Николауса Куденхове-Калерги, который опубликовал книгу с таким названием. В 1922 г. он основал Панъевропейский союз, ставший первой организацией, стремящейся к объединению Европы. В число его членов входили А. Эйнштейн, Т. Манн, З. Фрейд, будущий канцлер ФРГ К. Аденауэр и министр иностранных дел Франции А. Бриан. На рубеже 1920-1930-х гг. с трибуны Лиги Наций Куденхове-Калерги предлагал создать федерацию европейских государств, а после Второй мировой войны стремился привлечь к процессу объединения Европы Черчилля и де Голля, выступая за более тесное экономическое и политическое объединение свободных европейских государств, критикуя узкоэкономическую и технократическую направленность интеграции. 18 мая 1950 г. он стал первым лауреатом Международной премии имени

Карла Великого «за деятельность по объединению Европы, ставшую делом всей его жизни». В 2002 г. Европейский союз учредил памятную медаль Куденхове-Калерги, вручаемую в Мюнстере частным лицам и организациям за укрепление единства Европы.

Возможно, одной из причин отсутствия интеграционного результата предлагаемых проектов было то, что к их реализации не прилагали усилий непосредственно первые лица государств. Лишь воля высшей национальной власти открывала пути европейскому проекту в жизнь. И здесь в послевоенной истории интеграции сошлись позиции таких выдающихся государственных деятелей, как Черчилль и Аденауэр. Еще в годы Второй мировой войны Черчилль превратился в яркого федералиста, ему принадлежала отвергнутая Францией инициатива создания Англо-Французского союза (1940) и Совета Европы (1943). Во время ожесточенных сражений осени 1942 г. Черчилль подготовил секретный меморандум, где развивалась идея коалиции европейских государств, направленной против СССР. Вершиной его усилий на ниве европейской интеграции считается речь с броским названием «Пробудись, Европа!», произнесенная в университете Цюриха в 1946 г. Текст этой речи Черчилль готовил совместно с Куденхове-Калерги. В ней он призвал бывших врагов (Германию, Францию, Британию) к примирению и созданию «Соединенных Штатов Европы». По мнению Аденауэра, Германия должна была стать федеративной, а в будущем - составить часть Соединенных Штатов Европы.

Обращает на себя внимание факт отсутствия в списке отцов-основателей Европейских Сообществ Шарля де Голля, имевшего собственное видение единой Европы от Атлантики до Урала. Однако чем-то французский послевоенный проект единой Европы повторил проект Сюлли и выразил его Мишель Дебре, первый премьер-министр французской Пятой республики, который еще в 1949 г. предложил модель политического союза, представлявшую собой федерацию с чертами президентской республики. Модель предусматривала следующую структуру: избираемый на пять лет арбитр, который должен был исполнять функции «президента» европейской федерации; Сенат, членами которого должны стать министры европейских государств; комиссары, назначаемые арбитром

ром; Ассамблея европейских наций, состоящая из депутатов, избираемых из расчета один депутат на миллион жителей. Страны-участницы политического союза должны передать ему полномочия по решению задач обеспечения обороны, экономического развития и свободы торговли, а также в сфере унификации юридических институтов.

Внешняя политика также должна входить в компетенцию политического союза. Вся полнота власти в политическом союзе принадлежит арбитру, избираемому всеобщим голосованием. Ему помогает Сенат, руководствующийся федералистской концепцией, включающий Комитет министров, назначаемых по одному от каждого государства, во главе с председателем, которым является арбитр. Политический контроль над деятельностью органов политического союза, по проекту Дебре, должна осуществлять Ассамблея европейских наций, избираемая прямым голосованием. В ее компетенции предполагалось также включить принятие бюджета и законодательную инициативу. При этом Ассамблея исключала, например, какое-то бы то ни было представительство малых и даже средних государств. Поэтому с самого начала было ясно, что такой способ формирования Ассамблеи был изначально неприемлем. Работе трех указанных органов политического союза должен был помогать Совет Союза, состоящий из национальных министров и выполняющий консультативную функцию. Проект Дебре предусматривал также такой орган, как Суд союза, состоящий из судей, часть которых назначается Комитетом министров, часть избирается Ассамблеей, а остальные – секцией образования Совета политического союза. В Суд могли обращаться только страны-участницы и арбитр, но не имели права институты союза, а также физические и юридические лица. Решения Суда подлежали безусловному исполнению при обязательном контроле со стороны арбитра. Данный проект был направлен на то, чтобы отношения между государствами-участниками перестали носить международно-правовой характер, став отношениями между центральной властью, во главе которой стоит арбитр, и государствами, уже не являющимися первичными субъектами международного права, а представляющими собой субъекты европейской федерации. Проект Дебре, вероятно, в силу избыточного феде-

рализма не был взят за основу развития европейской интеграции. Однако то, что Дебре выступил критиком плана Шумана, который и был принят за основу строительства объединенной Европы, говорит о важности не только наличия альтернативных проектов, но и их присутствия в политическом дискурсе.

Помимо Шумана³, а 9 мая – день, когда в 1950 г. была подписана декларация, носящая его имя, страны Евросоюза отмечают День Европы, к отцам-основателям ЕС причисляют Монне, даже называя его «Отцом Европы»⁴. Монне был первым председателем Европейского объединения угля и стали. В 1955 г. он основал Комитет действия за создание Соединенных Штатов Европы и оставался его бессменным Председателем по 1975 г. В 1976 г. главы государств и правительств провозгласили Монне Гражданином Европы. В память о вкладе в дело развития европейской интеграции Европейской Комиссией разработана Программа Жана Монне (Jean Monnet Action), предусматривающая создание университетских кафедр, лекционных курсов и семинаров им. Жана Монне. Основной целью Программы является повышение уровня знаний о европейской интеграции.

В 1955 г. на Мессинской конференции европейские лидеры выбрали бельгийского политического и государственного деятеля Поля Анри Спаака председателем специальной комиссии, получившей впоследствии название комиссии Спаака, ответственной за подготовку соглашения о едином европейском рынке. Во время Мессинской конференции три страны, входящие в Бенилюкс, предложили «перезапустить» европейский проект на основе общего рынка и интеграции в секторах транспорта и атомной энергии. Доклад комиссии Спаака был рассмотрен в 1956 г. и привел к подписанию 25 мая 1957 г. Римских договоров, предусматривавших создание Евратома и Европейского экономического сообщества. Спаак последовательно отстаивал важность объединения Европы и независимость наднациональных институтов союза, в первую очередь комиссии.

Отсюда понятна важность включения в список лиц, причастных к успехам евроинтеграции, председателей этого института, первым из которых был немецкий политик Вальтер Хальштайн, известный также как автор доктрины Хальштайна (нем. Hallstein-Doktrin), проводимой пра-

вительством ФРГ с 1955 по 1970 гг. и направленной на изоляцию ГДР на международной арене. Единственным исключением, допускавшимся доктриной Хальштайна, был СССР в связи с важностью поддержания отношений для ФРГ с этим государством. По его мнению, самой важной предпосылкой для успешной политической интеграции было создание общих экономических институтов. Поэтому, будучи на посту председателя, Хальштайн активно работал над созданием Общего рынка. В 1968-1971 гг. был председателем Международного Европейского движения. Ежегодно университетом Франкфурта, городом Франкфурт-на-Майне и Dresdner Bank присуждается премия В. Хальштайна за особый вклад в европейскую интеграцию. В 1997 г. при Берлинском университете образован Институт Вальтера Хальштайна по Европейскому конституционному праву.

Бельгийский адвокат и либеральный политик Жан Рей стал вторым председателем Европейской комиссии уже после вступления в силу «Договора о слиянии», то есть возглавлял комиссию трех организаций: Европейского экономического сообщества, Европейского объединения угля и стали и Евроатома. Рей добился увеличения полномочий Европейского парламента и выступал за избрание депутатов на всеобщих выборах. В 1970 г. он смог заручиться поддержкой европейских лидеров в вопросе о собственных ресурсах Сообщества. Это означало, что Сообщество перестало зависеть от взносов государств-членов и получило новые источники финансирования (таможенные пошлины на товары, ввозимые из стран, не входящих в ЕЭС, сборы на импорт сельскохозяйственной продукции и средства, поступающие от налога на добавленную стоимость). Во время председательства Рея в 1968 г. был окончательно образован таможенный союз государств ЕЭС. Также председательствовал в Европейской комиссии нидерландский политический деятель и экономист, министр сельского хозяйства Нидерландов Сикко Мансхолт.

В 1985 г. этот пост занял Жак Делор, с именем которого связан новый этап европейской интеграции. Разработанная под его руководством в 1985 г. «Программа 1992» позволила Европейскому союзу приступить к созданию единого внутреннего рынка, принятый в 1986 г. Единый европейский акт существенно изменил

институциональную структуру сообществ и процесс принятия решений в них. План Делора позволил европейцам приступить к решению задачи исторического масштаба – введения единой европейской валюты. В настоящий момент он является президентом ассоциации «Наша Европа» и президентом Международной комиссии ЮНЕСКО по проблемам образования в XXI в.

Во время председательства Жака Сантера комиссия занималась разработкой Амстердамского договора, было введено евро. Комиссия Сантера была вынуждена уйти в отставку в полном составе в 1999 г. из-за обвинений в мошенничестве и коррупционного скандала, главным фигурантом которого стала премьер-министр Франции Э. Крессон. Это событие продемонстрировало увеличение влияния Европейского парламента среди других европейских институтов. В ответ на скандал было создано Европейское бюро по борьбе с мошенничеством. Романо Проди стал в 1999 г. председателем Еврокомиссии после Сантера, когда Амстердамский договор увеличил влияние комиссии. Проди часто называли в СМИ премьер-министром Европейского союза. Ниццкий договор еще больше расширил полномочия председателя, дав ему новые права в определении состава комиссии. В деятельность комиссии Проди входили подготовка к самому крупному расширению ЕС, переговоры по Европейской конституции и развитие евро.

Португальский и общеевропейский государственный и политический деятель Жозе Мануэл Дуран Баррозу в 2004 г. стал председателем Европейской комиссии. При формировании комиссии Европарламент использовал свое влияние, чтобы выступить против некоторых предлагаемых кандидатов, что потребовало внесения изменений в предложенный состав комиссии. 31 октября 2009 г. первый срок Баррозу подошел к концу, и в сентябре он был утвержден на второй срок. В настоящее время Европейскую комиссию возглавляет Жан-Клод Юнкер, вступивший в должность 1 ноября 2014 г. До председательства в ЕК Юнкер был министром финансов и премьер-министром Люксембурга, главой еврогруппы (англ. Euro Group) – клуба министров финансов стран еврозоны.

С 2009 г., когда 19 ноября в ходе неформального саммита ЕС в Брюсселе бельгийский и общеевропейский политический деятель, бан-

кир, доктор наук, федералист, опытный переговорщик Херман Ван Ромпёй был избран первым постоянным Председателем Европейского совета, можно говорить о появлении нового подраздела в списке основателей ЕС. Ван Ромпёй относится к числу европатриотов, которые считают, что в Соединенных Штатах Европы не может быть много национальностей или много наций, а должна быть одна Европа, которая объединит все европейское пространство, а интерес единой Европы должен состоять из сочетания общих ценностей, положительных примеров из общей европейской истории. С личностной точки зрения его характеризует то, что в свободное время он увлекается сочинением хайку, в которых пишет об одиночестве, Боге, цветах, смерти. А в Японии есть даже клуб поклонников произведений Ван Ромпёя. 30 августа 2014 г. на пост Председателя Европейского совета был избран первый восточноевропеец Дональд Францишек Туск, до этого исполнявший обязанности премьер-министра Польши. В годы социализма Туск был одним из организаторов Независимого союза студентов в Гданьске и университетского комитета профсоюзного объединения «Солидарность». В 2001 г. стал одним из основателей партии «Гражданская платформа» (ГП), придерживающейся либерально-консервативной идеологии. Автор более двухсот печатных работ, преимущественно исторического и краеведческого плана, в том числе книг «Был себе Гданьск», «Гданьск-1945» и

«Старый Сопот». Появление личностей творческих на столь важном общеевропейском посту можно расценивать как признак зрелости, а с ней и мудрости того объединения, которое они возглавляют. И хотя иногда кажется, что евроатлантические ценности превалируют над собственно европейскими, следует учитывать, что развитию, включая развитие европейской интеграции, свойственно множество вариантов движения. Среди них есть не только маятниковое, но даже попятное. А широкий список разных деятелей, приложивших руку к европейскому объединению, позволяет говорить, что каждый из них заложил основы определенной модели поведения, которая может быть востребована, когда Европейскому союзу понадобится новый лидер, чтобы обеспечить интеграции движение вперед.

Ссылки:

1 Smets P.F., Ryckewaert M. (dir.) Les Pires de l'Europe: cinquante ans apris, perspectives sur l'engagement européen: actes du Colloque international des 19 et 20 mai 2000, Bruxelles, Palais d'Egmont Bibliothèque de la Fondation Paul-Henri Spaak / With the support and cooperation of the Paul-Henri Spaak Foundation. Bruxelles, 2001.

2 Черчилль У. Никогда не сдаваться! Лучшие речи Черчилля. М., 2014.

3 Шуман Р. За Европу. М., 2002.

4 Монне Ж. Реальность и политика. Мемуары. М., 2001.

Рейтинг представителей политической элиты Республики Северная Осетия–Алания

Дзутцев Х.В., Зураев А.М., Хугаева А.А.

В статье на материалах экспертного опроса среднего звена в Правительстве РСО-А, проведенного в апреле 2011 и в марте 2013 гг. Северо-Осетинским центром социальных исследований ИСПИ РАН и кафедрой социологии и социальных процессов Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова на тему: Рейтинг политиков, представителей органов власти, предпринимателей, деятелей науки и образования Республики Северная Осетия-Алания Северо-Кавказского Федерального округа Российской Федерации. Объем выборки составил 50 человек.

Ключевые слова: предприниматели среднего и малого бизнеса, партийно-комсомольская номенклатура, социально-экономическое положение, средний класс, политика, бизнесмен, Северный Кавказ, органы власти.

Dzutsev H.V., Zurayev A.M., Khugayeva A.A.
Rating of representatives of political elite of the Republic Northern Ossetia-Alania
The article on materials expert survey middle managers in the government of North Ossetia, conducted in April 2011 and March 2013. North Ossetian Centre for Social Research ISPIRAN and the department of sociology and social processes of the North Ossetian State University them. K.L. Khetagurova on: Rating politicians, officials, businessmen, Science and Education of the Republic of North Ossetia-Alania North-Caucasian Federal District of the Russian Federation. The sample size was 50 people. Key words: entrepreneurs of SME, party and Komsomol nomenclature, socio-economic status, middle class, politics, businessman, Northern Caucasus, authorities.

В настоящее время в российской элитологии ведутся дискуссии о качестве элит, о том, произошла ли смена элит советского образца, о степени и причинах отчуждения, существующего между элитами и народом. В принципе проблема актуальна для любого общества. Но особую значимость ее изучение приобретает в современной России и, в частности, на Северном Кавказе, учитывая углубление противоречий в условиях социально-политического и экономического кризисов¹.

Вместе с тем элиты призваны оказывать определенное воздействие на социум с тем, чтобы достигать желаемых целей. Они способны содействовать его развитию или деградации.

С целью изучения роли современной элиты Северной Осетии – ведущих политиков, представителей органов власти, предпринимателей, деятелей науки и образования, деятельность которых детерминирует социально-экономическую и политическую ситуацию в республике, в апреле 2011 года и в марте 2013 года Северо-Осетинским центром социальных исследований Института социально-политических исследований РАН совместно с кафедрой социологии и социальных процессов Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова был проведен опрос экспертов (52 эксперта было опрошено в 2011 году и 63 эксперта – 2013 году) представителей органов власти, профессорско-преподавательского состава вузов республики, журналистов, юристов, дея-

телей общественно-политических организаций, политологов. Основной задачей исследования являлось определение общественного выбора эффективно действующего лидера в республике.

Экспертам был представлен список политиков, представителей органов власти, предпринимателей, деятелей науки и образования Республики Северная Осетия-Алания с указанием занимаемых должностей, среди которых они должны были отметить не более трех (или называть не вошедших в список), деятельность которых способствует (могла бы способствовать) социально-экономическому и политическому развитию РСО-А. Это повторное исследование, проведенное по методике исследования апреля 2011 г. Идентичность методики позволила провести сравнительный анализ данных двух исследований – марта 2013 г. и апреля 2011 г. и выявить произошедшие за два года изменения.

Результаты опроса показали, что наиболее значимой фигурой, способной улучшить социально-экономическую и политическую ситуацию в РСО-А, является предприниматель Таймураз Боллоев (51,6%). В новейшей истории Северной Осетии это первый случай, когда общество возлагает надежды не на политика, а на человека, успешно работающего в сфере экономики.

Важно отметить, что такую высокую позицию в оценках экспертов Т.К. Боллоев занимает уже не первый год – в аналогичном исследовании 2011 г. его потенциал отметили 53,8% экспертов и более половины опрошенного населения г. Владикавказа.

На наш взгляд, это феноменальный показатель. Т.К. Боллоев не работал и не выражал официально намерения работать в РСО-А ни как политик, ни как предприниматель (если не считать строительство Александровского отеля в центре г. Владикавказа). Но общество готово принять его в любом из этих статусов. Причем как политика в большей степени. Чем это объяснить? Вероятнее всего, тем, что социум ожидает человека, способного работать в республике в интересах народа этой республики, а не собственных или клановых интересов. Надежды возлагаются на Т.К. Боллоева как грамотного и опытного хозяйственника, предпринимателя с европейской культурой ведения бизнеса, ни разу не замешанного в коррупционных скандалах.

Читая интервью Т.К. Боллоева или материалы о нем, жители республики стараются между

строк уловить его намерение принять участие в политической жизни республики. К примеру, в недавнем интервью, напечатанном в газете «Пульс Осетии», Таймураз Боллоев, отвечая на вопрос о «несбывшемся президентстве» сказал, что и в Северной Осетии можно за короткое время повторить экономическое чудо Китая². Читатели газеты для себя отметили, что он не ответил однозначно «нет», и это их обнадежило.

Вторую строчку рейтинга занимают С.М. Кесаев, С.К. Такоев, А.С. Фадзаев (27,4%). В 2011 г. они занимали соответственно вторую, третью и пятую позиции рейтинга.

Положение С.М. Кесаева стабильно высокое, что эксперты связывают с его уровнем профессионализма. С.К. Такоев догнал С.М. Кесаева благодаря повышению его статуса (с должности руководителя Администрации Главы РСО-А и Правительства до Председателя правительства РСО-А), а также муссированию информации о возможности его вступления в должность Главы РСО-А.

Больше остальных улучшил свою позицию А.С. Фадзаев – с 5-ой строчки рейтинга до 2-ой (на 12%). Основным фактором его продвижения эксперты считают протестные настроения – против дискредитировавшей себя партийно-комсомольской номенклатуры, пребывающей у власти с 80-х годов прошлого века.

В 2011 г. Т.Д. Мамсуров был четвертым, а сегодня только девятый после О.С. Хацаева, А.Б. Тотоонова, В.В. Бочманова, Л.Х. Каболовой. Видимо, за 9 лет его руководства РСО-А он не смог доказать, что действует во благо республики, на реализацию ее потенциала.

Члены Совета Федерации РФ О.С. Хацаев и А.Б. Тотоонов на 5 и 6 местах в рейтинге, но величину легитимности (25%) не набрали оба – их обозначили соответственно только 16,1% и 11,3% экспертов. Еще хуже позиции депутатов Государственной Думы РФ А.Ш. Хадарцева (6,5%) и Т.К. Агузарова (3,2%).

Если говорить о современной власти, то в экспертном сообществе есть мнение: местные власти все больше движутся своим курсом, а республика – своим. Эти два курса все меньше и меньше пересекаются. Из года в год власть принимает какие-то решения, издает законы, постановления, выступает с критикой, но в реальной жизни ничего не меняется в лучшую сто-

рону. Наоборот, заметны тенденции ухудшения. Разрыв между тем, что говорится элитами с трибун, и тем, что наполняет реальную жизнь, провоцирует недоверие населения к этим элитам.

Кроме всего прочего, в силу национальной специфики и высокой плотности населения социальные связи населения республики имеют развитый и очень плотный характер, что создает условия для быстрого и достаточно точного распространения неформальной информации. Эта информация отличается от той, которая передается по официальным каналам, но, в то же время, именно она (неофициальная) оказывается верной. В обществе преобладает мнение, что власть эгоистична, цинична по отношению к своему собственному народу. Это еще один серьезный фактор недоверия элитам.

Эксперты считают, что народ в данном случае правильно ставит не на политиков, а на тех, кто реально занимается делом.

Мнение экспертов сводится к следующему:

- Причина того, что предприниматель занимает лидирующую позицию в списке из 43 фамилий известных людей республики, в том, что потенциальные избиратели не видят политиков-профессионалов в местной среде и, в определенной степени, по ним «соскучились». С каждым днем избиратель убеждается в том, что решать его проблемы просто некому, хотя все чиновники на местах.

- Руководители на местном уровне, как правило, люди определенной группировки, которая проводит свою политику, абсолютно никак не связанную с социально-экономическими интересами граждан. Поэтому они считают, что, будучи свободным от республики и не нуждаясь ни в чем, Т. Боллоев мог бы провести более свободную политику в интересах граждан РСО-А.

- Боллоев – успешный, с незапятнанной репутацией человек, который успел в таких масштабах развернуть, поставить дело, вывести на мировой уровень. Он, конечно, достоин уваже-

ния. И это наш человек, наш земляк! И почему бы ему не показать себя, свои способности, свои профессиональные качества у себя на родине! Если он смог это сделать там, то сможет и здесь.

- Есть и опасения в чрезмерности надежд на Боллоева. В какой-то степени его выбор связан с отсутствием политиков в республике, внушающих доверие. Тут имеет место стереотип переноса его успехов в бизнесе на то, что он будет успешным политиком. Но политика и бизнес – слишком разные сферы. Традиционно изменения в обществе связываются с человеком, личностью. Но в условиях нынешнего политического режима от перемены мест слагаемых сумма не меняется. Надо менять систему! Даже если придет Боллоев, он вынужден будет играть по тем правилам, которые сегодня присутствуют в отношениях центра и региона. Местная политическая элита работает на себя в обмен на то, что обеспечивает центру электоральный результат на выборах президента и как-то контролирует протестную активность. А взамен – определенные полномочия и финансирование.

Таким образом, материалы социологического исследования свидетельствуют об абсолютном лидерстве предпринимателя Т. Боллоева. Такая ситуация связана со сложившимся негативным социально-экономическим, политическим и культурным фоном в РСО-А СКФО РФ.

Ссылки:

1 Основным признаком экономического кризиса выступает тот факт, что большая часть населения РСО-А живет в бедности, а объемы промышленного и сельскохозяйственного производства не вышли даже на дореформенный уровень. Политическая апатия и недоверие народа по отношению к власти – это признаки политического кризиса.

2 Сагеева М. Таймураз Боллоев: «Желаний и идей было много...» / Пульс Осетии. № 9. 12 марта 2013 г.

Феномен политической оппозиции в условиях представительной демократии

Манцуров С. О.

Проанализированы ключевые модели взаимодействия парламентского меньшинства с иными субъектами государственной власти. Обоснованы особенности конфронтационной и кооперационной модели оппозиционной деятельности. Предпринят анализ зарубежного опыта развития института политической оппозиции в странах авторитарного прошлого.

Ключевые слова: оппозиция, демократия, политическая система, институт, оппозиционная деятельность

Mantsurov S. O.

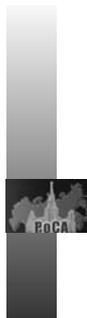
Phenomenon of the political opposition in representative democracy

There were analyzed the key interaction models of the parliamentary minority with other subjects of the government. The features of confrontational and cooperative models of opposition activities were substantiated. There was made an analysis of foreign experience of development of the institute of political opposition in the countries of authoritarian past.

Key words: opposition, democracy, the political system, the institute, the opposition activities

Представляя собой естественный, необходимый и полноправный политический институт демократической системы, политическая оппозиция является одним из инструментов цивилизованного разрешения противоречий между интересами больших социальных групп, представленных политическими партиями и движениями. В данных обстоятельствах одной из основных функций оппозиции является предложение находящемуся у власти большинству политических альтернатив посредством вынесения на общественное рассмотрение иных вариантов политических решений. Важность поиска институциональных очертаний политической оппозиции и гарантий ее деятельности в парламенте предопределяется ее значимостью в общественно-политической системе.

В свою очередь, представительная демократия, представляя систему участия граждан в управлении делами государства через своих представителей, включает в себя общественные отношения между гражданами и выборными должностными лицами. Представительная демократия представляет собой многоуровневую систему участия граждан в управлении делами государства, одним из этих уровней данного участия и является деятельность парламентской оппозиции. Через призму представительной демократии парламентская оппозиция призвана обеспечивать учет позиций избирателей, оказавшихся в меньшинстве. Наличие парламентской оппозиции позволяет лучше структурировать предпочтения элек-

тората. Парламентское меньшинство, безусловно, способствует транспарентности функционирования системы власти. Институционализация парламентской оппозиции поддерживает и политическую конкуренцию. Это позволяет развивать как собственно представительную демократию, так и демократию вообще. Посредством политической конкуренции возможно выявление разнообразных электоральных предпочтений и их учет в публично-властных решениях

Бесспорно, оппозиция является эффективным механизмом демократической смены власти, так как содействует аккумуляции существующего в обществе недовольства в русло цивилизованных, легальных процедур вместо иррациональных и разрушительных протестных действий. Ограничение возможностей политического оппонирования действующей власти может привести к общественному тупику, политической и социальной нестабильности. Исследователями подчеркивается, что политический климат в современном демократическом обществе, в значительной степени зависит от наличия конструктивного диалога власти и оппозиции, когда политическая оппозиция приобретает легитимную и институциональную форму.

В современных западных демократиях по характеру взаимоотношений парламентского меньшинства с иными субъектами государственной власти выделяются две основные модели оппозиционной деятельности – конфронтационная и кооперационная.

Первая модель - конфронтационная - представлена в системе властных отношений Великобритании, Ирландии, Австралии, Канады, Новой Зеландии и ряда других государств. При конфронтационной модели политическое меньшинство институционализируется в системе власти – получает доступ ко многим государственным должностям, дополнительное финансирование, постоянную возможность продвижения своих правотворческих альтернатив и другие конституционно-правовые гарантии. Это, однако, не означает, что политическая оппозиция находится буквально в конфронтации с иными общественно-политическими силами. Конфронтационная модель зиждется на исторической традиции – поддержание политической конкуренции и прав меньшинства в системе власти посредством баланса традиционно сложившихся общественно-политических сил.

В Великобритании конфронтационная модель оппозиционной деятельности заложена в самой партийной системе страны - мягкой «двухпартийности» с существенной ролью в политике «третьей партии». При этом формально в подобной партийной системе наблюдаются и другие партийные образования, число которых может измеряться десятками, но они редко способны составить конкуренцию не только «грандам», но даже «третьей партии».

Британский вариант взаимодействия парламентского меньшинства с иными субъектами государственной власти, тесно связан с так называемой Вестминстерской моделью организации государственной власти. Последняя предполагает наличие сильного главы правительства, который имеет на порядок больше реальных полномочий чем церемониальный глава государства. При этом глава правительства, как правило, является руководителем политической партии, имеющей большинство в национальном парламенте (правлящей партии). В системе постоянно действует сильная парламентская оппозиция, которая, в случае перетягивания на свою сторону части депутатов от правящей партии, способна отправить правительство в отставку. При этом оппозиционная партия держит наготове «теневой кабинет», имея конкретных людей, которые публично определяют свою позицию по ключевым вопросам политики как потенциальные министры. Вестминстерская система предполагает весьма низкую степень разделения властей и высокий уровень зависимости кабинета министров от парламента (из членов которого, как правило, и формируется правительство после выборов). Данная система в той или иной своей разновидности действует во многих бывших частях Британской империи, часто предполагая заодно и двухпартийную модель большей или меньшей степени «мягкости».

В Британии в последнее время наблюдается смещение двух базовых политических партий к центру и «обмен идеями». Так, консерваторы стараются использовать социал-демократические лозунги и ведут активную охоту за голосами различных меньшинств. Лейбористы же пытаются найти понимание у состоятельной части среднего класса. И в том, и в другом случае исследователями отмечается определенная идейная гибкость базовых партий. При этом боль-

шим партиям гораздо проще менять свою программу, нежели мелким нишевым партиям, построенным обычно вокруг какой-то одной конкретной идеи.

Так, лейбористы еще при Блэре задекларировали решительный и окончательный отказ от лозунгов всеобщей национализации и тотального вмешательства государства в социальные отношения, сделав ставку на продвижение равенства возможностей, а не равенства доходов. Идеологическая концепция лейбористов при Блэре и Брауне, называвшаяся «New Labour», рассматривалась как часть идеологии т.н. «Третьего пути» как компромисса между интересами наемных сотрудников и предпринимателей. Приверженцами «Третьего пути» считают и центристскую часть Демократической партии США («Новые демократы»).

Анализируя технологии нивелирования риска прорыва к власти радикальных партий в условиях конфронтационной модели оппозиционной деятельности, стоит обратиться к опыту функционирования радикальных партий в Великобритании. В последние годы политологами отмечается рост популярности Партии независимости Соединенного Королевства (The UK Independence Party – UKIP), а также региональных партий Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии. При этом в британские органы власти радикалы и маргиналы не попадают. Так, UKIP получила десять мест в Европарламенте - и ни одного в парламенте национальном. Кроме того, радикальные и сепаратистские политические силы эффективно показывают себя на местных выборах, что объясняется действующей избирательной системой: в Британии мажоритарная система не используется на всех региональных выборах, в Шотландии и Уэльсе применяется смешанная мажоритарно-пропорциональная система, выборы в Северной Ирландии проходят по системе единственного передаваемого голоса. Мажоритарно-преференциальная система действует на выборах мэра Лондона и других избираемых мэров в Англии и Уэльсе при условии выдвижения более двух кандидатов.

Отказ от мажоритарных выборов выступает основной причиной высоких показателей оппозиционных партий на местных выборах. Стоит отметить, что в настоящее время активно ведутся дискуссии об отказе от мажоритарной системы и на выборах в Палату общин. В 2011

году по данному вопросу проводился референдум, который стал прямым результатом парламентских выборов 2010 года после которых к власти пришло коалиционное правительство консерваторов и ведущей третьей партии - либерал-демократов, получивших очень хороший процент голосов - 23%. Однако мажоритарная система ограничила их представительство в нижней палате парламента 57 мандатами. Консервативная же партия получила 36% от принявших участие в выборах – но при этом 306 мест. Лейбористы получили 29% голосов – и 258 мест. Собственно, этот результат наглядно показывает, как мажоритарная система способствует двухпартийности, но по итогам выборов консерваторы не получили абсолютного большинства и вынуждены были взять либерал-демократов в коалицию. Условием было проведение референдума по отмене мажоритарной системы. В итоге на референдуме 2011 года был вынесен вопрос о переходе на преференциальное (альтернативное) голосование. Эта система уже используется на выборах мэра Лондона и других избираемых мэров в Англии и Уэльсе.

При этом не стоит забывать, что в Великобритании существует парламентский режим, поэтому выбор фактического первого лица осуществляет парламент. Это приводит к определенному изменению в поведении избирателей – они считают возможным проголосовать за третьи партии, которые могут оказать влияние на формирование кабинета министров или на его политическую линию. Таким образом, возникает возможность коалиционных правительств или, по крайней мере, учета мнения мелких партий при важных голосованиях. Отсюда и британская конфронтационная модель оппозиционной деятельности, которая позволяет в большей степени представить в парламенте всю палитру политических настроений.

Также, типичным примерам функционирования конфронтационной модели оппозиционной деятельности является Канада. В стране на политической сцене традиционно доминировали Либеральная и Консервативная партии (последняя проходила несколько этапов организационных трансформаций). Но в 2011 году впервые в истории Канады второе место на выборах заняла Новая демократическая партия, которая стала официальной оппозицией победившим консерваторам (действующим премьер-мини-

стром стал Стивен Харпер). Консервативная партия выступает на правом фланге с тезисами о необходимости низких налогов и умеренного государственного регулирования, за традиционные культурные и религиозные ценности, за увеличение полномочий полиции. Партия поддерживает разработку нефтяных песков и проекты крупных нефтепроводов, постоянно отбиваясь от нападок экологов и прочих левых. Также, сам премьер, С. Харпер неоднократно выступал с поддержкой Израиля. Либеральная партия в настоящее время является политическим центром, сочетая в экономике идеи необходимости сокращения бюджетного дефицита и расходов на правительственных консультантов с призывами к повышению корпоративного налога, инвестиций в возобновляемую энергетику и официальной ставкой на мультикультурализм. Новая демократическая партия, в свою очередь, представляет собой левую, социал-демократическую политическую силу. Основные идеи – увеличение корпоративных налогов, обеспечение прав коренных народов (индейцев) и ЛГБТ-сообщества, экологизм, расширение гарантий здравоохранения – включая стоматологию, интеркультурализм (культурный релятивизм) [3].

Упомянутые основные партии Канады сильны на национальном уровне и не слишком опираются на региональные структуры, которые автономны и проводят свою политику. Собственную политическую стратегию имеют и многие партии регионального уровня, часто вступая в союз с партиями федеральными, но организационно оставаясь разными структурами. Примером может выступать Квебекская партия в регионе Квебек и федеральная партия Квебекский.

Вторая модель оппозиционной деятельности – кооперационная - воспринята скандинавскими странами, рядом посткоммунистических государств, Грецией, Португалией, Испанией и др. Кооперационная модель оппозиционной деятельности не ориентирована на формально-юридическое признание политического меньшинства и его встроенность в систему власти. Здесь регулирование оппозиционной деятельности развивается по пути установления дополнительных гарантий свободы слова и организационных возможностей открытого оппонирования власти всеми, кто не согласен с государ-

ственной политикой. Вместе с тем в регламентах работы представительных учреждений могут устанавливаться конституционно-правовые гарантии деятельности парламентской оппозиции, как например, в современной Германии.

Исследователи отмечают явный феномен двухполюсности, как тенденцию к тяготению идеологий партий к двум полюсам, условно леволиберальному и консервативному, современных континентальных партийных систем, оказывающий непосредственное влияние на взаимодействие государственной власти и политической оппозиции. Феномен двухполюсности, характеризующий кооперационную модель, довольно ярко продемонстрировали парламентские выборы в Германии 2013 года. Консерваторы оказались перед вызовом множества партий, из которых почти все (кроме классических либералов из СвДП) предлагали социалистические запросы отличающиеся лишь степенью радикализма, при том, что и СДПГ, и Левая партия, и «пираты», и «зеленые» настаивали на - росте налогов, увеличении приоритетной поддержки меньшинств, усилении ставки на возобновляемую энергетику, на облегчении жизни иммигрантов и т.п.

Еще одна значимая оппозиционная сила, появившаяся в феврале 2013 года «Альтернатива для Германии» - партия евроскептиков (выступает за возвращение немецкой марки и торможение евроинтеграционных процессов) и консерваторов (в том числе критикует излишне мягкую миграционную политику и практику расширенных субсидий для возобновляемой энергетики). Данная партия (по сути протестная, но критикующая власть не «слева», а «справа») создана серьезными немецкими интеллектуалами из числа предпринимателей, профессоров экономики и журналистов деловых изданий консервативных взглядов. Многие представители «альтернативщиков» являются выходцами из ХДС/ХСС и СвДП, хотя есть и бывшие социал-демократы. На выборах 2013 года «Альтернатива для Германии» набрала 4,7% и осталась без мест в Бундестаге, не преодолев 5-процентный барьер. В итоге все относительно мелкие партии, несмотря на ожидания части экспертного и журналистского сообщества, набрали совокупно не более трети голосов избирателей. Тем самым проявила себя логика двухполюсности - когда избиратели левых и леволиберальных взглядов

голосовали за самую сильную партию их «полюса» (СДПГ), а консервативные избиратели – за самую сильную партийную коалицию уже их «полюса» (ХДС/ХСС) [3].

В целом европейская континентальная партийная политика гораздо более фрагментированна, чем англосаксонская. Социетальные и внутриэлитные расколы, ведущие к формированию большего количества партий, во многих континентальных странах выглядят более глубокими, чем в англосаксонском мире. Однако англосаксонские страны также становятся все более гетерогенными из-за эффектов масштабной иммиграции и философско-политической ставки на приоритет защиты групповых прав и групповых идентичностей за счет прав индивидуальных. В этом смысле базовые тенденции в эволюции западных политических систем выглядят сходными для всех стран европейской цивилизации. В рамках данных тенденций неизбежно встанет вопрос об утверждении новых границ ценностного релятивизма и предельно допустимого социального авангардизма. Можно прогнозировать, что отмечаемая дихотомическая логика конфликта авангардистов с консерваторами по ценностям, станет главным определяющим моментом в формировании будущей стратегии политической оппозиции.

Сравнивая две модели оппозиционной деятельности в современных зарубежных странах, стоит отметить, что в силу неодинаковых институциональных условий функционирования власти в государствах возможно существование и различного объема прав, обязанностей и гарантий деятельности политического меньшинства. Этот фактор актуален как для конфронтационной, так и для кооперационной модели оппозиционной деятельности. В рамках последней наблюдается существенное разнообразие конституционно-правовых статусов оппозиции. Например, если победившая партия не участвует в формировании правительства, то оппозиционная деятельность локализуется на уровне Парламента или выливается в противостояние Парламента и Правительства. Если победившая на выборах партия формирует Правительство, то оппозиционная деятельность будет осуществляться оказавшейся в меньшинстве парламентской силой (что характерно для государств с конфронтационной моделью оппозиционной деятельности). В парламентских республиках не

всегда «малые» политические партии, получившие депутатские мандаты, наделяются статусом парламентской оппозиции [2].

В свою очередь в государствах, относительно недавно декларировавших отказ от авторитарного прошлого, движение на пути демократии часто сталкивается с трудностями, приводящими к социальным и политическим осложнениям и кризисам. При отсутствии устойчивой политической традиции и соотвествующей правовой культуры реальное обеспечение политического плюрализма требует дополнительной регламентации взаимоотношений между государством, партиями большинства и оппозиционным меньшинством. Наиболее существенными составляющими демократизации для постсоветских стран на современном этапе их развития являются: недопустимость концентрации национального богатства в одних руках; обеспечение стабильного хода социальных процессов, прежде всего через преодоление кризисного экономического развития; научное управление обществом; доступ граждан к социально значимой информации; демократический характер функционирования институтов управления.

Анализируя зарубежный опыт, развития института политической оппозиции, в странах авторитарного прошлого, исследователи выделяют в качестве классических образцов успешного демократического транзита польскую, венгерскую, чешскую трансформацию.

Применительно к таким странам Центральной и Восточной Европы, как Польша и Венгрия, исследователи отмечают наиболее полное эволюционное развитие института политической оппозиции, а также выделяют ряд частных эволюционных форм данного института: протоинститут конструктивной оппозиции (национальные «круглые столы» власти и оппозиции), институт конструктивной оппозиции (в предконсолидированной фазе демократии), демократический институт политической оппозиции (в консолидированной фазе демократии). [1] Следует учесть, что подобные протоинституты политической оппозиции были характерны исключительно для стран Центральной и Восточной Европы с договорным типом демократического перехода, в то время как конструктивная оппозиция сформировалась также и в ряде других стран этого региона. В Чехословакии,

например, консенсус власти и оппозиции относительно правил политического взаимодействия достигался иначе, по сравнению со странами классического договорного типа демократического перехода, что предопределялось собственной спецификой политического развития страны. Можно проследить взаимосвязь между потерей коммунистической партией страны авторитета, легитимности в глазах общественности и жесткостью установившегося политического режима. Выразившееся недоверие к Коммунистической партии Чехословакии, усложнило возможности для демократизации общества, по тому же польскому или венгерскому пути, что в дальнейшем привело к нивелированию ее роли в политической жизни. Поэтому, важной особенностью чехословацкого варианта демократического транзита стало образование однородного в отношении «правил игры» сообщества значимых политических акторов, которое не требовало налаживания соответствующего переговорного процесса согласования интересов сторон, проводимого по образцу «круглых столов» власти и оппозиции в Польше и Венгрии.

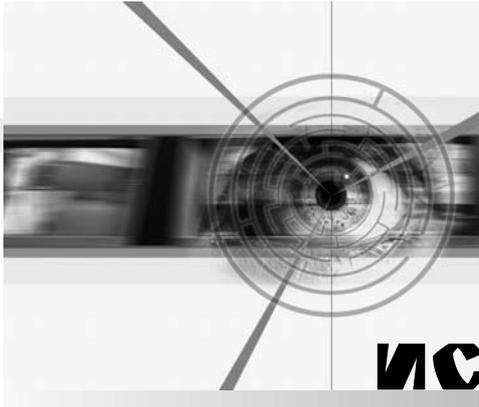
Таким образом, принципиально значимыми институциональными условиями, формирования и функционирования института политической оппозиции, во всех странах Центральной и Восточной Европы, выступили правила, призванные обеспечить политический режим, отвечающий критериям процедурной демократии. В институционализированной форме данные правила представляют собой совокупность новых политических институтов, формирование которых составляло основу конституционных реформ и политических трансформаций в странах Центральной и Восточной Европы в пере-

ходный период: структура государственной власти и уровни полномочий ее субъектов; независимая судебная система и СМИ; институт выборов; партийно-избирательная система и т. д.

Исследование зарубежного опыта становления и функционирования института политической оппозиции в современных западных обществах приобретает особое значение в условиях демократических преобразований современной России. В процессе развития отечественных институтов политической оппозиции необходимо учитывать положительные и отрицательные практики взаимодействия политической власти и оппозиции различных стран, с целью определения собственной модели институционализации политической оппозиции в структуре властных отношений.

Литература

1. Абдуллаева, К.М. Институциональные условия формирования конструктивной оппозиции в странах Центральной и Восточной Европы / К.М. Абдуллаева // [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnye-usloviya-formirovaniya-konstruktivnoy-oppozitsii-v-stranah-tsentralnoy-i-vostochnoy-evropy>
2. Васильева, С. В. Институционализация парламентской оппозиции как гарантия представительной демократии / С. В. Васильева // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hse.ru/data/2011/10/05/1231501323/>
3. Двухпартийная модель: Риски и преимущества. Иностраный опыт. // Экспертно-аналитическое исследование - [Электронный ресурс]: <http://politanalitika.ru/upload/iblock/d92/d92693f9d70bcaa740845ed0d86ea445.pdf>

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ стандартов социальных услуг семье

Андрусyak Н.Ю., Олейник Е.В., Супрун Н.Г.

Статья посвящена анализу Национального стандарта РФ «Социальное обслуживание населения: социальные услуги семье». В работе изучаются стандарты 2007 и 2013 гг., рассматриваются отличия и сходство содержания социально-педагогических услуг семье. Ключевые слова: семья, государственная семейная политика, социально-педагогические услуги, национальный стандарт.

Andrusyak N.Yu., Oleynik E.V., Suprun N.G.

The analysis of standards of social services to family. This article is devoted to analysis of the national standards «Social services of the population. Social services to family». In this article we study the standards in 2007 and 2013, discusses the differences and similarities of containing socio-educational services to family.

Key words: family, state family policy, socio-pedagogical services, the national standard.

Современная российская семья испытывает множество проблем, которые изучаются учеными в области философии, социологии, демографии, политологии, экономики, психологии, педагогики и т.п. Результаты научных исследований определяют круг социальных проблем семьи, включающий материально-финансовые, жилищно-бытовые, медицинские, проблемы образования, воспитания детей и др. При этом в решении возникающих проблем многие семьи рассчитывают на помощь государства, что подтверждается и данными социологических исследований [1].

Прежде чем перейти к рассмотрению национального стандарта РФ по социальному обслуживанию населения, обратимся к содержанию государственной семейной политики, являющейся составной частью социальной политики Российской Федерации и представляющей собой целостную систему принципов, оценок и мер организационного, экономического, правового, научного, информационного, пропагандистского и кадрового характера, направленных на улучшение условий и повышение качества жизни семьи.

Главными направлениями государственной семейной политики, согласно Указа президента РФ «Об основных направлениях государственной семейной политики», являются [4]:

– обеспечение условий для преодоления негативных тенденций и стабилизации материального положения российских семей, умень-

шения бедности и увеличения помощи нетрудоспособным членам семьи;

- обеспечение работникам, имеющим детей, благоприятных условий для сочетания трудовой деятельности с выполнением семейных обязанностей;

- кардинальное улучшение охраны здоровья семьи;

- усиление помощи семье в воспитании детей.

Анализируя этот документ, в контексте нашего исследования, особое внимание обращают на себя меры по усилению помощи семье со стороны государства в воспитании детей, к ним относятся:

- государственная финансовая поддержка издания массовым тиражом и распространения книг по воспитанию ребенка и уходу за ним, по проблемам семейных отношений;

- распространение специальной литературы для семьи среди молодежи, молодых родителей, комплектования ею массовых библиотек;

- запрет на изготовление, распространение и рекламирование печатных изданий, изображений, видеокассет или иных изделий, пропагандирующих порнографию, культ насилия или жестокости;

- государственная координация и финансовая поддержка нравственного, этического и экологического просвещения населения и введения программ такого просвещения для детей и молодежи в детских дошкольных учреждениях, общеобразовательных и профессиональных учебных заведениях;

- формирование и укрепление комиссий по защите прав несовершеннолетних;

- создание системы специализированных социальных служб для безнадзорных детей и подростков (подкинутых; утративших семейные, родственные и другие социальные связи; отказавшихся жить в семье или в учебно-воспитательных учреждениях; оставшихся без попечения родителей или лиц, их заменяющих; не имеющих постоянного места жительства, средств к существованию; задержанных за бродяжничество; подвергшихся любым формам физического или психического насилия);

- совершенствование деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, органов образования и здравоохранения по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что одним из главных субъектов реализации государственной семейной политики по осуществлению помощи семье в воспитании детей являются учреждения социального обслуживания, к которым относятся: центры социальной помощи семье и детям, социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, социально-реабилитационные центры для детей с ограниченными возможностями, социальные приюты и др. Деятельность этих учреждений направлена на предоставление социальных услуг, содержание которых определяют национальные стандарты, разработанные федеральным государственным унитарным предприятием «Российский научно-технический центр информации по стандартизации, метрологии и оценке соответствия». В настоящее время в области социального обслуживания реализуется ряд национальных стандартов, в том числе и национальный стандарт РФ «Социальное обслуживание населения. Социальные услуги семье» ГОСТ Р 52885-2013 [3] (взамен ГОСТ Р 52885-2007 [2]), дата введения 1 января 2015 г.

При изучении данного стандарта мы установили, что социально-педагогические услуги семьям предоставляются в следующих формах: услуги, направленные на обеспечение безопасности семей и прочие социально-педагогические услуги. Так к услугам, направленным на обеспечение безопасности семей, относятся:

- организация работы групп дневного пребывания детей;

- создание обществ, клубов взаимопомощи жителей на территориях, обслуживаемых конкретными учреждениями социального обслуживания;

- социально-педагогическое консультирование по вопросам преодоления семейных конфликтов, ранней профориентацией детей и их трудоустройства, по методике семейного воспитания;

- педагогическая помощь семьям с педагогической несостоятельностью родителей: педагогическая коррекция неадекватных форм поведения родителей и их установок при воспитании детей, помощь родителям в вопросах преодоления педагогической запущенности или педагогических ошибок;

- организация досуга (экскурсий, встреч с деятелями литературы и искусства, посещение

выставок, театров; концерты художественной самодеятельности, праздники, юбилеи, игры, клубная и кружковая работа, другие культурные мероприятия);

– оказание педагогической помощи семьям, имеющим детей с ограниченными умственными и физическими возможностями, в воспитании, обучении и профессиональной подготовке с учетом их психического и физического состояния, обучение родителей основам реабилитации таких детей в домашних условиях, организация их внешкольного образования (при необходимости) и налаживания учебного процесса;

– содействие семьям, оказавшимся в экстремальной ситуации (пострадавшим от стихийных бедствий или приравненным к ним событиям), семьям беженцев и вынужденных переселенцев в адаптации детей к сложившейся ситуации, их социально-педагогической реабилитации, оказание родителям педагогической помощи в воспитании детей, содействие в устройстве детей в школу или другое учебное заведение;

– обучение навыкам семейной жизни (навыкам построения адекватных отношений в семье и навыкам позитивного разрешения конфликтов) молодых семей и семей с несовершеннолетними супругами;

– оказание педагогической помощи родителям в семьях, имеющих на попечении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в воспитании приемных детей с учетом их физического и психологического состояния, характера и наклонностей.

Вместе с тем, прочими социально-педагогическими услугами, являются:

– социально-педагогический патронаж;
– организация и проведение игротерапии детей.

Анализ национальных стандартов двух поколений показал, что особенностями действующего документа является сокращение спектра социально-педагогических услуг семье. А именно, стандарт 2007 г. включал ряд социально-педагогических услуг семье, которые отсутствуют в стандарте 2013 г., среди них:

– организация выступлений работников социальной службы в средствах массовой информации по актуальным социально-педагогическим проблемам;

– распространение и популяризация среди населения педагогических знаний;

Также стандарт 2007 г. содержал дополнительные социально-педагогические услуги семьям отдельных групп в зависимости от особенностей их социального положения (чего нет в стандарте 2013 г.). Это социально-педагогические услуги семьям:

– имеющим на попечении детей-сирот и детей, оставшихся на попечении родителей (оказание педагогической помощи родителям в воспитании приемных детей, преодоления их педагогической запущенности; социально-педагогическое консультирование по вопросам, касающимся особенностей индивидуального развития приемных детей);

– имеющим детей с ограниченными умственными и физическими возможностями (подготовка и проведение мероприятий по организации досуга детей вместе с родителями);

– оказавшимся в экстремальной ситуации (привлечение к участию в семейных и детских праздниках, соревнованиях и конкурсах, клубной и кружковой работе);

– молодым семьям и семьям с несовершеннолетними супругами (оказание педагогической помощи в создании в семье атмосферы взаимопонимания и взаимоуважения, благоприятного микроклимата; содействие в преодолении возникающих конфликтов, нарушений семейных и супружеских отношений).

Следует отметить, что выявленные различия не говорят об отсутствии этих направлений работы в рамках социально-педагогических услуг семье в содержании нового стандарта. Вместе с тем, они явно представлены в обобщенном виде и не разграничивают отдельные группы семей, в частности, в организации досуга детей. Кроме того, в национальном стандарте 2007 г. социально-педагогические услуги семье представлены явно детализировано и структурировано с учетом типов семей и их проблем.

Резюмируя сказанное можно сделать вывод о том, что действующий национальный стандарт РФ «Социальное обслуживание населения. Социальные услуги семье» ГОСТ Р 52885-2013 в части социально-педагогических услуг семье отличается от своего предшественника тем, что перечень социально-педагогических услуг представлен в обобщенном виде, отсутствует описание услуг по конкретной категории семей. Это,

на наш взгляд, объясняется в том числе и тем, что в целом в стандарте уделено особое внимание социальным услугам направленным на обеспечение экономической устойчивости семей, их социальной безопасности, заключающейся в осуществлении необходимых превентивных мер по их защите от нежелательных жизненных факторов, определяемых как трудная жизненная ситуация, характеризующаяся возможными бедностью, бездомностью, безработицей членов семей и др.

Литература

1. Мустаева Ф.А. Социальные проблемы современной семьи // Социологические исследования. – № 7. – 2009. – С. 109-113.
2. Национальный стандарт РФ «Социальное обслуживание населения Социальные услуги семье» ГОСТ Р 52885-2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vsegost.com/Catalog/44/44106.shtml>.
3. Национальный стандарт РФ «Социальное обслуживание населения. Социальные услуги семье» ГОСТ Р 52885-2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1200107238>.
4. Указ президента РФ от 14.05.96 N 712 (ред. от 05.10.2002) «Об основных направлениях государственной семейной политики» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakonbase.ru/content/base/7042/>.

R e f e r e n c e s :

1. Mustaeva F. A. Social problems of the modern family // Socio-logical studies. – No. 7. – 2009. – P. 109-113.
2. National standard of the Russian Federation «Social services are Social services family» GOST R 52885-2007 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://vsegost.com/Catalog/44/44106.shtml>.
3. National standard of the Russian Federation «Social service of the population. Social services family,» GOST R 52885-2013 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://docs.cntd.ru/document/1200107238>.
4. The decree of the President of the Russian Federation of 14.05.96 N 712 (edited on 05.10.2002) «On main directions of state family policy» [Electronic resource]. – Access mode: <http://zakonbase.ru/content/base/7042/>

Особенности развития демографического потенциала регионов Восточной Сибири

Константинова А.Г.

В статье рассматривается метод демографического анализа, который используется при статистическом измерении демографического потенциала региона. В статье автором проведена оценка, основные тенденции и особенности развития демографического потенциала регионов Восточной Сибири.

Ключевые слова: демографический потенциал, регион, рождаемость, смертность, миграция, анализ, структура, численность населения, воспроизводство населения.

Konstantinov A.G.

The main features of development of the demographic potential of regions of Eastern Siberia

The article considers the method of demographic analysis, which is used in the measurement of the demographic potential of the region. In the article the author assessed the main trends and features of development of the demographic potential of regions of Eastern Siberia

Key words: demographic potential, region, fertility, mortality, migration, analysis, structure, population, population reproduction.

Одним из ключевых факторов, характеризующих тенденции и особенности демографического потенциала, являются изменения в численности населения региона. В связи с этим, прежде всего обратимся к анализу основных динамических показателей изменения численности населения регионов Восточной Сибири.

На основе данных нами рассчитаны цепные темпы роста и прироста всего населения, а также городского и сельского населения регионов Восточной Сибири за период с 1990 по 2014 гг. На основе проведённых расчётов сделаны предварительный вывод о том, что в выбранной группе регионов наблюдается «волнообразная», разнонаправленная динамика процессов изменения численности населения, обусловленная влиянием множества социальных, экономических, политических, экологических и прочих факторов. Наличие значительного анализируемого временного промежутка и объектов изучения, требуют измерения скорости роста (убыли) численности населения, путём определения среднегодовых темпов роста и прироста населения в выбранной группе регионов. Для этого воспользуемся формулой расчёта средней геометрической. Поскольку изменение демографического потенциала регионов Восточной Сибири в его отдельных результирующих проявлениях (в данном случае численности населения) происходит в рамках единого политического, правового, экономического и в какой-то степени социально-культурного пространства в России,

важно проводить сравнения с аналогичными показателями на общероссийском уровне.

В табл. 1 представлены результаты расчётов среднегодовых темпов роста и прироста населения в регионах Восточной Сибири за 1990 – 2014 гг. в сравнении с общероссийскими значениями рассматриваемого показателя.

Из представленных в табл. 1 данных важно выделить следующие предварительные выводы:

- за рассмотренный период во всех регионах Восточной Сибири наблюдаются отрицательные значения среднегодовых темпов прироста населения. При этом с наибольшей скоростью население уменьшается в Забайкальском крае (среднегодовая убыль за 1990 – 2014 гг. составляет 0,8%), Иркутской области (среднегодовая убыль -0,6%) и Красноярском крае (среднегодовая убыль -0,4%). Практически во всех регионах Восточной Сибири (кроме Республики Тывы) скорость убыли населения выше, чем в среднем по России;

- существенно большую скорость падения показывает сельское население в большинстве регионов Восточной Сибири. Позитивная динамика среднегодовых темпов прироста сельского населения наблюдается за рассматриваемый пе-

риод только в Республиках Бурятия (0,05%) и Хакасия (0,37 %), при этом в этих субъектах наблюдаются высокие темпы снижения городского населения, составляющие – 0,54% и -0,55%, соответственно. Наиболее высокая скорость снижения сельского населения за период с 1990 г. по 2014 г. наблюдается в Забайкальском (-1,18%) и Красноярском (-0,84 %) крае.

Очевидно, при сложившейся динамике численности населения за последние годы в рассматриваемой группе регионов, при неизменных правовых, политических, экономических, социально-культурных, медицинских и прочих условиях, демографический потенциал субъектов будет продолжать убывать.

За выбранный нами период анализа 1990–2014 гг. произошло множество событий, главным образом, политико-правового и экономического характера. В связи с этим, в целях объективизации анализа изменения численности населения в рассматриваемой группе регионов и получения предварительных выводов касательно дальнейшего изменения их демографического потенциала, необходим периодизировать выбранный анализируемый временной промежуток на следующие этапы:

Таблица 1

Среднегодовые темпы роста (убыли) и прироста (убыли) населения в регионах Восточной Сибири и Российской Федерации за 1990 – 2014 гг. в разрезе типов поселения (в %)¹

Показатель	Тип поселения	РФ	Республика Бурятия	Республика Тыва	Республика Хакасия	Забайкальский край	Красноярский край	Иркутская область
Среднегодовые темпы роста (убыли)	Все население	99,89	99,69	99,99	99,72	99,20	99,58	99,40
Среднегодовые темпы прироста (убыли)		-0,11	-0,31	-0,01	-0,28	-0,80	-0,42	-0,60
Среднегодовые темпы роста (убыли)	Городское население	99,92	99,46	100,57	99,45	99,41	99,72	99,35
Среднегодовые темпы прироста (убыли)		-0,08	-0,54	0,57	-0,55	-0,59	-0,28	-0,65
Среднегодовые темпы роста (убыли)	Сельское население	99,80	100,05	99,40	100,37	98,82	99,16	99,60
Среднегодовые темпы прироста (убыли)		-0,20	0,05	-0,60	0,37	-1,18	-0,84	-0,40

1. С 1991 г. по 1999 г. – на данном этапе население страны начинает адаптироваться к новым социально-экономическим, политико-правовым, административно-территориальным и прочим условиям, оказывающим решающее влияние на качество его жизни и, как следствие, демографических процессов и демографического потенциала. В этот же период происходит первый экономический кризис в истории современной России (дефолт 1998 г.), который прямо и косвенно оказал влияние на отдельные составляющие демографического потенциала страны.

2. С 2000 по 2005 г. – выделять данный этап целесообразно поскольку в этот временной промежуток происходит смена политической курса в стране, складывается благоприятная внешне-экономическая конъюнктура и происходит рост цен на углеводороды, руководство страны принимает первые крупные, после распада СССР меры по стабилизации социально-экономической ситуации. Происходят качественные изменения в уровне жизни населения, в том числе стабилизируются и постепенно растут его доходы, граждане стремятся улучшить условия жизни (качество питания, жилищные условия, экологические условия и др.).

3. С 2006 по 2009 г. – данный этап развития страны характеризуется принятием качественно новых законодательных актов и программ регионального, отраслевого и социального развития с соответствующими крупными бюджетными вливаниями. Вместе с этим, на данном этапе происходит второй экономический кризис в истории современной России (2008–2009 гг.), который также оказал влияние на показатели воспроизводства населения и его демографический потенциал.

4. С 2010 по 2014 г. – этап выделен нами как этап посткризисного развития, для которого характерно продолжающееся увеличение макроэкономических показателей развития страны и социально-экономических индикаторов жизни населения.

Выделив данные этапы, проведём оценку средних темпов роста и прироста (убыли) на каждом из них в регионах Восточной Сибири в сравнении с общероссийскими значениями данных показателей (табл. 2).

Из приведённых в табл. 2 расчётов следуют выводы, характеризующие общие тенденции и особенности развития демографического потен-

циала регионов Восточной Сибири, с точки зрения изменения численности населения:

- переход к новой модели общественно-экономического развития, начавшийся после распада Советского союза, обусловил отрицательный среднегодовой рост одного из основных компонентов демографического потенциала – численности населения, который продолжался, как в общенациональных масштабах, так и в регионах ВС в трёх выделенных периодах, вплоть до 2009 г.;

- снижение среднегодовой скорости по темпам прироста населения наблюдалось в разрезе обоих типов поселений: для населения городов и сельских поселений. Однако, глубина среднегодового падения численности населения сельских территорий вплоть до 2009 г. была несколько ниже аналогичного показателя для городских территорий, что было характерно для всех регионов ВС;

- в период с 2010 г. по настоящее время наблюдается качественное изменение трендов по среднегодовым темпам роста населения. Так, происходит либо значимое снижение среднегодовой убыли (как в случае с Забайкальским краем, среднегодовой темп убыли в котором снизился с -1,12% в период с 1991 по 1999 г. до -0,34% с 2010 по 2014 г. и Иркутской области – снижение скорости убыли населения с -0,61% в период с 1991 по 1999 г. до -0,25% с 2010 по 2014 г.), либо она переходит в среднегодовой прирост населения (в Республике Бурятия он составил 0,15% с 2010 по 2014 г., в Республике Тыва 0,42%, в Республике Хакасия 0,08% и в Красноярском крае 0,14%). На наш взгляд, качественное изменение тренда среднегодовых темпов прироста (убыли) численности населения следует считать «кумулятивным» результатом принятых государством мер по поддержке семьи и материнства, улучшению социального положения и защиты граждан, общего повышения уровня и качества жизни населения, что проявилось и в регионах Восточной Сибири.

В ходе оценки основных тенденций и особенностей демографического потенциала регионов Восточной Сибири, важно также рассмотреть половозрастные особенности населения, с точки зрения их возможного влияния на прирост или убыль населения и, как следствие, его демографический потенциал. Для решения данной задачи представляется необходимым провести анализ двух ключевых показателей: сте-

Таблица 2

Средние темпы роста и прироста (убыли) населения в разрезе современных этапов развития России в регионах Восточной Сибири в сравнении с общероссийскими значениями за период с 1991 по 2014 г. (в %)²

Показатель	Территория (регион)	1991-1999 гг.	2000-2005 гг.	2006-2009 гг.	2010-2014 гг.
Всё население					
Среднегодовой темп роста	РФ	99,94	99,57	99,81	100,13
	Республика Бурятия	99,53	99,29	99,89	100,15
	Республика Тыва	99,77	99,89	100,10	100,42
	Республика Хакасия	99,74	99,29	99,72	100,08
	Забайкальский край	98,88	98,95	99,48	99,66
	Красноярский край	99,52	99,18	99,40	100,14
	Иркутская область	99,39	99,08	99,24	99,75
Среднегодовой темп прироста	РФ	-0,06	-0,43	-0,19	0,13
	Республика Бурятия	-0,47	-0,71	-0,11	0,15
	Республика Тыва	-0,23	-0,11	0,10	0,42
	Республика Хакасия	-0,26	-0,71	-0,28	0,08
	Забайкальский край	-1,12	-1,05	-0,52	-0,34
	Красноярский край	-0,48	-0,82	-0,60	0,14
	Иркутская область	-0,61	-0,92	-0,76	-0,25
Городское население					
Среднегодовой темп роста	РФ	99,86	99,55	99,94	100,31
	Республика Бурятия	99,09	98,63	99,27	101,13
	Республика Тыва	100,42	101,05	99,70	101,20
	Республика Хакасия	99,47	99,27	99,69	99,33
	Забайкальский край	98,83	99,00	99,88	100,27
	Красноярский край	99,69	99,39	99,33	100,32
	Иркутская область	99,29	99,02	99,27	99,74
Среднегодовой темп прироста	РФ	-0,14	-0,45	-0,06	0,31
	Республика Бурятия	-0,91	-1,37	-0,73	1,13
	Республика Тыва	0,42	1,05	-0,30	1,20
	Республика Хакасия	-0,53	-0,73	-0,31	-0,67
	Забайкальский край	-1,17	-1,00	-0,12	0,27
	Красноярский край	-0,31	-0,61	-0,67	0,32
	Иркутская область	-0,71	-0,98	-0,73	-0,26
Сельское население					
Среднегодовой темп роста	РФ	100,15	99,63	99,48	99,63
	Республика Бурятия	100,22	100,22	100,70	98,84
	Республика Тыва	99,16	98,69	100,54	99,55
	Республика Хакасия	100,41	99,34	99,78	101,81
	Забайкальский край	98,95	98,86	98,75	98,47
	Красноярский край	99,02	98,55	99,60	99,58
	Иркутская область	99,79	99,32	99,14	99,79
Среднегодовой темп прироста	РФ	0,15	-0,37	-0,52	-0,37
	Республика Бурятия	0,22	0,22	0,70	-1,16
	Республика Тыва	-0,84	-1,31	0,54	-0,45
	Республика Хакасия	0,41	-0,66	-0,22	1,81
	Забайкальский край	-1,05	-1,14	-1,25	-1,53
	Красноярский край	-0,98	-1,45	-0,40	-0,42
	Иркутская область	-0,21	-0,68	-0,86	-0,21

пени диспропорциональности населения регионов ВС (как численность женщин, приходящихся на 1000 мужчин), доли женщин в фертильном возрасте в общем числе женщин и количестве мужчин в репродуктивном возрасте на 1000 женщин за последние годы.

В результате проведённых расчётов получены следующие данные по особенностям и тенденциям ключевых критериев демографического потенциала по половозрастному составу населения (табл. 3).

Из полученных данных по изменению выбранных критериев демографического потенциала населения регионов Восточной Сибири, можно сделать следующие выводы:

- в последние годы для регионов ВС характерна значительная диспропорциональность половой структуры населения, при этом в последние годы наблюдается тенденция к снижению неравномерности распределения населения по гендерным характеристикам;

- вместе с этим, снижение диспропорциональности половой структуры населения происходит параллельно со снижением доли женщин в фертильном возрасте, что является негативной косвенной характеристикой развития демографического потенциала региона. Снижение доли женщин в фертильном возрасте обусловлено, как миграционными процессами, медико-демографическими характеристиками, так и изменениями

Таблица 3
Изменение ключевых параметров демографического потенциала по половозрастной структуре населения регионов ВС за 2009–2014 гг.³

Регион ВС	Показатель	2009 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Республика Бурятия	Количество женщин на 1000 мужчин	1 117	1 118	1 103	1 103	1 101
	Доля женщин в репродуктивном возрасте в общей численности женщин, %	49,7%	48,7%	46,3%	45,6%	45,0%
	Число мужчин в репродуктивном возрасте на 1000 женщин	1 272	1 286	1 342	1 347	1 348
Республика Тыва	Количество женщин на 1000 мужчин	1 115	1 113	1 102	1 100	1 097
	Доля женщин в репродуктивном возрасте в общей численности женщин, %	56,0%	54,8%	50,0%	48,8%	47,6%
	Число мужчин в репродуктивном возрасте на 1000 женщин	1 048	1 067	1 131	1 144	1 162
Республика Хакасия	Количество женщин на 1000 мужчин	1 150	1 149	1 157	1 155	1 155
	Доля женщин в репродуктивном возрасте в общей численности женщин, %	47,8%	46,9%	44,8%	44,0%	43,4%
	Число мужчин в репродуктивном возрасте на 1000 женщин	1 309	1 324	1 331	1 336	1 335
Забайкальский край	Количество женщин на 1000 мужчин	1 093	1 093	1 091	1 090	1 089
	Доля женщин в репродуктивном возрасте в общей численности женщин, %	49,5%	48,7%	47,0%	46,4%	46,0%
	Число мужчин в репродуктивном возрасте на 1000 женщин	1 319	1 331	1 356	1 357	1 356
Красноярский край	Количество женщин на 1000 мужчин	1 146	1 145	1 145	1 144	1 143
	Доля женщин в репродуктивном возрасте в общей численности женщин, %	48,7%	47,9%	46,3%	45,7%	45,2%
	Число мужчин в репродуктивном возрасте на 1000 женщин	1 308	1 323	1 340	1 344	1 344
Иркутская область	Количество женщин на 1000 мужчин	1 160	1 163	1 162	1 162	1 162
	Доля женщин в репродуктивном возрасте в общей численности женщин, %	48,5%	47,6%	45,5%	44,9%	44,4%
	Число мужчин в репродуктивном возрасте на 1000 женщин	1 268	1 279	1 308	1 308	1 307

ми в возрастной структуре женского населения – данные аспекты демографического потенциала будут рассмотрены более подробно в следующем параграфе настоящего исследования.

Стоит отметить, что помимо выявленных выше негативных предпосылок и тенденций развития демографического потенциала регионов Восточной Сибири имеются и позитивные. В числе таких предпосылок следует, прежде всего, выделить принятую Указом Президента РФ № 1351 от 09.10.2007 г. Концепцию демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. [3]. Реализация данной Концепции строится на следующих принципах:

- комплексности решения демографических проблем и задач, в том числе для реализации мероприятий по снижению смертности, повышению рождаемости и стабилизации миграционных потоков с обеспечением взаимосвязи этих составляющих;

- обеспечения концентрации на приоритетах, предполагающее выбор ключевых проблем и принятие мер по их решению;

- принцип своевременности реагирования на демографические тенденции;

- принцип учёта региональной специфики;

- принцип обеспечения взаимодействия государства с гражданскими институтами при решении проблем;

- обеспечение координации законодательных и исполнительных органов государственной власти на различных уровнях управления.

В соответствии с утверждённым в рамках Концепции планом мероприятий по её реализации [2], Федеральной службой государственной статистики было проведено выборочное обследование репродуктивных планов населения в нескольких десятках регионов РФ, в том числе в регионах Восточной Сибири. Позитивной предпосылкой в этом плане следует считать, что в отдельных регионах ВС желаемое число детей больше 2,5 (к примеру, в Республиках Бурятия и Хакасия, Забайкальском крае) [1]. Поведенческие и установочные особенности населения могут оказывать значительно большее влияние на реализацию демографического потенциала, чем реальные экономические условия. Вместе с тем, в современных условиях, граждане России указывают, что в числе основных помех к рождению желаемого количества детей [1].

- материальные трудности (39,4% женщин

- и 35,3% мужчин),

- неуверенность в завтрашнем дне (33,9% женщин и 31,7% мужчин),

- жилищные трудности (33,5% женщин и 29,1% мужчин).

Таким образом, в последние годы в регионах ВС складывается ряд негативных тенденций и предпосылок, продолжение действия которых обусловит дальнейшее снижение потенциала воспроизводства населения (демографического потенциала). Для решения данной проблемы требуется, прежде всего, многоаспектный анализ отдельных компонентов ДП. Далее будут рассмотрены основные тенденции естественного и миграционного движения населения регионов Восточной Сибири и объекта настоящего исследования – Иркутской области.

Литература

1. Аналитический отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения // Росстат. [Электронный ресурс]. Режим доступа - www.gks.ru/free_doc/2012/demo/orp.doc проверено 05.07.2015

2. Распоряжение Правительства РФ от 10.03.2011 N 367-р (ред. от 01.10.2012) «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2011 - 2015 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // «Собрание законодательства РФ», 21.03.2011, N 12, ст. 1655.

3. Указ Президента РФ от 09.10.2007 N 1351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ, 15.10.2007, N 42, ст. 5009.

Ссылки:

1 Источник: составлено автором в результате расчётов по анализируемому массиву статистической информации

2 Источник: составлено автором в результате расчётов по анализируемому массиву статистической информации

3 Источник: рассчитано автором по данным Росстата: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту 2009 – 2014 // Росстат. [Электронный ресурс]. Режим доступа - http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095700094

Связь психологических свойств личности и структуры ценностей

Кузнецова Ю.Н.

В работе проведен анализ понятия ценности с точки зрения философского и психологического понимания. Были получены статистически достоверные данные доказывающие, что между степенью выраженности различных психологических свойств личности и мерой приоритетности для нее различных ценностей существуют множественные корреляционные связи. Ключевые слова: личность, психологические свойства личности, ценности, ценностные приоритеты, структура ценностей.

Kuznetsova Y.N.

The connection of person's psychological traits with the structure of its values

The paper analyzes the concept of value in terms of philosophical and psychological understanding. As a result of the study there were obtained statistically significant data showing different values of multiple correlation between the severity of different psychological traits of personality and a measure of priority for the person. Moreover, the connections can be both positive and negative.

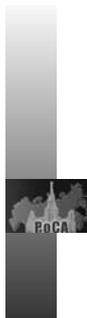
Key words: personality, psychological personality traits, values, values, priorities, structure values.

Проблемы, связанные с ценностями, относятся к числу важнейших для наук, занимающихся человеком и обществом. Важнейших, прежде всего, в силу того, что ценности выступают интегративной основой, как для отдельно взятой личности, так и для любой социальной группы. Ценностные предпочтения личности, играют важную роль при оценке ею всего происходящего, при принятии решения, при совершении действий. Эта проблема до настоящего времени является актуальной, в ней осталось еще много областей, которые остаются неисследованными.

Ценности стали объектом специального философского познания с середины XIX века, когда в философии стали рассматривать человека как практическое существо, которое не только относится к миру гносеологически, но главным образом практически и аксиологически. Существующие подходы к проблеме ценностей неоднозначны. В их понимании отсутствует четкое представление о том, к чему относится само понятие «ценность», оно используется различными авторами в разных, иногда взаимоисключающих смыслах.

Когда-то И.Кант определил ценности как предельные нормативные основания актов сознания или поведения людей. В учении Ф.Ницше мы сталкиваемся с теорией Сверхчеловека. Ценности, по его мнению, носят субъективный характер. У М.Хайдеггера ценность становится чем-то вроде инстинкта, основанного на «психологическом подсчете», оценке. Согласно Н.А.-Бердяеву, ценности обладают бытийно-объективной сущностью и объяснить их рационально невозможно. Среди сторонников позитивизма распространено понимание ценностей как объектов внешней действительности, приобретающих то или иное значение для субъекта.

В психологии также существуют различные понимания. Например, по Г. Оллпорту, ценности — это некий личностный смысл. А. Маслоу выстраивает иерархию ценностей, по его мне-

нию, предпочтение бытийных ценностей опирается на предварительную реализацию низших, более насущных ценностей. В работах отечественных психологов тоже не сложилось однозначного понимания проблемы. Однако, несмотря на многообразие мнений, практически все авторы, рассматривающие вопрос ценностей, сходятся на том, что ценности являются, прежде всего, регулятором человеческой деятельности, но различным образом: как нормы, как идеалы, как критерии выбора и оценки нравственных действий (М.И. Бобнева, Д.А. Леонтьев, Р.Х. Шакуров, В.А. Ядов и др.).

В данной работе мы опираемся на понимание сущности ценностей и их структуры, предложенное Б.С.Алишевым в рамках системно-функционального подхода. По его мнению, следует выделять фундаментальные ценности, которые являются отраженными в психике и сознании человека функциональными связями между субъектом и объективным миром, имеющими конкретную модальность, обусловленную их содержанием [1, с.242]. В его концепции отмечается также, что фундаментальные ценности (такие, как добро, свобода, справедливость, любовь, семья, благополучие, власть и др.) имеют разную приоритетность для отдельных людей и по-разному трактуются ими в содержательном плане, но в любом случае они настолько глубоко укоренены в их психике, что зачастую перестают ими осознаваться.

Поэтому ценностные приоритеты и ценностные представления личности вступают во взаимодействие со всеми другими элементами структуры личности и оказывают влияние на формирование ее устойчивых психологических свойств. С другой стороны, эти свойства, как известно, формируются под влиянием врожденных особенностей нервной системы человека, а потому и его индивидуальные ценности испытывают обратное влияние развивающихся психологических свойств. Так возникает связь между ценностями и психологическими свойствами личности, суть которой состоит в том, что образуются комплексы свойств и ценностей, внутри которых те и другие взаимно обуславливают друг друга.

В психологии, начиная с Р.Б.Кеттелла, активно изучается структура психологических свойств личности. Исследований в этой области выполнено огромное количество, в том чис-

ле и у нас в стране. Среди последних можно, например, отметить серию масштабных исследований А.Г.Шмелева [5] в рамках концепции «большой пятерки» (big five). Также активно проводятся, но уже в основном социальными психологами исследования структуры ценностей личности и различных социальных групп [2; 3; 4]. В то же время мало изучен вопрос о связи ценностей личности с ее психологическими свойствами.

Это и обусловило наш интерес к данной проблеме. В нашем исследовании принимали участие 354 студента высших учебных заведений г. Казани. Для изучения структуры ценностей личности была использована методика, разработанная и предложенная Б.С.Алишевым, для изучения психологических свойств личности использовался многофакторный опросник 16 PF Р.Б.Кеттелла.

При работе с методикой изучения ценностей респондентам предлагалось четыре блока ценностей по 7 ценностей в каждом. В методике они объединялись в пары по принципу - каждая с каждой по одному разу внутри каждого блока отдельно. От испытуемых требовалось указывать, что они считают наиболее важным в данном сочетании. При подведении итогов определялось количество выборов каждой из ценностей данного блока. А полученные индексы считались показателями их приоритетности. Это позволило определить для каждого опрошенного отдельно структуру его ценностных предпочтений по всем четырем блокам ценностей.

Полученные данные по 2 двум методикам сопоставлялись путем сравнения на основе двух группировок: 1) группировки по структуре ценностей и б) группировки по индивидуально-психологическим свойствам. При таком сопоставлении проводился качественный и статистический анализ. Анализ данных проводился на основе t-критерия Стьюдента, показывающего статистическую достоверность различий средних арифметических. Кроме того, ряды, составленные из показателей личностных характеристик каждого респондента, коррелировались с рядами индексов приоритетности различных ценностей и выявлялась зависимость ценностей и личностных особенностей студентов. Наиболее интересные результаты были получены при использовании корреляционного анализа. На них мы и остановимся.

Однако прежде чем приступить к их описанию дадим полный перечень изучавшихся ценностей, представленных в использованной нами методике (поскольку тест Р.Б.Кеттелла давно и хорошо известен нет необходимости в описании его шкал). Итак, первый блок (основное ценностное отношение) включал в себя следующие ценности: *сохранение среды обитания, жизнь человека, экономический и научно-технический прогресс человечества, культурный и нравственный прогресс человечества, мощь и процветание родины, благополучие близких людей, личное благополучие*. Второй блок (первичные функциональные ценности) образован ценностями: *польза, истина, красота, мощь (сила), справедливость, свобода, добро*. В третий блок (ценности – сферы жизнедеятельности) входили: *здоровье, семья, любовь, дружба, работа, отдых, общественная жизнь*. Наконец, четвертый блок (ценности – способы жизнедеятельности) включал в себя: *покой, материальное благополучие, гармонию отношений, статус, разнообразие жизни, саморазвитие, самоотдачу*.

В результате проведенного анализа выяснилось, что между степенью выраженности различных психологических свойств личности и мерой приоритетности для нее различных ценностей существуют множественные корреляционные связи (как положительные, так и отрицательные). Почти каждое личностное свойство имеет хотя бы одну-две статистически достоверные корреляционные связи с какими-либо ценностями, и наоборот. В силу этого мы приведем сначала только некоторые конкретные примеры обнаруженных корреляционных связей, а потом постараемся представить некоторые обобщенные выводы. Кроме того, мы возьмем в качестве основы для анализа не психологические свойства, а ценности.

Вот некоторые примеры по первому блоку ценностей. Выяснилось, что у студентов с повышенными индексами ценности «сохранение среды обитания» более выражены такие личностные особенности, как взвешенность поступков, соблюдение установленных правил, развитое мышление. Отрицательные корреляционные связи у них имеются с такими качествами, как недисциплинированность, не развитое мышление. Индексы ценности «жизнь и безопасность каждого человека» имеют только отрицатель-

ные корреляционные связи с такими качествами, как склонность к переменам, индивидуализм, недисциплинированность. Результаты, полученные по ценности «мое личное благополучие», обнаружили наличие связей с такими качествами, как недисциплинированность, неаккуратность, неразвитое мышление. Отрицательные корреляционные связи имеются по качествам консерватизм, развитое мышление.

Во втором блоке ценностной основой связи с психологическими свойствами таковы. С ценностью «польза» отрицательную корреляцию показало такое качество, как непрактичность. Ценность «истина» обнаруживает связь с таким качеством как выдержка. Индексы приоритетности ценности «мощь (сила)» отрицательно коррелируют с четырьмя свойствами: экстраверсия, соблюдение установленных правил, эмоциональность, коллективизм. Ценность «справедливость» имеет положительную связь с таким качеством, как соблюдение установленных правил, и отрицательную с качествами: пассивность (подчинение), недисциплинированность, беспокойность.

По ценности «личное здоровье» наблюдаются только отрицательные корреляционные связи с таким личностным качеством, как спокойствие. Применительно к ценности «отдых» обнаружена положительная связь с качеством недисциплинированность и отрицательные связи с такими личностными свойствами, как аккуратность, соблюдение установленных правил, рациональность. По ценности «дружба» обнаружилась связь с такими особенностями, как коллективизм и спокойствие. Отрицательные связи с интроверсией. Ценность «общественная жизнь» коррелирует со шкалой «смелость».

Наибольшее количество связей с личностными свойствами прослеживается у ценности «покой». Она коррелирует с пассивностью, взвешенностью поступков, застенчивостью, покладистостью, тактичностью, неуверенностью, консерватизмом. Отрицательные связи у нее имеются с качествами смелость, руководство (инициативность), уверенность в себе и спокойствие. По ценности «материальное благополучие» получены только отрицательные связи по качествам экстраверсия, эмоциональность, неуверенность, коллективизм, соблюдение установленных правил. А ценность «гармония отношений» связана с наличием таких личностных

свойств, как экстраверсия, эмоциональность, непрактичность (мечтательность), неуверенность, коллективизм, развитое мышление. Для студентов с повышенными индексами ценности «разнообразие», характерно наличие таких личностных особенностей, как импульсивность действий, непрактичность. Отрицательные связи прослеживаются с такими свойствами личности, как эмоциональная неустойчивость, пассивность, взвешенность поступков, соблюдение установленных правил, практичность, неуверенность, аккуратность. Таковы некоторые конкретные данные, показывающие взаимосвязь психологических свойств личности и особенностей ее ценностных приоритетов. Отсюда можно сделать вывод о том, что ценности личности, несомненно, оказывают влияние на формирование психологических личностных свойств.

Теперь представим основные, обобщенные выводы. Исходя из анализа полученных данных, мы выявили следующее:

- студентам, для которых высокое значение имеют такие ценности как «жизнь и безопасность каждого человека» и «гармония отношений» присуща экстравертивная направленность;
- студенты, в структуре ценностей которых наблюдаются повышенные индексы ценностей «сохранение среды обитания», «покой» проявляется тенденцию к взвешенности поступков;
- студенты с такими ценностными приоритетами, как «сохранение среды обитания», «развитие нравственности и культуры», «справедливость», склонны к соблюдению установленных правил (и, наоборот, у студентов с повышенными значениями индексов ценностей «мощь», «отдых», «экономический и технический прогресс» преобладает недисциплинированность);
- у студентов, для которых значимы ценности «любовь», «покой», «красота», «добро» более чем у других выражена тактичность;
- студенты, в структуре ценностей которых более высокое положение занимают «покой» и «гармония отношений» обладают свойством неуверенности в себе;
- коллективизм присущ студентам с преобладанием таких ценностных приоритетов как «дружба», «гармония отношений», «самоотдача».

Как можно видеть, некоторые из полученных результатов носят вполне логичный характер и не требуют особых пояснений. Например, соотношение ценности «покой» и свойства «неуверен-

ность в себе» может быть легко объяснено тем, что люди, испытывающие неуверенность, стремятся ограничить свои социальные взаимодействия и стараются избегать возникновения различных проблем. Они действительно могут стремиться к покою. С другой стороны, само такое стремление лишает человека значительной части возможного жизненного опыта, и, попадая, в различные ситуации (нестандартные, конкурентные и т.д.), он начинает чувствовать себя неуверенно.

Также нетрудно понять закономерность связей между ценностью «дружба» и коллективизмом, или между ценностью «гармония отношений» и экстраверсией. С другой стороны, наличие связей между той же ценностью и неуверенностью в себе требует более основательного анализа.

Мы рассматриваем полученные результаты, как предварительные. Проблема связей между ценностями и психологическими свойствами личности является сложной. Она требует дальнейшего углубленного анализа, как в эмпирическом плане (причем, не только в количественно-статистическом), так и в теоретическом. Несмотря на сложность, эвристический потенциал разработок в данной области, на наш взгляд, чрезвычайно велик особенно, если учитывать их значение для построения более развернутых моделей личности. На основе полученных данных мы предполагаем дальше рассматривать проблему в контексте того, как влияют ценности людей на направленность, мотивацию, намерения, личностные свойства, на процессы принятия решений.

Литература

1. Алишев Б.С. Психологическая теория ценности: системно-функциональный подход: дис... док. психол. наук. – Казань: ИСПО РАО, 2002. – С.58.
2. Кузнецова Ю.Н. Ценности и их роль в принятии решений // Казанский педагогический журнал. - 2014. - № 4 (105). - С. 156-161.
3. Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Под ред. А.Л.Журавлева, Е.В.Шороховой. – М.: Институт психологии РАН, 1998.
4. Фаустова Э.Н. Жизненные ценности студентов в новых социокультурных условиях // Вестник Оренбургского государственного университета. – 1999. - № 3. С. 72 -77.
5. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. – СПб.: Речь, 2002.

Спасение культурного наследия Сирии по данным телеканалов CNN, BBC, Al-Jazeera

Мартыненко Е.В., Нафаа Д.

Авторы обращают внимание на проблему сохранения объектов наследия, находящихся под угрозой уничтожения в Сирии. На основе сопоставления сообщений международных телеканалов CNN, BBC, Al-Jazeera автор показывает особенности освящения проблемы уничтожения сирийских древностей в медиапространстве и доказывает необходимость объединения усилий учёных, политиков, журналистов, общественных деятелей для сохранения национальных ценностей, находящихся под угрозой исчезновения, во имя будущего. Ключевые слова: Сирия, контрабанда древностей, CNN, BBC, Al-Jazeera, культурное наследие, список объектов наследия, находящегося под угрозой.

Martynenko E.V., Nafaa D.

The salvation of Syria's cultural heritage according to the CNN, BBC, Al-Jazeera

The author draws attention to the problem of conservation of heritage sites under threat of destruction in Syria. On the basis of a comparison of international TV channels CNN, BBC, Al-Jazeera, the author shows the peculiarities of the consecration of the problem of the destruction of Syrian antiquities in the media and proves the necessity of uniting the efforts of scientists, politicians, journalists, public figures for preservation of national values that are under threat of extinction in the future.

Key words: Syria, smuggling of antiquities, CNN, BBC, Al-Jazeera, cultural heritage list of heritage sites under threat.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнения необходимость сохранения культурного наследия. Культурное наследие – часть национального богатства, творение рук человека, показатель уровня развития его культуры и интеллекта. Каждое государство заботится о сохранении национального богатства. Дорог каждый предмет, а его исчезновение является невозвратимой утратой и невозполнимой потерей. Однако, несмотря на это, тысячи памятников находятся под угрозой исчезновения.

Особое внимание уделяется сохранению объектов мирового наследия, находящихся на территориях, где происходят военные конфликты, вооруженные столкновения и беспорядки. В 2012-2013 годах комиссией ЮНЕСКО была обоснована необходимость включения культурного наследия Сирии, Ирака, Ливии, Иордании, Мали, которое было разграблено и почти уничтожено в результате вооруженных конфликтов, в список объектов, находящихся под угрозой уничтожения - «красный список» [1], который призван помочь выявлять незаконно перемещаемые древности.

Война в Сирии ведет к разрушению, разграблению, уничтожению объектов культуры, являющихся достоянием всей человеческой цивилизации. Приведём лишь некоторые факты, которые дают общее представление о масштабах разрушений и утрат. За годы гражданской войны в Сирии было разрушено и разграблено огромное количество исторических сооружений,

относящихся к римской, христианской, мусульманской эпохам. Серьезные повреждения получили Старый город в Дамаске, археологические памятники Пальмиры, Старый город в Босре, старый город в Халебе (Алеппо), замки Крак-де-Шевалье и Кальят-Салах-ад-Дин, древние поселения северной Сирии. ЮНЕСКО на своей сессии в Камбодже 20 июня 2013 года включила все эти памятники в Список объектов Всемирного наследия, находящихся под угрозой уничтожения [2].

Но эти усилия мало помогают. По данным экспертов, импорт исторических ценностей из стран Ближнего Востока и Северной Африки в США серьезно возрос в период 2011-2013 гг. и продолжает расти. В современных условиях весьма показателен пример Ирака, когда в 2003 - 2004 годах из страны было вывезено 130 тыс. культурно-исторических ценностей. 10 тыс. иракских исторических артефактов периода Шумера и Вавилона были обнаружены весной 2013 года в Корнельском университете США [3].

СМИ неоднократно писали, что на американских рынках были проданы артефакты на сумму 1,5 млн долларов. Организация ИГИЛ занимается контрабандой ценностей из самых известных в мире исторических памятников, таких как Пальмира, Ниневия и Хатра. Старший офицер разведслужбы Ирака еще в 2014 году утверждал, что только в районе Аль-Набука, в гористой местности к западу от Дамаска, джихадисты захватили ценностей на 36 млн долларов. А президент совета Бельгийской федеральной полиции Вилли Брюгеман сообщал в декабре 2014 года, что мародеры ИГИЛ наладили прямые контакты с рядом западных коллекционеров. «Они используют собственные сети для выхода на конечных покупателей, — отметил Брюгеман. — Они стремятся наладить с ними общение один на один». Она демонстрирует их на электронном сайте iPaу, который является посредником между покупателями и террористами, грабящими предметы старины [4].

«Почти сто сирийских артефактов, награбленных «Исламским государством», было провезено контрабандой в Британию и продано с целью собрать деньги для деятельности экстремистской организации, предупреждают эксперты по преступлению в сфере искусства и археологи», — передают британские СМИ. В число предметов искусства, предположительно,

выставленных на продажу в Лондоне, входят золотые и серебряные византийские монеты, а также римская керамика и изделия из стекла, которые стоят сотни тысяч долларов, сообщил ВВС. Как считается, контрабанда идет через Турцию, Иорданию и Ливан — по известным путям контрабанды людей, оружия и наркотиков [5].

Незаконная торговля антиквариатом, наряду с продажей нефти, и выкупом заложников, является одним из основных источников дохода «Исламского государства». Именно по этой причине в феврале 2015 года ООН запретила торговлю сирийским антиквариатом и обвинила группировку «Исламское государство» в том, что за счет культурного наследия Сирии она увеличивает свои доходы для поддержки терроризма.

Служба ВВС попыталась проследить и выяснить пути контрабанды сирийских древностей через Турцию или Ливан в Европу. Службе ВВС удалось встретиться с одним из контрабандистов, занимающимся продажей антиквариата. С целью безопасности его имя не разглашается. Дилером оказался 21-летний парень родом из Дамаска, однако центр его торговли находится в долине Бекаа, на границе между Ливаном и Сирией. С ним удалось встретиться в Бейруте, где он рассказал о том, каким образом осуществляется продажа антиквариата из Сирии: «Я нахожусь в контакте с тремя моими друзьями в Алеппо. Они доставляют товар на границу в Бекаа, затем платят таксисту, чтобы тот довез его до Бейрута». Дилер отметил, что он с друзьями занимается контрабандой мелкого антиквариата, однако, по его словам, даже это очень опасно. Он добавил: «Мы стараемся торговать ювелирными изделиями, украшениями или мелкими статуэтками, либо головами каменных скульптур».

Они с «компаньонами» заработали большой капитал на контрабанде, однако настоящую прибыль получают те, кто продает драгоценные изделия ценой от 500 тысяч до миллиона долларов за предмет.

«Исламское государство» — главная группировка, которая занимается этой торговлей и контролирует весь бизнес. Они разграбили все музеи, в частности музей Алеппо. Я твердо знаю, что у них есть связи за рубежом, и они вывозят антиквариат из страны», — сказал дилер в интервью телеканалу. Он и сейчас занимается тор-

говлей на границе Сирии и Ливана, но теперь не торгует антиквариатом, т.к. в случае ареста его ждет суровое наказание, поскольку все, кто занимается продажей древностей, считаются членами либо партнерами ИГ.

Для продажи антиквариата необходим посредник. Службе ВВС удалось связаться с одним из них, уроженцем Сирии, живущим сейчас на юге Турции. Он свободно владеет турецким языком, поэтому сирийские контрабандисты часто обращаются к нему. В ходе беседы по скайпу посредник показал большое количество ценных вещей, вывезенных из Сирии в Турцию за последние несколько месяцев. Он сообщил, что основная их часть привезена из восточной части Сирии и Ракки под контролем боевиков ИГ. Он также заявил, что особая группировка, связанная с ИГ контролирует продажу антиквариата и имеет большое влияние.

Посредник также сообщил, что каждый, кто собирается заниматься раскопками на территории Сирии, должен получить разрешение от ИГ, а в случае находки показать объект их специалистам. Если среди них есть символы культового поклонения, то они сразу уничтожаются, а от других взимается налог в 20% от стоимости находки. После ввоза в Турцию, турецкие торговцы отсылают фотографии объектов дилерам из Западной Европы. В случае готовности купить их, дилер приезжает на сделку в Турцию.

Удалось встретиться и с торговцем антиквариата и туристических товаров в Бейруте. У него есть своя интересная тактика ведения дела. Вначале он говорит, что все изделия являются подделками, затем добавляет, что если клиент действительно хочет ценный товар, то у него есть даже древности, принадлежащие эллинистической цивилизации.

Как заявляют эксперты, в условиях войны в Сирии, больше всего страдают древние здания. Как сообщает служба ВВС, торговец заверил, что у него есть даже древние плиты на любой вкус с различным дизайном – с животными, с лицами, с геометрическим принтом.

На вопрос законно ли вывозить подобный товар, торговец ответил, что законно лишь в случае получения специального свидетельства от музея. Затем он добавил, что при желании можно переправить купленный товар в Великобританию и незаконно, но это будет стоить несколько тысяч фунтов. Этот опыт показал,

что в Бейруте можно за десять минут найти способы контрабандных сделок.

Как сообщает служба ВВС, в Национальном музее Ливана полиция обнаружила большой склад для хранения антиквариата из Сирии, которые здесь охраняются. Среди них можно встретить предметы древности, принадлежащие эллинистической, римской и византийской эпохам. Часть из них имеют более чем трехтысячелетнюю историю. Решено, что после установления порядка в Сирии, предметы будут возвращены.

В качестве примера, можно отметить несколько статуй из руин Пальмиры, относящихся к эпохе до н.э. недалеко от Хомса и входящих в список наследия ЮНЕСКО. Пальмира имеет большое историческое значение для всего народа Сирии. Стоимость меньшинства из них превышает миллион долларов, поэтому они находятся под охраной в Национальном музее Ливана.

После нескольких дней усилий журналистом ВВС удалось связаться с доктором Мамун Абдул Керимом, ответственным за археологический отдел в Управлении культурного наследия Сирии. Он с горечью отметил, что все исторические центры и музеи находятся под контролем ИГ.

Доктор признает, что при нынешней ситуации в Сирии сложно прекратить раскапывания и грабеж археологических объектов, но можно препятствовать их продаже за границу. «Мы уверены, что большая часть древностей находится в богатых странах Персидского Залива и Западной Европы», – добавил Абдул Керим.

Все опрошенные журналистами лица утверждают, что основной рынок сбыта – Западная Европа. Это подтверждает опытный эксперт британской полиции по борьбе с контрабандой древностей и ответственный за безопасность музея «Виктории и Альберта» в Лондоне Вернон Рипли. Он также предложил помимо контроля над границами, сделать так, чтобы покупка этих ценностей стала считаться постыдным и позорным действием, чтобы никто в Европе не стал их покупать [6].

Сотрудники ВВС прошли с профессором археологии University Campus Suffolk Дэвидом Джиллом по неназванному лондонским галереям, чтобы выяснить, сможет ли он обнаружить награбленные артефакты. По словам журнали-

тов, они вошли в галерею и начали обсуждать один объект, и тут хранитель довольно открыто заявил: «Мы только что получили это из Сирии». «Между прочим, - добавил он, - вот этот объект еще интереснее. Он только что поступил из Ирака».

По сообщениям телеканала, депутат британского парламента и бывший директор аукционного дома Christies Роберт Дженрик назвал подобную торговлю «величайшей угрозой культуре со времен Второй мировой войны и, что еще опаснее, значительным источником доходов для ИГИЛ и режима Асада» [7].

В интервью BBC британский парламентарий Роберт Дженрик отметил, что «черные копатели» с разрешения исламистов ведут археологические раскопки с применением бульдозеров, полностью уничтожая памятники археологии. За разрешение на свою деятельность они платят боевикам «Исламского государства» (ИГ) 20% от стоимости найденных древних артефактов. При этом ИГ назначает уполномоченных, которые контролируют «черные раскопки» и ведут тщательный учет извлекаемых находок.

Выясняется, что рынки сбыта «кровавого антиквариата» процветают и в Европе. Международный совет музеев назвал Германию «Эльдорадо незаконной торговли культурными артефактами из Сирии и Ирака», а Мюнхен — транзитным хабом похищенных артефактов для коллекционеров и стран-членов Евросоюза. За последние два года импорт сирийских древностей в США вырос на 133%. Объекты, обозначенные как «ремесленные изделия», проходят через американскую таможенную почти без всякого контроля. Некоторые похищенные в Сирии артефакты, по данным Дженрика, появились и на международном интернет-аукционе eBay. «Существует вероятность того, что большая часть награбленных древних артефактов еще не выставлена на продажу, а складывается впрок, для того, чтобы появиться на рынке чуть позже, когда Сирия перестанет привлекать пристальное внимание международной общественности», — убежден парламентарий [8].

Согласно другому сообщению BBC, некоторые жители Сирии сами доверили исторические ценности Британскому музею, который не раскрывает информацию о том, что именно он собирает. Директор Британского музея Нил Макгрегор считает, что Британии давно пора ратифи-

цировать Гаагскую конвенцию о культурных ценностях. «Это очень серьезный вопрос: должны ли мы помогать сохранению и спасению достоинства другой страны, - говорит Макгрегор. - На этот счет имеется важный международный договор — Гаагская Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. И Британия — единственная страна-член Совета Безопасности ООН, которая эту конвенцию не ратифицировала». С призывом о ратификации конвенции, подписанной еще в 1954 году, к британскому правительству уже обращались многие известные люди, а министр культуры теневого кабинета лейбористов Крис Брайант даже заявил, что его партия ратует за немедленную ратификацию этого международного акта.

В свою очередь представитель министерства по делам культуры, СМИ и спорта Великобритании заверил, что «правительство рассматривает вопрос ратификации конвенции, как только у парламентариев будет на это время». Как рассказал Макгрегор в интервью BBC, сотрудники музея сохраняют немало предметов старины, вывезенных из зон конфликтов, чтобы вернуть их на родину, когда там будет восстановлен порядок. «Мы играем важную роль в деле сохранения нелегально вывезенных предметов, - подчеркнул директор музея. — Мы сделали это в Афганистане, и теперь возвращаем туда артефакты. И вот теперь мы храним один важный экспонат, нелегально вывезенный из Сирии, и однажды мы вернем его домой» [9].

По сообщению BBC News, восстановлением памятников культуры, разрушенных во время террористических атак «Исламского государства», уже начали заниматься так называемые киберархеологи. Специалисты применяют технологию фотограмметрии, которая позволяет преобразовать обычные фотографии в объемные модели и рассмотреть уничтоженные памятники в трехмерном изображении. На данный момент виртуально воссоздано пятнадцать разрушенных объектов. Специально для этого был запущен проект «Мосул», в рамках которого все желающие могли прислать свои снимки ранее существующих архитектурных памятников. Кроме того, для создания 3D-моделей киберархеологи использовали видеозаписи исламских террористов.

Трагедия заключается в том, что восстановление, виртуальное или, тем более, реальное,

требует куда больше времени и усилий, чем разрушение. 20 мая отряды ИГИЛ захватили город-объект Списка Всемирного наследия ЮНЕСКО. «Даже если пять террористов окажутся в городе, они в состоянии уничтожить все!» – заявил ответственный за сохранность памятников в Сирии Мамун Абдулкарим. Эксперт призывает к помощи международное сообщество. По его словам, «у стен античной Пальмиры идет битва между цивилизацией и варварством». Перед вторжением террористов на территорию Пальмиры сирийской армии удалось эвакуировать местных жителей и часть древних артефактов. Однако, как отметил Абдулкарим, в случае храмовых комплексов или древних захоронений «никакая эвакуация невозможна». В первые дни захвата города, по сообщению Сирийского национального телеканала, боевики ИГИЛа казнили 400 мирных граждан [10].

Арабский канал «Аль-Джазира» акцентирует свое внимание на том, что падение древнего города «открывает путь для продвижения вооруженных группировок к ключевым районам, удерживаемым властями Сирии». Город Пальмира расположен в центральной провинции Сирии Хомс, в 210 километрах к востоку от столицы страны Дамаска, в пустыне, простирающейся от иракской границы. Итог наступления ИГ на Пальмиру заключается еще и в том, что боевики получили доступ к нефтяным и газовым месторождениям. По данным «Аль-Джазир», исламистам уже удалось захватить газовые месторождения Арк и Хэйль, сирийская армия продолжает пока отбивать атаки в районе нефтяной станции «Т-3» и нефтепромысла Джезаль [11].

Разрастающийся рынок бесценных сокровищ этой древней земли может привести к продолжению и интенсификации конфликта, передает CNN. Кроме того, разграбление археологических мест лишает Сирию шанса рассчитывать на экономический бум, основой которого по окончании конфликта стал бы туризм. Всем шести достопримечательностям Сирии, внесенным в список ЮНЕСКО, нанесен урон ракетами, танками и стрелковым оружием, сообщает телеканал. «Ответственность за разрушение культурного наследия лежит на обеих сторонах конфликта: на армии, которая обстреливает древние крепости, и на повстанцах, которые прячутся в них», – лейтмотив репортажей. При этом и

режим Асада, и повстанцы активно используют разрушение сирийского наследия в пропагандистских целях. Режим обвиняет Свободную сирийскую армию в грабежах, а оппозиция подчеркивает использование армией тяжелой артиллерии против исторических памятников [12].

Таким образом, все чаще поступает противоречивая информация о судьбе археологических ценностей Сирии. Сирийское общество охраны древностей, основанное Францией, подчеркнуло, что было разграблено более 12 из 36 сирийских музеев. Очевидно, что разграбление памятников истории и древних артефактов в Сирии исламистами приняло промышленные масштабы. Боевики «Исламского государства» разграбили и разрушили с начала кризиса около 750 объектов культурного наследия по всей территории Сирии. Пальмира, древние развалины которого – один из шести объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в Сирии, перешел под контроль боевиков в середине мая 2015 г.

Ранее ЮНЕСКО сформировала специальные «силы реагирования», которые примут участие в международной кампании по восстановлению памятников древности, пострадавших от военных действий в арабских странах. Совет Безопасности ООН 12 февраля по инициативе РФ принял резолюцию 2199, призванную укрепить запрет на торговлю древностями и культурными ценностями, используемую для финансирования терроризма.

Партнеры по коалиции выражают свою поддержку плану действий ЮНЕСКО по сохранению культурного наследия в Сирии и Ираке, резолюции ЮНЕСКО о культуре в зонах конфликта и применению резолюции 2199 СБ ООН в части компетенций ЮНЕСКО», – говорится в заявлении, подписанном главой МИД Франции Лораном Фабиусом, премьер-министром Ирака Хайдером Аль-Абади и госсекретарем США Джоном Керри [13].

В этих условиях крайне важно, чтобы средства массовой информации повышали уровень осведомленности общественности о кризисе культурного наследия Сирии. Торговцы и покупатели предметов искусства должны быть поставлены в известность относительно риска, связанного с незаконным оборотом культурных ценностей. Речь идет не только о материальном культурном наследии. Это особая форма войны, нацеленная на полное уничтожение са-

мобильности и идентичности. Древние памятники Сирии уникальны тем, что сочетают в себе влияние сразу нескольких культур. Это символ космополитизма, мультикультурализма и многоязычия.

Литература

1. Damage to Timbuktu's cultural heritage worse than first estimated reports UNESCO mission [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://unesco.ru/ru/?module=news&action=view&id=401>.
2. ЮНЕСКО создаст Обсерваторию в целях охраны культурного наследия Сирии [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://unesco.ru/ru/?module=news&action=print&id=581>
3. ИГИЛ занимается контрабандой исторических ценностей из Сирии и Ирака [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.ft.com/home/europe>
4. Боевики ИГИЛ продают награбленные древности через интернет [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/uk/2014/06/140616_uk_outlaws_isis
5. ИГИЛ грабит Сирию и продает предметы искусства в Лондоне, чтобы финансировать свою борьбу [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/rolling_news/2013/02/130210_rm_jordan_ramta_antiquities
6. Контрабанда древностей – очередной источник дохода ИГ [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/persian/arts/2015/03/150304_i41_cultural_heritage_isis_smuggling
7. ИГИЛ грабит Сирию и продает предметы искусства в Лондоне, чтобы финансировать свою борьбу [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/rolling_news/2013/02/130210_rm_jordan_ramta_antiquities
8. «Исламское государство» получает «долю» от разграбления памятников истории в Сирии. <http://www.regnum.ru/news/polit/1891370.html>
9. Британский музей бережет сокровище, похищенное в Сирии [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/uk/2015/06/150605_british_museum_safekeeps_syrian_artefacts
10. Памятники Пальмиры целы, несмотря на захват города «ИГ», обнадеежили сирийские власти [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.newsru.com/world/26may2015/palmira.html>
11. Исламское государство контролирует весь город Пальмира [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.aljazeera.com/news/2015/06/isis-ancient-shrines-syria-palmyra-150623234538378.html>
12. Разграбленная сирийская история: как древние артефакты обмениваются на оружие [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://world.time.com/2012/09/12/syrias-looted-past-how-ancient-artifacts-are-being-traded-for-guns/#ixzz26KWilzFq>
13. Коалиция по борьбе с ИГ за усилия ЮНЕСКО защитить наследия культуры [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sc/documents/volumes/>

Профиль состояния взрослости

Николаева А. Ю.

В статье анализируются возможности понятия «состояние взрослости», с точки зрения его интерпретации в дискурсе «новой событийности» жизни взрослого. Интерпретируются данные, полученные на основе авторской методики. Предлагается модель состояния взрослости и содержательное наполнение компонентов состояния взрослости.

Ключевые слова: состояние взрослости, субъект состояния взрослости, образы взрослости, переживания взрослости, отношения взрослости, символы взрослости.

Nikolaeva A.Y.

The relief status of adulthood

The article analyzes the possibilities of the concept of «state of maturity» from the point of view of its interpretation in the discourse of the «new eventfulness» of adult life. Interpreted data obtained on the basis of the author's methodology. A model of the state of adulthood and substance for the state component of state of maturity.

Key words: state of maturity, the subject of the status of maturity, images of maturity, maturity perceptions, maturity relationships, symbols of maturity.

Теоретико-методологическое и практическое развитие современной психологии, определяемое с точки зрения перспектив психологии в решении задач российского общества, направлено на решение стратегически важной задачи оптимизации психологического состояния общества. Одним из условий понимания психологии человека является поиск образа человека, который возможно инкорпорировать в модели развития общества. Образ (или модель) человека, разрабатываемый современной психологией должен быть представлен не как постоянный и неизменный, а как принимающий различные состояния, зависимые от социальной и культурной среды, но не редуцируемые к социальным и культурным отношениям. Состояния психосоциального человека подчиняются внутренним закономерностям, преломляющим средовые влияния, что придает им определенную устойчивость и способность сопротивляться внешним воздействиям [1].

Традиционно принятый в российской культуре способ поведения, ориентированный на кооперацию, сотрудничество, доверие, внутрисемейные связи в условиях конкуренции, соревновательности, индивидуализации приводит, зачастую, к эмоциональной неудовлетворенности, неопределенности, неуверенности, социальной изоляции, потере семейных и дружеских связей. Противоречие заключается в расхождении желания быть полноценным участником общественной жизни и одновременно пе-

редать ответственность за решение жизненных трудностей социальному окружению, государству. Развитие не столько индивидуального, сколько субъектного потенциала, на наш взгляд, могло бы быть одним из решений сложившегося противоречия.

Проблема взрослости стоит особенно остро в связи с бытием человека в «новой реальности», речь идет о «гиперреальности» (Ж.Бодрийяр), о «киберпространстве» (У.Гибсон), «виртуализации» современного общества (Ю.П.Зинченко). С одной стороны, субъектность личности возрастает, так как упрощается доступ к «глобальным воплощениям» своего ментального продукта. Благодаря технологиям виртуальной реальности, ментальная конструкция отдельного человека потенциально более субъектна, отдельный человек более активный агент воздействия на структурирование событий. С другой стороны, виртуализация отношений личности таит опасность симуляции ее субъектности или искажения субъектной ориентированности из-за отсутствия истинного диалога с другим. Таким образом, основная проблема человека быть субъектом тех многообразных бытийных пространств, в реорганизации которых он утверждает себя [5].

По-новому осмысливается игра, ее значение в становлении взрослости. Игра в экзистенциальном измерении обнаруживает способность человека к самопревосхождению, самоконструированию и изменению собственной темпоральности и топоса и темпоральности и топоса окружающего мира. Игра позволяет человеку овладеть такими своими состояниями, о самой возможности которых человек не догадывался.

В то же время игрушечная жизнь внутри компьютерных игр, блеск персонажей рекламы обесценивает взрослость, создает иллюзию того, что оставаясь ребенком или как минимум молодым в душе можно прожить жизнь, не задумываясь о последствиях. Остаются без внимания жизненные реалии мира взрослых.

Спонтанности и эмоциональности противопоставляется рационализация деятельности. Спонтанность является необходимым условием творческой самореализации личности. При благоприятных условиях спонтанность является основой самостоятельности, самодисциплины, внутренней свободы, более ценного и глубокого переживания жизни. При неблагоприят-

ных условиях спонтанность становится основой инфантилизма.

Социальная инфантильность – состояние рассогласования между биологическим и социальным возрастом. Инфантилизм является защитной реакцией на неспособность справиться с семантическим шоком, когда с одной стороны выдвигаются требования к взрослости, самостоятельности, а с другой – предоставляются материальные блага и негласное послание оставаться зависимым.

Современная семья сталкивается с проблемами внутренне противоречивого развития ребенка. В качественно новой, семиотически неоднородной жизненной среде, которая включает в себя принципиально различные социотексты и коммуникативные поля, множество моделей социального поведения усложняется и затрудняется становление социальной и индивидуальной идентичности, интериоризация социокультурных кодов поведения, выработка собственных стратегий и форм взаимодействия со значимыми другими. Наряду с развитием интеллектуальных и творческих способностей детей прослеживается инфантилизация, снижение темпов и уровня развития мотивационно-волевой сферы, воображения, возрастание нервно-психической напряженности, затруднения в формировании коммуникативной компетентности. Возрастает число детей с проблемным течением психического развития, с нарушениями социализации. Влияние информационной среды и масс-медиа становится фактором риска возникновения информационной и игровой зависимости (Фельдштейн Д.И., 2012).

Неразрешенные детские проблемы инфантилизируют взрослость, блокируя становление аутентичного субъекта взрослости [6].

Актуальность конвергенции понятий взрослость и субъект, создание проблемного поля взаимодействия этих понятий определена вызовами, которые бросает психологической науке бурно развивающаяся практика психологического сопровождения жизнедеятельности.

Живущий активной жизнью мир, отраженный как информационно насыщенная, открытая внешняя среда, находится в противоречии с неразвитостью категориальной системы, способной обозначить предлагаемую реальность, адекватно реагировать на нее (об этом свидетельствует, например, рубрика

«pocomments»). Интернет делает доступной информацию не только о событиях, происходящих во внешнем мире, но и предлагает обилие фото- и видеоматериалов о ранее интимном и сокровенном внутреннем мире, что требует от современного человека психологической компетентности для анализа происходящего.

Становление субъектности в постиндустриальную эпоху происходит в качественно новых условиях информатизации и виртуализации жизненной среды. Закономерности и язык виртуального мира проникают в социокультурную среду и жизненный мир личности. Традиционная «гуманитарная» культура, которая транслировалась посредством рационально организованного процесса познания вытесняется «мозаичной» культурой, имеющей неупорядоченный, случайный характер (Моль, 1995).

Взрослость – наиболее длительный, ответственный, фокусирующий на себе результативность жизни этап онтогенеза. Понимание взрослости в современной психологии недостаточно дифференцировано от биологизаторского и социологизаторского критериев. Факт размытости хронологических границ взрослости от 20 до 60-65 лет, говорит о субъективной принадлежности этого состояния и относительно биологических критериев, включая половую зрелость и возможность деторождения.

Социальные показатели взрослости более надежны, но и они порой иллюзорны, когда социально состоявшийся человек, финансово независимый, семейный, имеющий детей, ощущает внутреннюю опустошенность и нереализованность. Психологическая практика показывает, что подавляющее большинство обращающихся за психологической помощью – с точки зрения социума, казалось бы, взрослые, самостоятельные, благополучные и даже состоявшиеся люди. Однако, несмотря на возраст, они все еще находятся под прессингом неразрешенных юношеских конфликтов, драматических детских переживаний, жизненных страхов и иллюзий.

Взрослость описывается либо в терминах универсального, единого подхода, единой природы, универсальных законов, либо сопоставляется с множественностью, многообразием онтологий, темпоральностей, модальностей, ипостасей, состояний (экстазисов).

Взрослый период является наиболее продолжительным и наиболее продуктивным периодом развития человека. Несмотря на признание важности более комплексного его изучения, исследований, касающихся специфики развития взрослого, субъективной взрослости в настоящее время все еще недостаточно.

Специфика развития взрослого человека состоит в том, что он решает уже не учебные, а собственные жизненные задачи. Взрослый всегда имеет определенное представление о собственной жизни, включающее события индивидуально-психологического, биологического, исторического характера и охватывающее его прошлое, настоящее и будущее. В связи с этим, наиболее адекватно изучать развитие во взрослости через анализ жизненного пути, личностного развития и саморазвития, субъективную оценку состояния взрослости, что становится особенно актуальным в эпоху социальных перемен и усложнения, интенсификации общественной жизни. В настоящее время психологическая теория и практика нуждается в разработке закономерностей изменения субъективного представления о собственной жизни в различные возрастные периоды.

Очевидно, *homo sociologicus*, мотивированный моральными и социальными нормами, должен ужиться с *homo eocopicus*, стремящемуся к личному гедонистическому удовлетворению, а также с *homo subjecticus*, реально оценивающему «субъективную стоимость» денег, социальных требований и социальных благ.

В исследованиях Мамычевой Д.И. отмечается динамика восприятия детства и взрослости. От восприятия детства как самобытной субкультуры через идею равноправия альтернатив мировоззрения ребенка и взрослого к восприятию детства как Другого, онтологически необходимого взрослому. Таким образом, опыт детства выполняет структурирующую роль множественности альтернативных, не сводимых друг к другу внутренних пространств в самосознании взрослого. Идея «внутреннего ребенка», разрабатываемая психоанализом, постулирует возможность сосуществования детскости и взрослости, способствуя расширению внутреннего пространства взрослого субъекта.

По мнению Мамычевой Д.И., тенденциями в мире современных взрослых являются вариативность стилей жизни, утрата личностного

смысла, необходимость постоянного повышения профессионализации, приоритет креативности над функционированием, что вызывает предположение о появлении «новой взрослой событийности», «нового способа жизни». Эта «новая событийность» представлена кризисом взрослости как зрелости и ответственности, развенчанием образа «сложившегося» индивида. Критерии зрелости, сформированные опытом предшествующих поколений (семейное положение, линейная карьера, целенаправленное накопление капитала, т.е. совершенство основных выборов на раннем этапе), не встречают прямых аналогов в опыте настоящем [3].

Специфику взглядов на взрослость в новое время отмечает и Н.А.Рыбакова, которая пишет о двух формах прохождения человека по возрастному ряду. Первая, известная с древнейших времен, имеет форму круга, жизненный цикл завершается уподоблением ребенку. Вторая форма характеризуется сохранением всех потенциалов человека, и старый человек также входит в категорию взрослых [4].

Динамичная социальная жизнь в России в последние десятилетия ведет к размыванию границ традиционных периодов жизни. Это характерно и для других обществ. Так, американские психологи, в частности, Грэйс Крайг, пишет об отсутствии возрастных маркеров и обращению к понятиям возрастных часов и социальных норм. Возрастные часы выступают в качестве внутренней временной диаграммы, структурирующей время жизни, своего рода расписанием жизни. Сверяясь с ними можно определить насколько медленно или быстро продвигается человек относительно социальных норм. Однако, возрастные часы тоже подвижны. Можно вернуться к учебе в 35, 40 и более лет, а вступить в брак и развестись на протяжении всей жизни.

Таким образом, мировой тенденцией является движение к безразличному к возрасту обществу, члены которого, независимо от возраста вовлечены в разнообразную деятельность и в широкий круг событий. Стабильностью обладает лишь оппозиция «ребенок-взрослый».

Проблематизируется состояние психологической взрослости и высокими требованиями, предъявляемыми к социальной и психологической зрелости человека. Эклектика аксиосферы ведет к попыткам подвергнуть сомнению онто-

логическую самодостаточность взрослости, провоцирует социальный нигилизм, инфантилизацию, иждивенчество, девиантное поведение. Современная ситуация жизнедеятельности взрослых характеризуется «постфигуративностью» (М.Мид), «смешанными линиями развития» (А.Г.Асмолов, В.А.Вагнер), «надситуативной активностью» (В.А.Петровский), что накладывает отпечаток на организацию пространства и времени взрослости.

Субъектная модель состояния взрослости должна предполагать возможность полиидентичности личности, многообразии исторических и современных культурных ориентиров, пребывание на нескольких уровнях бытия одновременно (скольжение через границы событий, эмоций, смыслов, символов), политемпоральность и полиморфность взрослости, нелинейность жизненного пространства взрослости, актуализация бинарных оппозиций: субъект-объект, сознание-бессознательное; мое-чужое; подлинное-ложное; эго-синтонное — эго-дистонное; аутентичное-идентичное [2].

Необходима модель субъективного состояния взрослости, формирующейся с самого рождения человека дающая возможность самоосуществления человеческого в человеке в условиях динамичной общественной трансформации. На наш взгляд это может быть модель динамичного состояния взрослости.

Взрослость должна связываться не столько с достижением определенного возраста или статуса в обществе, уровнем освоения семейных или профессиональных ролей, а со становлением субъектности человека: формированием оценки себя и собственного поведения как поведения взрослого, самоощущением взрослости

Субъект взрослости, на наш взгляд, наиболее объемлющая характеристика, дающая возможность увидеть состояние взрослости, дать ему более объективную интерпретацию. На уровне новообразований взрослости именно субъект занимает ведущее, доминирующее место. Статус субъекта в состоянии взрослости объединяет в себе не только идентичность личности, но и возможность разотождествления без потери себя, как контейнирующая структура при поиске более адекватных паттернов контакта с изменяющейся

Субъективное состояние взрослости исследовалось с помощью авторской методики «Ре-

Рис. 1. Модель состояния субъективной зрелости.

льеф субъективного состояния зрелости». Методика направлена на изучение основных сторон субъективного состояния зрелости: образов зрелости, переживаний зрелости, отношений зрелости и символизаций зрелости. Субъективное состояние зрелости оценивалось со стороны его компонентов, их интенсивности и изменений.

На основе полученных данных была сконструирована модель состояния зрелости

Структура субъективной зрелости представлена комплексом образов, переживаний, отношений и символов зрелости. В модели отражены тесные взаимосвязи, взаимопереходы между этими компонентами.

Образы зрелости появляются на ранних этапах онтогенеза и изменяются в течение жизни, в соответствии с внешними и внутренними условиями. Это могут быть образы (целостные или фрагментарные) значимых взрослых в раннем детстве, авторитетов и героев в подростковом возрасте, объектов идентификации в юности, и, наконец образ собственно себя в зрелости. Переживания и отношения зрелости имплицитно включаются в образ, обогащая его содержание, включая его в систему чувственных отношений. Символы зрелости могут представлять собой как бессознательные структуры, обозначающие субъективные смыслы, так и экзистенциальные ценности, которые могут как декларироваться, так и иметь жизненное значение. Как уже отмечалось ранее, психическое отражение и образ, как его результат представляют собой систему разномодальных, разноуровневых компонентов, в которую входят в единстве и взаимодействии телесные и эмоциональные ощущения, мыслительно-понятийное, со-

циально-личностное и экзистенциально-духовное отражение. Образ-средство, предметная опора, обеспечивает визуализацию определенного перцептивного образа, как своеобразного «ключа», позволяющего войти в определенное психическое состояние, так, например, образ зрелости у детей и подростков. Образ позволяет преобразовывать состояние не только объектов внешнепредметной деятельности, но и внутреннее, ментальное состояние самого субъекта. Давая возможность субъекту сознательно перейти в иное психическое состояние, образ есть еще и отражение, и средство произвольной или произвольной регуляции психического состояния[64].

Под образом зрелости понимается субъективная картина зрелости или фрагментов зрелости, включающая самого субъекта, других людей, пространство и время событий, это субъективная представленность зрелости, обусловленная как чувственно переживаемыми предметами и явлениями взрослого мира, так и гипотетическими конструктами (средняя оценка в целом по блоку «Образ зрелости» 8,6 по 11-балльной шкале).

Наиболее значимыми для собственной зрелости является образ собственно Я и сообществ людей (первый ранг, средняя оценка 8,9). Второй ранг, со средней оценкой 8,8 у ответственности. Третий ранг, средняя оценка 8,7 отдается взрослыми самостоятельности, семье, желаниям, потребностям, возможностям. Четвертый ранг (средняя оценка 8,5) отдан работе, занятости делом, финансам и положению. Пятый ранг (средняя оценка 8,3) в образе зрелости получили представления о мире. Последний шестой ранг (средняя оценка 8,2) заняли представления о жизни и опыт, знания, умения, восприятие, осознание.

Переживание зрелости (средняя оценка 7,4) или чувство зрелости, начиная с подросткового возраста определяется потребностью в уважении, доверии, близости, признании самостоятельности, права на собственную позицию. Переживание - это особое, субъективное, пристрастное отражение, причем отражение не окружающего предметного мира самого по себе, а мира, взятого в отношении к субъекту, с точки зрения предоставляемых им (миром) возможностей удовлетворения актуальных мотивов и потребностей взрослого субъекта. Л.С.Выготский

считал переживания динамичными единицами сознания, в которых представлена личность. Ф.Е.Василюк обращал внимание на особые жизненные ситуации, разрешение которых возможно только при помощи переживания. Переживания по поводу взрослости имеют самый низкий средний показатель по сравнению с другими блоками. Это свидетельство того, что переживания (эмоции, чувства) не являются ведущими в состоянии взрослости, сама взрослость не воспринимается как критическое состояние.

Радость – ведущее переживание состояния взрослости. Это основная положительная эмоция человека, внутреннее чувство удовлетворения, удовольствия и счастья. Радости (средняя оценка 8,6) присвоен первый ранг. Второй ранг (средняя оценка 8,4) имеет необходимость. Третий ранг имеют переживания высоты, глубины, полноты (средняя оценка 8,1). Переживанию агрессии (средняя оценка 7,7) присвоен четвертый ранг. Пятый ранг (средняя оценка 7,6) присвоен переживанию удовлетворенности. Шестой ранг имеет переживание четкости (средняя оценка 7,4). Четкость – ясность переживания эмоций, осознание их субъективной ценности. Седьмой ранг (средняя оценка 7) присвоен активности. Восьмой ранг (средняя оценка 6,9) имеют тревоги и страхи взрослости. Девятый ранг (средняя оценка 6,4) имеет подчинение. Десятый ранг (средняя оценка 6,2) имеет переживание по-другому, по-иному, инаковое.

Отношения, по мнению В.Н.Мясищевой, в их субъективном виде формируются в макро- и микробытии человека, создавая ту субъективную «призму», через которую неповторимо, своеобразно, в каждом случае преломляются все воздействия, которым подвергается живой, действующий человек. Отношение как связь субъекта с объектом едино, однако имеет структуру, отдельные компоненты которой могут выступать как частичные отношения, его стороны, или виды. Оно определяется рядом признаков: избирательностью, активностью, целостно-личностным характером, сознательностью. Истинные отношения человека к взрослости проявляются в полной мере тогда, когда человек начинает действовать в субъективно значимых для него ситуациях. Отношения взрослости получили среднюю оценку 7,8.

Наиболее выраженными отношениями взрослости являются отношения власти, позво-

ляющие управлять, распоряжаться, контролировать, организовывать, они имеют первый ранг (средняя оценка 9,4). Второй ранг (средняя оценка 9,1) имеют связанные с предыдущими отношения ограничения, разграничения. Третий ранг (средняя оценка 8,5) имеют отношения, связанные анализированием, чувствованием, осознанием событий, ситуаций, поведения других людей. Четвертый ранг заняли отношения доверия и отдачи (средняя оценка 8,4). Пятый ранг (средняя оценка 8,1) заняли отношения созидания, проявления, представления, поиска. Шестой ранг со средней оценкой 7,4 присвоен отношениям заботы, помощи, опеки, удовлетворения чьих-то нужд и отношения зависимости. Седьмой ранг (средняя оценка 7,2) у отношений принятия, взятия. Низкий ранг этих отношений может быть связан с проблемностью принятия реальности без искажений и иллюзий. Восьмой ранг (средняя оценка 4,5) у отношений участия.

Символы взрослости рассматриваются нами как категории, в которых актуализировано трансцендентное, чувственное и сверхчувственное. Истокование содержания символа требует вживания, чувствования, наития, интуитивного прозрения. Вслед за Н.А.Бердяевым, мы рассматриваем символ как посредник между реальностью и метафизическим бытием (между объективной и субъективной реальностью). Символ актуализирует смысл вне предметности (может соединяться с разными предметами), вне житейской конкретности (может реализовываться в фантазийных образах, сновидениях), вне жизненной судьбы (имеет отношение к нереализованным потенциалам). В психоанализе символ выражает скрытое содержание.

Символы взрослости имеют среднюю оценку 8,7. Высший ранг в блоке символов взрослости занимает серьезность (средняя оценка 9,7) Второй ранг (со средней оценкой 9,1) имеет защита. Третий ранг (средняя оценка 9,0) имеют выбор и зрелость. Четвертый ранг (средняя оценка 8,6) имеет развитие и саморазвитие. Пятый ранг (средняя оценка 8,5) имеет продуктивность. Шестой ранг со средней оценкой 8,4 имеют свобода, терпение и самость. Седьмой ранг (средняя оценка 8,3) имеют трудности и противоречия.

Таким образом, состояние взрослости символизировано серьезностью, глубиной и осоз-

нанностью поступков, ответственностью, ответственностью, внимательностью. Отношения субъекта взрослости связаны с управлением объектами для достижения цели, планирования, организации и контроля, активного изменения. Состояние взрослости несет в себе ясные, четкие рамки, в то числе ограничений, установления границ дозволенного, разграничения пространства существования. Субъект взрослости ориентирован на сохранение и защиту стабильности, идентичности, самооценки личности, образа Я и мира, устранения или сведения к минимуму негативных, травмирующих переживаний, тревоги, дискомфорта. Зрелость состояния взрослости предполагает конструктивность, адаптацию к изменениям, удовлетворение от того, что отдаешь и получаешь, умение понимать людей, любить. Это состояние выбора, избирательного предпочтения одного и отвержения другого.

Для взрослости существенны субъективно значимые сообщества людей, занимающихся общим делом, имеющих общие интересы и вкусы, жизненные принципы. Возможность реализации состояния взрослости предполагает осознание представления о себе, образ собственного Я, относительно устойчивый, не всегда осознаваемый, переживаемый как рефлексивное знание о самом себе.

Образ семьи – компонент состояния взрослости, включающий взаимоотношения в семье, особенности членов семьи, семейные ценности, традиции, праздники, будни, деятельность. Семья, через отношения участия, сочувствия, помощи, дает пространство для зарождения и поддержки желаний, потребностей, возможностей осуществления и обладания тем, без чего невозможно обойтись. В близких отношениях происходит формирование самостоятельности на основе представления о своей отдельности, независимости от других, решительности, инициативности, совершении жизни собственными силами, без посторонних влияний; принятие инаковости, своеобразия, непохожести, отдельности.

В состоянии взрослости существуют интенции для становления самости, глубинного центра, выражающего психологическую целостность, объединяющую сознательную и бессознательную части психики, вычленяющую индивиду из окружающего мира.

Состояние взрослости сопровождается радостью, чувством удовлетворения, удовольствия и счастья.

Взрослость предполагает дальнейшее развитие, но уже из собственного источника, в направлении усложнения, повышения адаптивных возможностей, появления новых функций.

В состоянии взрослости включено представление о совместной деятельности, о желаемой работе, собственном деле, удовлетворяющем финансовом и социальном положении. Взрослость реализуется через продуктивность, созидание полезного, путем концентрации на поставленной задаче. Взрослость принимает как неизбежность отношения зависимости, подневольности, подвластности, потери контроля, вплоть до привычки совершать действия, не смотря на последствия, отношения подчинения, вынужденного или оправдываемого обстоятельствами, отказа от собственных волевых установок, следования указаниям извне.

Продуктивность взрослости создается активным психическим напряжением, через анализирование, чувствование, ощущения, восприятия внешнего воздействия, принятие и осознание отражаемого.

Взрослость принимает необходимость и неизбежность событий реального мира. Это требует терпения, толерантности к боли, бедам, скорби, несчастьям жизни; совладания с переживаниями сильных, негативных аффектов, тревоги, напряжения, чувства опасности и неудачи, со страхом перед существующей опасностью или чрезвычайными обстоятельствами, угрожающими жизни.

Невозможно прожить жизнь без преодоления трудностей, противоречий, препятствий, затруднений, сложностей, противостояния двух отрицающих друг друга сущностей, создающих проблемы. Для решения проблем состояние взрослости оснащено опытом, знаниями, умениями в восприятии и осознании, являющимися результатом деятельности, проверенным на практике. Опыт дается переживанием высоты, глубины, полноты взаимодействия с действительностью, через доступность чувств любой направленности, глубины, устойчивости, побудительной силы. В том числе и переживания агрессии, активных форм гнева, в случае причинения человеку ущерба, боли, страдания, вреда. Состояние взрослости позволяет интегри-

ровать оценку успешности и адаптированности к имеющимся жизненным условиям, эмоциональное переживание удовлетворенности потребностей субъекта.

Состояние взрослости несет в себе символ свободы, когда определяющей причиной является сам субъект, освобожденный от ограничений и запретов: природных, социальных, межличностных, индивидуально-родовых факторов. Взрослость направлена на творчество, построение, появление, представление, поиск нового. Свобода, творчество опираются на доверие, веру в добросовестность, искренность, правильность сущего. Картина мира включена в состояние взрослости как целостная многоуровневая система представлений о мире, людях, себе, своей деятельности.

Обращение к времени и пространству жизни дает представление о сущности собственной жизни, направленности, своем предназначении, авторстве собственной жизни.

Литература

1. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Перспективы психологии в решении задач российского общества. Часть II. Концептуальные основания // Психологический журнал. 2013. Т.34. №2. С. 70-86.

2. Игнатова Н. Ю. Онтология взрослости: опыт философской реконструкции: дис... к-та филос. наук: 09.00.13 Екатеринбург, 1999.

3. Мамычева Д.И. «Детство» и «взрослость»: взаимопроникновение опытов // Антропология творческой субъективности и креативности. Коллективная монография. / Отв. редактор О. К. Румянцев. – СПб: Эйдос, 2013. – 310 с. С. 224- 234).

4. Рыбакова Н.А. Взрослость – базисная категория андрогогики // Профессиональное развитие педагога в системе постдипломного образования: Материалы IX областной научно-практической конференции 27-29 ноября 2001 г.: В 2ч./Под ред. Н.С.Рыбакова.- Ч.1.- Псков: ПО-ИПКРО, 2002.-С.18-23

5. Рябикина З.И. Исследование бытия личности и ее со-бытия с теоретико-методологических позиций психологии субъекта // Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию А.В.Брушлинского 10–11 октября 2013 г. / Под ред. редакторы А.Л.Журавлев, Е.А.Сергиенко М., 2013. Том 1. С.430-433.

6. Shapiro, M. K. (1988). *Second childhood: Hypno-play therapy with age-regressed adults*. New York: Norton.

Социальная профилактика девиантного поведения детей и подростков

Сорокина И.Р.

В статье говорится о содержании работы социального педагога в школе и в клубе по месту жительства в вопросе профилактики девиантного поведения детей и подростков, подчеркивается целесообразность взаимодействия школы и клуба по месту жительства, раскрывается сущность педагогической профилактики. Ключевые слова: профилактика, отклоняющееся поведение, клубы по месту жительства, социальный педагог, педагогическая профилактика, взаимодействие школы и клуба по месту жительства.

Sorokina I. R.

Social prevention of deviant behavior of children and adolescents

In article it is told about the content of work of the social teacher at school and in club in a residence in a question of prevention of deviant behavior of children and teenagers, expediency of interaction of school and club in a residence is emphasized, the essence of pedagogical prevention reveals.

Key words: prevention, deviant behavior, clubs in a residence, the social teacher, pedagogical prevention, interaction of school and club in a residence.

Социальный педагог - специалист, организуемый воспитательную работу с детьми, молодежью и взрослыми людьми в различных социокультурных средах (семья, учебное заведение, дошкольное учреждение, детский дом, приют, трудовой коллектив, учреждение дополнительного образования и др.) [3, С.6].

В образовательных учреждениях занимается профилактикой девиантного поведения, работой с семьями учащихся, защитой прав и интересов детей, в том числе и в судебном порядке, работой с опекаемыми детьми и т.д. Работая с классными руководителями в отношении неуспевающих и не посещающих занятия детей, пополняет базу данных на детей, стоящих на учете в ПДН, относящихся к категории «группы риска».

Наиболее приоритетным направлением в образовательных учреждениях является профилактика отклоняющегося поведения. Девиантное поведение – поступок, деятельность человека не соответствующая официально установленным и фактически сложившимся в данном обществе нормам [2, С. 15]. В нашей стране накоплен немалый опыт по профилактике девиантного поведения. Этому посвящены работы М.И. Бобнева, А.Н. Ивина, В.Д. Плахова, В.М. Бехтерева, А.М. Яковлева, Ю.А. Клейберга, Н.П. Дубинина, И.И. Карпец и др.

Профилактика – это совокупность государственных, общественных, социально-медицинских и организационно-воспитательных мероприятий, направленных на предупреждение, устранение или нейтрализацию основных причин и условий, вызывающих различного рода социальные отклонения в поведении человека [3, С. 21]. Для многих подростков характерна ориентация на личное материальное благополучие, на действие по его обеспечению, на самоутверждение любой ценой и любыми средствами.

Для того чтобы выявить склонность учащихся к отклоняющемуся поведению, нами были использованы методики: «Модифицированный вариант опросника «Решение трудных ситуаций» (РТС)», «Методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (А.Н. Орел)» и «Схема изучения

социальной истории личности». Исследование проводилось на базе СОШ №2 г. Владимира, в нем принимали участие 35 учащихся 7-8 классов.

Результаты исследования показали, что 11 человек (31%) прибегают к вербальной агрессии, т.е. причинение психологического вреда с использованием преимущественно вокальных (крик, изменение тона) и вербальных компонентов речи (инвектива, оскорбления и т. п.); 10 человек (28%) при решении трудных ситуаций склонны к наркотизации т.е. склонны к употреблению психоактивных веществ (сигареты, алкоголь, лекарства) с целью успокоить себя, уйти от решения проблем; 7 человек (20%) испытывают агрессию к людям т.е. склонны при столкновении с проблемой срывать свой гнев на окружающих, применять физическую силу. Анализируя социальную историю личности, выявили, что 8 человек относятся к «группе риска», 2 человека стоят на внутришкольном учете. Практический опыт показывает, что выявленная категория детей и подростков постоянно посещает клубы по месту жительства в тех районах, где они проживают и, где находится школа, в которой они обучаются. Данный факт свидетельствует о том, что целесообразно проводить профилактическую работу по девиантному поведению не только с учащимися в школе, но и с ними же, уже считающимися воспитанниками, в клубах по месту жительства.

Особое место в культурно-воспитательной деятельности среди детей и подростков занимает культурная среда – то окружение и обстановка, в которой они вращаются, т. е. общение в семье, с друзьями в школе, во дворе и т. д.

Распространенной формой дополнительного образования является клуб по месту жительства. Клуб по месту жительства представляет собой специально организованное пространство общения для регулярных встреч определенного открытого сообщества детей, подростков и взрослых, объединенных одной целью.

В настоящее время в г. Владимире существует 24 детских клуба по месту жительства (например, «Прометей», «Спартак», «Дружба», «Окно в природу» и др.) в которых работает 101 кружок по различным направлениям. Постоянными воспитанниками являются 3700 детей и подростков в возрасте от 5 до 18 лет. Хотя основной принцип работы клуба – добровольное участие.

Клубы социально ориентированы, направлены на создание условий для саморазвития участников, оказание им поддержки в реализации собственных возможностей. Клуб строит работу с

учетом возраста, интересов участников и может быть эстетической, спортивной и другой направленности. В них дети накапливают опыт гражданского поведения, основы осознанного выбора профессии, духовного и физического роста.

Социальный педагог оказывает помощь и поддержку детям, подросткам, взрослым, попавшим в трудные жизненные ситуации, осуществляет комплекс мероприятий по воспитанию и социальной защите детей, выявляет их интересы и потребности, своевременно оказывает им социальную помощь и поддержку, занимается профилактикой девиантного поведения. Хорошо зная инфраструктуру города, социальный педагог выступает посредником между личностью воспитанника, его семьей, средой, разными взрослыми или специалистами социальных служб. Определяет задачи, формы и методы социально-педагогической работы, способы решения личностных проблем. Способствует установлению нравственно здоровых отношений в среде детей и подростков (недопустимы насмешки, унижения, физическая расправа над «слабыми»). Основные направления работы социального педагога в клубе определяются проблемами, возникающими в процессе воспитания детей и молодежи, и проводимой клубом политикой (активная социализация подростков, профилактика наркомании, профориентация подростков и т.д.), т. е. разрабатываются программы, содержание воспитательных мероприятий, индивидуальной работы и т.д.

В контексте Государственной молодежной политики, Федеральной целевой программы «Молодежь России» (2001-2005 гг.) деятельность клубов была ориентирована на формирование здорового жизненного стиля, направлена на развитие мотиваций личности к познанию и творчеству, реализацию дополнительных образовательных программ и услуг, оказание социальной помощи в интересах личности, общества, государства [5, С.87].

При этом решались конкретные задачи:

- социальная адаптация подростков и молодежи;
- предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних;
- профилактика наркомании и разных форм зависимостей.

Данные задачи по сей день не утратили своей актуальности.

На наш взгляд, основные принципы антинаркотического воспитания клубной политики могут

сводиться к установлению четких требований к подросткам и их поведению, созданию психологического комфорта и учету особенностей работы с подростками, т. е. неприменение насилия, создание ситуации свободы выбора занятий, доверие и опора на самих подростков, использование деятельностного подхода. Иначе говоря, только интересные, увлекательные занятия могут отвлечь подростков от наркотиков. В последнее время в клубах появляются новые формы работы с ребятами. В ряде клубов созданы мастерские, где ребята своими руками могут изготавливать полезные вещи, готовиться и участвовать в походах, учиться проводить дискотеки, снимать видеоролики, проводить интервью.

В науке существуют разные подходы к организации профилактики наркомании. А.Г. Макеева вводит понятие педагогическая профилактика и рассматривает ее как способ организации социальной среды ребенка, препятствующей наркогенному заражению. Педагогическая профилактика напрямую связана с формированием у детей и подростков социальной компетенции. Она проявляется в умении реализовывать свои потребности в общении, любви, получении удовольствия адекватными способами. Задача взрослых – научить несовершеннолетних законам общения, умению избегать и преодолевать конфликтные ситуации, управлять своими эмоциями, прогнозировать результаты своего поведения и многому тому, что можно обозначить как «искусство жизни» [4, С. 58-61]. Сегодня можно реально говорить о функционировании модели профилактики на микроуровне – на базе школы или досугового учреждения.

Антинаркогенное воспитание при этом является основной базой педагогической профилактики. Под антинаркогенным воспитанием подразумевается процесс формирования у детей и подростков особой личностной структуры – антинаркогенной направленности, предотвращающей обращение к наркогенным веществам как способу достижения субъективно положительного внутреннего состояния и обеспечивающего индивиду возможность реализовывать собственную потребность в получении удовольствия за счет социально ценных источников. Клубы по месту жительства – это то пространство, где дети и подростки могут себя выразить, занимаясь вокалом, лепкой, макетированием, написанием пьес и участием в репетировании и проигрывании спектаклей, рисованием.

Как правило, основными и активными формами организации педагогической профилак-

ки являются тренинги, конкурсы, диспуты, ролевые и деловые игры, соревнования, наиболее соответствующие возрастным психологическим особенностям детей, подростков и молодых людей.

Взаимодействие – это совместные действия по осуществлению общих целей деятельности, в процессе которой происходит взаимное влияние сторон друг на друга. В процессе взаимодействия проявляются интерес, согласие, сотрудничество между специалистами [1, С. 92]. Взаимодействие школы и клубов по месту жительства в вопросе профилактики девиантного поведения детей и подростков можно рассматривать как эффективное сотрудничество. Совместная, целенаправленная, системная работа специалистов позволит комплексно подходить к решению вопроса по профилактике девиантного поведения в молодежной среде.

Литература

1. Введение в педагогическую деятельность: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / [А.С. Роботова, Т.В. Леонтьева, И.Г. Шапошникова и др]; под ред. А.С. Роботовой. - 4-е изд., перераб. - М.: Издательский центр «Академия», 2007. - 224 с.
2. Змановская, Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющего поведения): Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е.В. Змановская. - М.: Издательский центр «Академия», 2003. - 288 с.
3. Жиляев А.Г., Палачева Т.И. Система первичной профилактики наркотизации в условиях общеобразовательного учреждения / А.Г. Жиляев, Т.И. Палачева. - М.: Центр «Школьная книга», 2004. - 101с.
4. Макеева, А.Г. Не допустить беды: Пед. профилактика наркотизма школьников: Пособие для учителя: В помощь образоват. учреждению: «Профилактика злоупотребления психоактивными веществами» / А.Г. Макеева; Под ред. М.М. Безруких; М-во образования Рос. Федерации. - 2-е изд. - М.: Просвещение, 2004. - 191с.
5. Сорокина И.Р. Технология организации профессиональной пробы как разновидность альтернативной активности в детско-подростковой среде // Эффективные модели отклоняющегося поведения несовершеннолетних: сборник материалов межрегиональной конференции «Системный подход в профилактике правонарушений несовершеннолетних». – Владимир: Собор, 2012. – С. 86-101.

Социальные риски реформы перекрестного субсидирования

Химилонова И. В.

Перекрестное субсидирование потребителей электроэнергии выражается в переносе части затрат на электроснабжение одних групп потребителей на другие, заявляется, что основная задача перекрестного субсидирования – это снижение затрат населения на покупку электроэнергии. Введение социальной нормы потребления электроэнергии и ее установление на адекватном уровне, ограничивающем размер субсидирования, приходящегося на обеспеченные слои населения, позволит снизить объем перекрестного субсидирования и поэтому является хорошим шагом для начала борьбы с перекрестным субсидированием.

Ключевые слова: перекрестное субсидирование; субсидирующие группы потребителей; социальная норма потребления; тарифы на электроэнергию; снижение базового тарифа; показатели, влияющие на размер социальной нормы; льготы при расчете социальной нормы; штрафные санкции.

Khimilonova I.V.

Social risks of cross-subsidies reform

Cross-subsidization of electricity consumers expressed in the transfer of the cost of electricity of some groups of consumers on the other, states that the main task of cross-subsidization - a cost savings of the population for the purchase of electricity. The introduction of a social norm of energy consumption and its setting at an adequate level, limiting the size of subsidies attributable to the secured sections of the population, will reduce the amount of cross-subsidization, and therefore is a good step in the reform of cross-subsidization.

Keywords: cross-subsidization; subsidizing consumer groups; subsidized consumer groups; social norm of consumption; electricity tariffs; reduction in the basic rate; parameters affecting the size of the social norm; benefits in the calculation of the social norm; penalties.

Перекрестное субсидирование потребителей в электроэнергетике – это перераспределение нагрузки по оплате электроэнергии между различными группами потребителей, когда одни группы потребителей фактически оплачивают часть стоимости потребленной другими потребителями электроэнергии. Оно возникло в период экономических реформ как элемент социальной защиты, когда часть цены электроэнергии перекладывалась с населения на промышленных потребителей.

По оценкам, в 2013 году совокупный объем переплаты субсидирующих групп потребителей составил 323,9 млрд рублей.

Эта сумма складывается из следующих составляющих:

- регулируемые договоры на оптовом рынке электроэнергии и мощности - 60 млрд рублей;
- аренда «последней мили» - 58,6 млрд рублей;
- перераспределение НВВ (необходимой валовой выручки) в ставке на содержание сетей – 172,2 млрд рублей;
- перераспределение расходов на компенсацию потерь в ставке на оплату потерь электроэнергии – 31,2 млрд рублей;
- завышение двухставочного тарифа на высоком напряжении относительно одноставочного – 1,9 млрд рублей.

Всего на перекрестное субсидирование через тарифы распределительных сетей приходится 263,9 млрд рублей или более 80% от всего объема перекрестного субсидирования.

В **субсидирующие** группы потребителей входят потребители, присоединенные на высоком и первом среднем напряжении, а в **субсидируемые** – население и прочие потребители, присоединенные на низком напряжении, а также на втором среднем напряжении.

Перекрестное субсидирование приводит к значительному росту затрат субсидирующих групп потребителей на электроэнергию. Так, потребители, присоединенные к объектам «последней мили», платят за услуги по передаче электроэнергии в среднем в 3,6 раза больше, чем должны были бы платить по тарифам магистральных сетей. Потребители электроэнергии, присоединенные к распределительным сетям высокого напряжения, платят за услуги по передаче электроэнергии в среднем в 2,3 раза больше, а потребители, присоединенные на первом среднем напряжении – примерно в 1,6 раза больше, чем должны были бы платить без перекрестного субсидирования.

Одним из результатов искажений сетевых тарифов стало то, что плата за услуги по передаче электроэнергии для промышленных потребителей в России стала значительно выше, чем в США: за услуги по передаче американская промышленность платила в 2013 году на 41% меньше, чем российская.

Более того, по итогам 2013 года и средние цены на электроэнергию для промышленных потребителей в России оказались выше, чем средние цены для промышленных потребителей в США. А наиболее крупные потребители электроэнергии – те, которые в России присоединены к объектам «последней мили» – платят в среднем почти в 3 раза, а по сравнению с отдельными странами – до 7 раз больше за услуги по передаче электроэнергии, чем аналогичные предприятия в странах Европы, присоединенные к магистральным сетям.

Завышенные расходы на оплату электроэнергии, которые несут промышленные потребители, сказываются и на макроэкономических показателях. Потери роста промышленного производства России из-за перекрестного субсидирования оценивают в 3,6%, что сопоставимо с годовым приростом объема промышленного производства в стране в 2013 г.. Потери ВВП России, соответственно, оцениваются в 0,8% или 451,5 млрд рублей.

Основная – но не единственная – группа потребителей, являющаяся бенефициаром пе-

рекрестного субсидирования, – это население: на него приходится немногим более 63% от общего объема перекрестного субсидирования (205 млрд рублей без НДС). Эта сумма примерно равна расходам населения на оплату электроэнергии в 2013 году, то есть тарифы на электроэнергию для населения занижены почти в два раза.

При этом доля расходов на оплату электроэнергии в совокупных расходах домохозяйств составила в среднем 1,3%, что почти на четверть меньше, чем доля расходов домохозяйств на приобретение алкогольных напитков (1,7%).

Существенным недостатком существующей формы перекрестного субсидирования при этом является то, что среди населения оно распределяется пропорционально удельному потреблению электроэнергии домохозяйствами. Поскольку объем потребления электроэнергии растет с ростом уровня дохода, более обеспеченные домохозяйства получают большую часть субсидирования, чем менее обеспеченные. На одно наиболее обеспеченное домохозяйство в 2013 году приходилось в среднем почти 500 рублей в месяц перекрестного субсидирования, в то время как на одно наименее обеспеченное домохозяйство – лишь около 226 рублей в месяц. В итоге, на субсидирование потребления электроэнергии 30% наименее обеспеченных домохозяйств в 2013 году пришлось меньше средств, чем было заложено в регулируемые договоры на оптовом рынке электроэнергии и мощности.

Правительство России борется с перекрестным субсидированием уже как минимум 15 лет, но до сих пор неизменно проигрывало эту борьбу. Началось активное обсуждение введения **социальной нормы потребления** электроэнергии для населения как элемента ликвидации перекрестного субсидирования. Эти инициативы позволяют надеяться, что перекрестное субсидирование если и не будет окончательно побеждено в ближайшее время, то, по крайней мере, будет взято под контроль.

Правительством России неоднократно ставилась задача ликвидации перекрестного субсидирования. Например, Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 сентября 1997 года №1231 был утвержден «График доведения в 1997 - 2000 годах уровня тарифов на электрическую энергию для населе-

ния до фактической стоимости ее производства, передачи и распределения», предполагавший ликвидацию перекрестного субсидирования к середине 2000 года.

В Основных направлениях реформирования электроэнергетики Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 11 июля 2001 года №526, определено, что одной из основных задач, от решения которых зависит успешное проведение реформы электроэнергетики, является «поэтапная ликвидация перекрестного субсидирования различных регионов страны и групп потребителей электроэнергии».

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года №1662-р) указано, что «в период до 2014 года планируется доведение тарифов на электрическую энергию для населения до рыночного уровня в целях ликвидации перекрестного субсидирования между населением и прочими потребителями с усилением адресной защиты малоимущих групп населения».

Наконец, Постановлением Правительства России от 04 мая 2012 года №442 поручено «Министерству экономического развития Российской Федерации, Федеральной службе по тарифам, Министерству энергетики Российской Федерации, Федеральной антимонопольной службе и Министерству финансов Российской Федерации до 1 января 2013 года разработать и представить в Правительство Российской Федерации проекты нормативных правовых актов, касающихся вопросов решения проблемы перекрестного субсидирования на розничных рынках».

Не следует также забывать, что Федеральным законом от 26 марта 2003 года №35-ФЗ «Об электроэнергетике» установлено, что «при установлении для отдельных потребителей льготных цен (тарифов) на электрическую энергию (мощность), предусмотренных законодательством Российской Федерации, не допускается повышение цен (тарифов) на электрическую энергию (мощность) для других потребителей» (пункт 5 статьи 23).

Однако, несмотря на многочисленные поручения и даже законодательный запрет пере-

крестного субсидирования, проблема до сих пор не решена. Тем не менее, сейчас идет активное обсуждение способов ее решения, и складывается впечатление, что в этот раз Правительство России действительно намерено взять под контроль и ликвидировать перекрестное субсидирование в электроэнергетике.

Перекрестное субсидирование потребителей электроэнергии – это одна из наиболее старых и известных проблем в российской электроэнергетике. Выражается оно в переносе части затрат на электроснабжение одних групп потребителей на другие. Как правило, заявляется, что основная задача перекрестного субсидирования – это снижение затрат населения на покупку электроэнергии.

Считается, что в Советском Союзе перекрестного субсидирования в тарифах на электроэнергию не было: население платило за потребленную электроэнергию намного больше, чем промышленность. В 1985 году электроэнергия для населения стоила в 2,67 раза дороже, чем для промышленности, а в 2010 году – на 13% дешевле. После начала экономических реформ в России правительство стало сдерживать рост тарифов на электроэнергию для населения за счет более быстрого повышения тарифов для промышленных потребителей. Это делалось для снижения нагрузки на население в условиях переходного периода и сохранения социальной стабильности.

В итоге население стало платить за электроэнергию меньше, чем промышленные потребители. Если в 1985 году тариф на электроэнергию для населения (в домах без электроплит) составлял 4 коп./кВт.ч, а для промышленных потребителей – 1,5 коп./кВт.ч (цена для населения была в 2,67 раза выше, чем для промышленности), то в 2010 году, по данным Агентства по прогнозированию балансов в электроэнергетике (АПБЭ)¹, средняя цена электроэнергии для населения (городское население) составляла 172,4 коп./кВт.ч, а для промышленности – 197,9 коп./кВт.ч (население платило за электроэнергию на 13% меньше, чем промышленные потребители).

При этом очевидно, что по совокупности затрат, связанных с поставками электроэнергии, ее стоимость для населения должна быть выше. Население потребляет электроэнергию на низком напряжении, для чего требуется содер-

жать большое количество объектов сетевого хозяйства (по мере понижения напряжения количество объектов сетевого хозяйства – линий электропередачи, трансформаторных подстанций и распределительных пунктов – увеличивается); кроме того, по мере понижения напряжения и увеличения объема сетевого хозяйства возрастает и объем потерь электроэнергии. Промышленные предприятия же, как правило, потребляют электроэнергию на высоком напряжении, совокупные затраты на содержание объектов сетевого хозяйства соответствующих уровней напряжения ниже, потери электроэнергии – меньше. Кроме того, учет потребленной электроэнергии и администрирование клиентских счетов в расчете на единицу потребленной электроэнергии для населения также значительно выше, чем для крупных потребителей.

Идеальным решением проблемы перекрестного субсидирования была бы полная его отмена, установление тарифов на экономически обоснованном уровне (в данном случае установление тарифов в полном соответствии с методиками ФСТ России) и переход к адресным субсидиям для нуждающихся. Представляется, однако, что сейчас это сопряжено со значительными трудностями, в том числе социально-политического характера.

В этой связи Постановление правительства определяет введение социальной нормы в регионах не позднее июля 2016 года. Документом установлены минимальные и максимальные ставки тарифов в границах соцнормы, а также стоимость электроэнергии при выходе потребителей за ее пределы. Кроме того, указана норма для льготных категорий.

Новый порядок расчета платы за электроэнергию – с применением социальной нормы потребления (постановление Правительства РФ от 22 июля 2013 г. № 614 «О порядке установления и применения социальной нормы потребления электрической энергии (мощности) и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам установления и применения социальной нормы потребления электрической энергии (мощности)») заключается в том, что определенный объем электроэнергии в пределах социальной нормы потребители оплачивают по пониженной стоимости, а потребленное сверх нормы электричество стоит дороже. Кабинет мини-

стров установил, что тарифы рассчитываются исходя из цен на электричество, применяемых с 1 июля 2013 года: в пределах социальной нормы тариф должен быть ниже этого уровня, а сверхнормативное потребление, напротив, должно превышать эту планку.

Подобная практика уже давно внедрена на Западе – так, государствам-членам ЕС рекомендовано отменить те инициативы по тарифам на электроэнергию, которые необоснованно увеличивают объем распределенной или переданной энергии, а страны-участницы СНГ обязались разработать экономические механизмы, стимулирующие повышение энергоэффективности.

В России величина социальной нормы определяется для каждого региона отдельно – так, чтобы по количеству киловатт на человека в нее вписывались 70% жителей региона.

Ранее социальная норма электропотребления действовала в пяти регионах РФ: Владимирской, Нижегородской, Орловской областях, и в Красноярском и Забайкальском краях. Там нормы потребления находились в диапазоне от 50 до 75 кВт.ч на человека. В Красноярском крае эта величина достигала 110 кВт.ч. на человека.

Тариф за использование электроэнергии сверх нормы повышается достаточно ощутимо – к примеру, на 65%, по сравнению с базовым тарифом, в Забайкальском крае и на 90% – в Нижегородской области.

Сейчас соцнорма действует еще в Самарской и Ростовской областях.

Для жителей Ростовской области, проживающих в городах, тариф составит 3.5 руб. – в рамках соцнормы и 3.89 руб. – сверх нее. В настоящее время тариф составляет 3.62 руб., сообщает «Интерфакс». Для сельских жителей сейчас тариф составляет 2.52 руб., а станет – 2.45 руб. в пределах соцнормы и 2.72 руб. сверх нее.

С помощью введения соцнормы государство планирует уменьшить объем перекрестного субсидирования, при котором большую часть тарифа населения оплачивают крупные промышленные предприятия. Также новые тарифы позволят поддержать пенсионеров – за счет снижения базового тарифа.

Положение об установлении и применении социальной нормы потребления электрической энергии (мощности) (утв. постановлением Пра-

вительства РФ от 22 июля 2013 г. № 614) (далее - Положение).

Для расчета социальной нормы определяется так называемая группа домохозяйств. Всего существует шесть таких групп - первая (в жилом помещении зарегистрирован один потребитель), вторая (зарегистрировано два потребителя) и т.п. Пятая группа домохозяйств предполагает, что в жилом помещении зарегистрировано пять и более потребителей, а к потребителям шестой группы относятся проживающие в жилых помещениях специализированного жилищного фонда в случаях, когда они не объединены совместным ведением хозяйства (п. 12 Положения). Естественно, с увеличением количества зарегистрированных в жилом помещении лиц возрастает и социальная норма - для второго члена семьи надбавка составит 50 кВт/ч в месяц, а для каждого последующего - 20 кВт/ч в месяц.

Другим показателем, влияющим на размер социальной нормы, является тип жилого помещения. Их также шесть - три для городских и три для сельских поселений в зависимости от оборудования электроплитами либо электроотопительными и электронагревательными установками.

Надбавки. Имеющим кухонную электроплиту домохозяйствам полагается надбавка, размер которой устанавливается также регионом и не может превышать 90 кВт/ч в месяц на человека. Нижняя граница дополнительного объема электричества при этом не закреплена (п. 6 Методики расчета социальной нормы потребления электрической энергии (мощности) (утв. постановлением Правительства РФ от 22 июля 2013 г. № 614)). Не учитывается при расчете социальной нормы электроэнергия, расходуемая на централизованное горячее тепло- и водоснабжение, однако если оно в жилом помещении отсутствует, также применяются соответствующие надбавки:

- не более 3000 кВт/ч в месяц на одно домохозяйство на электроотопление в течение отопительного периода;

- 100 кВт/ч в месяц на одного человека, если в доме есть отопительная установка, работающая по принципу водоподогрева (круглогодично) (п. 7 Методики расчета социальной нормы потребления электрической энергии (мощности) (утв. постановлением Правительства РФ от 22 июля 2013 г. № 614)).

Льготы. Помимо надбавок, размер социальной нормы может увеличиваться в зависимости от состояния жилого помещения с учетом следующих повышающих коэффициентов:

- 1,5 - для домохозяйств в аварийном жилом фонде либо ветхом жилом фонде со степенью износа более 90%;

- 1,2 - для домохозяйств в ветхом жилом фонде со степенью износа более 70% (п. 15 Положения).

Льготы предоставлены также и одиноко проживающим пенсионерам (по старости или по инвалидности). Для них в первый год применения социальной нормы размер платы за весь объем потребленной электроэнергии рассчитывается по тарифу соцнормы. А начиная со второго года к социальной норме для таких домохозяйств применяется повышающий коэффициент 1,5.

Штрафные санкции. К ним можно отнести случаи оплаты всего объема потребленной электроэнергии по повышенному тарифу сверх социальной нормы - их два:

- в жилом помещении не зарегистрирован (постоянно или временно) ни один жилец;

- обнаружены факты несанкционированного подключения внутридомового оборудования потребителя к внутридомовым инженерным системам или факты несанкционированного вмешательства в работу приборов учета (к примеру, скручены показатели счетчика) (п. 40 Положения).

Штрафные санкции предусмотрены и в случае, если индивидуальный прибор учета потребленной электроэнергии был утерян или вышел из строя, а потребитель не заменил его в течение двух месяцев. В этом случае к социальной норме применяется понижающий коэффициент 0,9 в течение первых шести месяцев потребления электроэнергии в отсутствие счетчика. Затем каждые полгода этот коэффициент будет уменьшаться на 0,1, но не менее величины 0,7 вплоть до установки нового прибора учета (п. 33 Положения). Отметим, что уже сейчас суды признают незаконным учет электроэнергии с помощью неисправных приборов или приборов, с которых сорваны пломбы (постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 22 октября 2012 г. № 07АП-7919/12).

Достаточно ли показатели социальной нормы для привычного пользования электроэнер-

гией, можно сказать после несложных расчетов. Так, в среднем за месяц холодильник потребляет около 50-60 кВт/ч, стиральная машина - 20-30 кВт/ч, компьютер - от 20 до 60 кВт/ч в зависимости от интенсивности использования, чайник - 10-20 кВт/ч, утюг - 10-30 кВт/ч, телевизор - 10-30 кВт/ч, микроволновая печь - 5-10 кВт/ч, зарядные устройства - 5-10 кВт/ч. Если сложить минимальные ежемесячные показатели энергопотребления этой необходимой в быту техники, получим около 140 кВт/ч. Кроме того, в российских домах сегодня часто можно встретить посудомоечные машины, бойлеры, теплые полы, весьма энергозатратные кондиционеры и прочие приборы и устройства, существенно увеличивающие расход электричества.

Регионы должны рассчитать норму таким образом, чтобы в ее коридор попадало более 70% населения. Вместе с тем, очевидно, что в большинстве случаев потребление электроэнергии не будет укладываться в социальную норму, которая уже получила прозвища «свет по карточкам», «электропаек» и «тариф «Лучина».

С 1 июля 2014 года социальная норма применяется на всей территории страны. Конечно, это потребует соответствующего нормативного регулирования как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Введение социальной нормы потребления электроэнергии и ее установление на адекватном уровне, ограничивающем размер субсидирования, приходящегося на обеспеченные слои населения, позволит снизить объем перекрестного субсидирования и поэтому является хорошим шагом для начала борьбы с перекрестным субсидированием.

Литература

1. Гительман Л.Д. Экономика и бизнес в электроэнергетике: междисциплинарный учебник / Л.Д. Гительман, Б.Е. Ратников. М.: Экономика, 2013. 432 с.
2. Кобец Б.Б., Волкова И.О. Инновационное развитие электроэнергетики на базе концепции SMART GRID. М.: ИАЦ Энергия, 2010.
3. Окороков Р.В. Финансовая безопасность электроэнергетических компаний: теории и методология управления / Р.В. Окороков, Ю.А. Соколов, В.Р. Окороков. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2007. 360 с.
4. Стофт С. Экономика энергосистем / пер. с англ. под ред. А.И. Лабезника, И.С. Сорокина. М.: МИР, 2006. 623 с.
5. Электроэнергетика России 2030: Целевое видение / под ред. Б.Ф. Вайзихера. М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. 360 с.
6. 13th PwC Annual Global Power & Utilities Survey «Energy transformation. The impact on the power sector business model». PwC, 2013 <<http://www.pwc.com/gx/en/utilities/global-power-and-utilities-survey/download-the-survey.jhtml>>.
7. EURELECTRIC. Powering Investments: Challenges for the Liberalised Electricity Sector. Brussels, 2012.

Ссылки:

- 1 Анализ цен, тарифов и развития конкурентных отношений на розничных рынках электроэнергетики Российской Федерации в 2009-2010 годах// Агентство по прогнозированию балансов в электроэнергетике.

Дихотомия «политкорректность/толерантность» в контексте формирования ценностей в студенческой среде

Гуманова Ю.Л.

В рамках статьи раскрывается вопрос о ценностях и их выражении в языке путем рассмотрения дихотомии «политкорректность/толерантность». Затрагивается тема взаимосвязи речи, языка и мышления, их влияние на развитие личности и общества, и те возможности, которые эта взаимосвязь дает для развития педагогических технологий, – педагогической технологии «Дебаты», в частности. Рассматривается связь политкорректного языка и мышления, ее отражение в технологии «Дебаты», возможности влияния студенческих дебатов на состояние общества, и целесообразность использования этой технологии в практике российского университетского преподавания.

Ключевые слова: педагогическая технология, политкорректность, толерантность, коммуникативные компетенции

Dichotomy «political correctness/tolerance» in the context of formation of values in the student's environment
Gumanova Yu.L.

MSU of M. V. Lomonosov

The article addresses the question of human values and their manifestation in the language, by means of analysing the dichotomy of «political correctness / tolerance». The relationship between speech, language and thinking is touched upon, as well as their influence on the development of the individual and society, revealing the opportunities that this relationship provides for the development of teaching technologies - in particular, the pedagogical technology of Debates. The connection between politically correct language and thinking is discussed, focusing on its reflection on the technology of Debates, as well as the ability of the students' debate to influence the state of society, and the rationale for using this technology in practice in university education in Russia.

Key words: pedagogical technology, political correctness, tolerance, communicative competence.

Одним из самых насущных вопросов сегодняшнего социологического (вообще), и социолингвистического (в частности) исследования является вопрос о ценностях, и о их выражении в языке. Как показывает научная практика последнего времени, говоря о ценностях, одним из горячих вопросов сегодняшнего развития общества мы можем назвать дихотомию политкорректности/толерантности – особенно в тех случаях, когда речь заходит не просто о развитии общества вообще, а о развитии молодого поколения граждан.

Взаимосвязь языка, речи и мышления является вопросом, несколько десятилетий обсуждаемым крупными учеными в нескольких аспектах, – нас же сегодня интересует определенная сторона этой проблемы: язык является не только средством выражения мысли, но и инструментом ее формирования, и более того, инструментом влияния на личность, а именно – формирования определенных поведенческих стереотипов, обуславливающих функционирование личности в обществе [1]. Связь эта двусторонняя – не только мышление влияет на язык, но и язык на мышление. В частности, эта идея, как известно, была отражена в гипотезе лингвистической относительности, известной как гипотеза Сепира-Уорфа [2]. Именно эта взаимосвязь, несмотря на некоторую ее спорность, дает основания полагать, что любая деятельность по развитию языка и речи развивает и мышление, и от того, каковы языковые особен-

ности речи каждого отдельного индивида, зависит склад и характер его мыслительной деятельности, и, далее, его личностные особенности, а также и характер его взаимодействия с окружающим социумом [3].

Следовательно, в этой связи заложены большие педагогические возможности, и это положение является научной и идеологической основой для нескольких педагогических технологий при работе со старшими подростками и молодыми взрослыми, каковыми чаще всего являются студенты университетов. В частности, одной из этих технологий является педагогическая технология «Дебаты».

На гипотезе Сепира-Уорфа также базируется концепция языка политкорректности (inclusive (or) neutral language), следуя которой, делается вывод о том, что лингвистические категории языка, используемые его носителями, влияют на ситуацию в социуме, и могут поворачивать ее в ту или иную сторону [4]. Технология «Дебаты», также выросшая из практики американских университетов, имеет основательную связь с языком политкорректности – собственно, она является одной из его питательных сред.

С.Г. Тер-Минасова пишет о политической корректности как о стремлении «найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума» [5, с 215]. Основываясь на этом определении, рассмотрим, каким образом связь политкорректного языка и мышления получает отражение в технологии «Дебаты», насколько студенческие дебаты влияют на состояние общества, и целесообразно ли использовать эту педагогическую технологию в практике российского университетского преподавания.

В середине XIX века дебаты между Авраамом Линкольном и его политическим оппонентом, Стефеном Дугласом, оказали такое влияние на историю государства, что впоследствии эта форма дискуссии дала толчок появлению сначала игры, а затем и предмета «Дебаты» в американских колледжах и университетах. В данный момент существует несколько форматов университетских дебатов: дебаты Карла Поппера, британский парламентский формат, формат Линкольн-Дуглас, и несколько более мелких подвидов дебатов, перечисленных выше. Наиболее показательным форматом, на наш взгляд, являются дебаты Линкольн-Дугласа, так

как они позиционируются как дебаты о «ценности», – то есть, очевидно, с социологической и воспитательной точки зрения они наиболее интересны. И, поскольку целью этой технологии является развитие широко понимаемых коммуникативных компетенций, коммуникативная

корректность, являющаяся частью политкорректности, входит в одну из задач, которой участники дебатов стремятся достичь [6].

Связь технологии дебатов с идеологией движения «политической корректности» прослеживается по нескольким пунктам.

Во-первых, обоим явлениям свойственен нормативный характер, имеющий достаточно жесткие языковые ограничения и характеризующийся языковыми кодексами. В обоих случаях эти ограничения играют одну и ту же роль: в случае языка политкорректности подразумевается, что упомянутые ограничения и кодексы помогают избегать социальных обострений (хотя иногда бывает строго наоборот), – и, таким же образом, в ходе дебатов политкорректный язык является форматным требованием игры, направленным на ту же цель – умение обсуждения болезненных вопросов и нахождение компромисса и эффективного решения вопроса социально бескровным путем [7].

Во-вторых, как и само понятие политкорректности, дебаты задают определенные поведенческие стереотипы, и в качестве одного из основных языковых средств используют эвфимию, обсуждая отрицательные явления действительности.

Любопытно, что одной из самых частых тем дебатов становится сама политкорректность, все чаще в последнее время противопоставляемая толерантности. Мы рассмотрели несколько кейсов, написанных при дебатировании одной и той же темы американскими и российскими студентами. Дебатировавшаяся тема звучала так: «Толерантность и политкорректность должны стать обязательными предметами в школе». Показательно, что американскими студентами оба термина воспринимались как синонимичные, в то время, как российские студенты четко отделили одно понятие от другого. Однако, в ходе дискуссии, как те, так и другие, пришли к выводу о том, что в определенном категориальном ракурсе эти два понятия могут являться противоположными друг другу.

В ходе дебатного раунда участники концентрируют внимание на ценностях, противопоставление которых присутствует в теме. Мы не будем здесь подробно останавливаться на формате дебатов, затронем только один, но в контексте нашей темы самый существенный этап дебатного раунда – опровержение.

Опровержение – это прямой конфликт идей, концепций и мнений, которые составляют суть дебатов. Для нас особенно интересен язык, который используется в ходе опровержения, так как ситуация конфликта и спора неизбежно является кризисной ситуацией, и именно в ситуации кризиса особенно четко видна ориентация на язык политкорректности, сформированный несколькими десятилетиями работы западного общества в этом направлении.

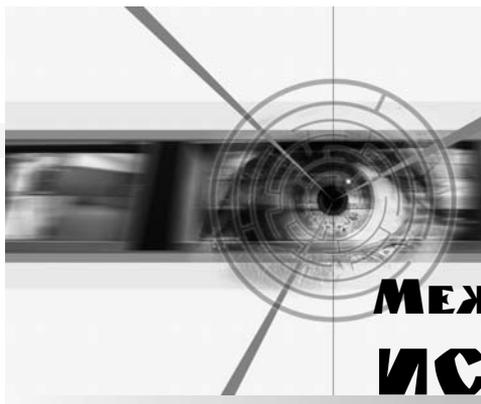
И в этой связи становятся особенно важны второй и третий из трех основных принципов дебатов: 2) честность 3) уважение к оппоненту. Практика подготовки к дебатам показывает, что заявленный принцип уважения к оппоненту зачастую вступает в противоречие с принципами политкорректности, но согласуется с понятием толерантности. В частности, это объясняется вторым принципом – тем, что в ходе дебатного раунда каждый из участников обязан дать четкие определения реалий, о которых идет спор. Мы видим, что четкое определение предмета спора в процессе дискуссии показывает частую невозможность использования языка политкорректности, но дает все возможности для использования языка толерантности. Более того, третий принцип дебатов делает иной подход к этому вопросу невозможным, и ведет участников, вне зависимости от того, будь они из культурно однородной среды или нет, к продуктивному диалогу.

Как пишет Л.А. Синельникова, «дебаты имеют особый жанрово-коммуникативный ход: с одной стороны они нацелены на противостояние, с другой – на поиск компромисса» [8].

Этот поиск компромисса, вернее, компромиссов и решений, является сегодняшней ключевой проблемой всех социальных слоев глобального сообщества, вне зависимости того, следует ли оно идеологии политкорректности и толерантности или нет. Следовательно, если педагогическая технология может облегчить этот поиск – мы неизбежно должны рассматривать ее как продуктивное и эффективное решение проблемы. В современных условиях смены парадигмы образования, когда так остро стоит вопрос поиска адекватных способов вовлечь молодежь в социально значимую деятельность, мы не можем пренебречь этой возможностью.

Литература

1. Арнольд И.А. Основы научных исследований в лингвистике: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1991. 140 с.
2. Sapir-Whorf hypothesis. A Dictionary of Sociology. 1998. Encyclopedia.com. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.encyclopedia.com> (дата обращения: 20.09.2015).
3. Крушельницкая К. Г. Проблемы взаимосвязи языка и мышления. (Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. - М., 1970. - с. 371-416
4. Inglehart R. The Silent Revolution in Europe: Changing Values and Political Styles among Western Publics. – Princeton, N.Y., 1977. с. 130-146.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.
6. Яценко Ю. С. Воспитание толерантности студентов средствами межкультурной коммуникации в процессе языкового образования : дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Ростов-н/Д., 2008. – 193 с.
7. Кравченко А.И. Культурология: Учебное пособие для вузов. - 3-е изд. - М.: Академический проект, 2001. с. 24-25
8. Синельникова Л. Н. О содержании концепта «толерантность» в политическом дискурсе. Журнал «Политическая лингвистика», 2/2010. с. 56-59.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Психологические основы деятельностного подхода в инновационном труде педагога: теоретический аспект

Атаманова Г.И., Дамба Н.Ч., Доржу М.Д., Марюхина В.В.

В статье представлен анализ деятельностного подхода в труде учителя среднего муниципального образовательного учреждения. Результаты проведенного анализа позволяют выделить наиболее характерные связи и отношения в профессиональной деятельности педагога, в том числе инновационной.

Ключевые слова: деятельностный подход, профессиональная деятельность учителя, инновационная деятельность, система «Человек – Человек».

Atamanova G.I., Damba N.C., Dorzhu M.D., Maryukhina V.V.

Psychological basis of the activity approach in the innovative work of the teacher: the theoretical aspect

The article presents an analysis of the activity approach in the work of teachers of secondary municipal educational institution. The results of the analysis can highlight the most typical connections and relationships in the professional work of the teacher, including innovation.

Keywords: The activity approach, professional activity of teachers, innovative activity, the system «Man – Man».

Создание инновационной модели профессиональной деятельности учителей среднего муниципального образовательного учреждения как социально-ориентированного процесса, целостного взаимодействия в рамках социально-психологической развивающейся системы «Профессиональный уровень – педагогический коллектив – личность» предполагает осознания и исследования этих трех взаимосвязанных контекстов. Они в своей совокупности в соответствии с современными данными образуют единый деятельностный континуум, который требует персонализированного своеобразного исследования.

Изложение теоретических основ модельной структуры деятельности учителя в системе «Человек – Человек» необходимо вести с точки зрения системно-целостного освещения психологических процессов, так как системный подход есть конкретное проявление диалектического метода в тех гносеологических ситуациях, когда предметом познания оказываются реальные целостные объекты. Это правомерно, так как учеными установлено, что вся природа простирается перед нами как некоторая система связей и процессов. Б.Ф. Ломов подчеркивал неоднократно, что человек в природных измерениях находится на пересечении многих разнорядковых систем: социальной, психологической и физической [37]. Эту точку зрения поддерживали многие отечественные психологи [3; 7; 18; 39 и др.] Отмечается, что, с одной

стороны, этот факт определяет многообразие психических явлений, а с другой — их «многослойность» и интегративность, многоуровневость, многоаспектность и полифункциональность психических феноменов, требует анализа с учетом многих характеристик. Понятие системы, принципиальное для подобного рода рассуждений, — это продукт ряда абстракций различных реальных связей и свойств явлений, прежде всего, социально-психологических, таких как их развитие, функционирование и строение. В них совокупность рассматриваемых компонентов взаимосвязана и взаимодействует как целое, с условиями своего существования и способно к изменению своего внутреннего строения [11; 14; 28 и др.]. Конкретизируя эти принципиальные положения, выдвинутые современным наукознанием, следует отметить, что системный подход как внутренне детерминированная стратегия описания сложных форм действительности должна соответствовать ряду требований, предъявленных социально-психологическому освещению объекта исследования. Актуальными для нашего исследования являются следующие из них.

Г.В. Суходольский выделяет три положения, с которыми нельзя не согласиться, по его мнению, первым является требование психологической адекватности описания профессиональной деятельности на любом из ее иерархических уровнях, которые раскрывают профессиональную деятельность учителя через понятия субъекта (человека общества, социальной группы, личности и т. д.), морфологии (строения, структуры), мотивационной опосредованности действий (структура целей, потребностей), функций, динамики и разнообразия деятельностей человека с необходимыми психологическими содержаниями и допустимыми расширениями понятийных объемов. Здесь психологическое содержание неизбежно охватывает не только психику субъектов профессиональной деятельности в ее социальной обусловленности, но и социальное и иное, которое детерминирует психические процессы и явления [2; 6; 15; 23 и др.].

В современных условиях становится все более очевидным вывод о возможной полноте психологического отображения реальной профессиональной деятельности через рассмотрение общих единичных и частных особенностей

субъекта в целостном контексте его жизнедеятельности, в их диалектической связи с окружающей реальностью. Тогда согласно данному положению системное описание профессиональной педагогической деятельности учителя должно охватывать и раскрывать:

- морфологию профессиональной деятельности учителя через выделения и объективизацию соответствующих операций, актов, действий, а также их порядка и последовательности;

- мотивацию и деятельностные функции педагога через описания потребностей в профессиональной деятельности и побуждений к ней, направленности, мотивов, целей, результатов и субъективно-объективных возможностей в компонентах педагогического труда;

- динамику профессиональной деятельности учителя, через раскрытие процессов их регулирования и оптимизации при реализации определенной цели;

- разнообразие профессиональной деятельности педагога, через описания характера (материальной, духовной, познавательной и др.) области применения качества реализации цели (в категориях продуктивности) степени профессиональной направленности и творчества. Такой подход, на наш взгляд, в самом общем приближении соответствует системно-целостному модельному отображению действительности, в которой осуществляется конкретная профессиональная деятельность учителя;

- конструктивность описания профессиональной деятельности учителя, т.е. некоторый синтезированный элементным составом образ профессиональной деятельности педагога, последовательно раскрывающий причину, способ и сущность нормативной активности субъекта в характерной терминологии: система, элемент, структура, связь, модель, компонент, молярная единица, понятийное пространство, факторы и т.д. Такая точка зрения выражается в трудах исследователей К.А. Абульхановой, Б.Г. Ананьева, С.Д. Максименко и др. [2; 8; 38 и др.].

В условиях модернизации образования принципиальным является рассмотрение педагогической деятельности учителя среднего муниципального образовательного учреждения с позиции субъектности профессионального активного проявления педагога в системе «Человек – Человек».

За основу изучения данного вопроса берет функциональное качество учителя, активность – как форма выражения способностей, потребностей и актуализации самоопределения, саморегуляции, самопредъявления, самопредставления. Равновесие взаимодействия идеального и материального говорит о наилучшем оптимальном состоянии профессиональной деятельности. Актуально и утверждение Н.Н. Обозова, который считает, что взаимодействие как вид совместной профессиональной деятельности, можно классифицировать следующими уровнями:

Уровень физической и социальной изолированности.

Уровень предполагаемой взаимосвязанности.

Уровень пассивной взаимосвязи.

Уровень степени влияния одного на другого.

Уровень действительной взаимосвязанности.

Уровень коллективной взаимосвязанности.

Для достижения цели исследования проблемы, которая заключается в инновационной педагогической деятельности учителя среднего муниципального образовательного учреждения, важно учесть все необходимые существенные стороны, которые определяют успешность выполнения профессиональных функций педагога.

Важным является вывод о необходимости учета блокирующих и ограничительных тенденций в личности, которые на практике могут выражаться в затруднениях к совершенствованию определенного рода действий или ограничений к действиям.

Ключевым является рассмотрение человека, как субъекта конкретной профессиональной деятельности и совокупного педагогического труда [1; 15; 30; 41 и др.].

Проблема профессиональной деятельности учителя выступает важным следствием всех прежних рассуждений, как момент системной логики исследования. Реализуя системно-целостный анализ данной категории, необходимо отметить как минимум три принципиальные позиции:

– актуальность определения собственно субстанционального существа профессиональной деятельности;

– выявление структурно-функциональной инновационной профессиональной деятельности учителя среднего муниципального образовательного заведения;

– определение всей совокупности взаимосвязей инновационной профессиональной деятельности учителя в системе «Человек – Человек».

А.Н. Леонтьев оперировал обоснованными им понятиями «предметная деятельность» или «чувственная практика». При описании строения профессиональной деятельности акцентируется внимание на наличие в ней таких элементов, как цель – мотив – потребность – действие – средство – социальная ситуация – психологические условия – результат – оценка.

Ученый детерминирует свое рассмотрение мотивом – целью – условием. В понимании мотива, как опредмеченной потребности, следует вынести положение о несовпадении его составляющих – объекта, субъекта и цели взаимодействия с собственным мотивом [36].

В развитие этих целей В.Э. Мильман утверждает, что «деятельность – это активность, непосредственно управляемая мотивом и соизмеряемая с сопутствующими условиями и корректируемая фактором оценки». Здесь дефиниция – активность, которая определяет субстанцию деятельности, распредемяваясь в структуре профессиональных задач, опосредованных целым рядом стимулирующих социально-психологических условий и факторов.

Важными для изучения психологических основ деятельности подхода в труде педагога являются и другие конструктивные результаты исследования профессиональной деятельности. Так В.В. Давыдов в контексте анализа учебной деятельности описал: потребности – мотивы – задачи – способы – действия [21]. Г.П. Щедровицкий, рассматривая мыследеятельность, использует семизвенную структуру анализируемого объекта: цель – задача – исходный материал – средства – метод – процедура – продукт [47]. О.А. Конопкин в аспекте исследования саморегуляции использует цель – модель условий – программу – критерий успеха – информацию о результате – решения и коррекции [31]. В.Д. Шадриков анализирует деятельность как замкнутый контур управлений: мотив – цель – программа – информационная основа – принятие решения – профессионально важные качества [46]. С.Г. Струмилини при объяснении мотивации и функций действий выделяет следующие логически соподчиненные элементы: потребность – направленность –

мотивация – цель – результат – оценка [44]. А.А. Деркач и Н.В. Кузьмина, отслеживая специфику воспитательной деятельности, описывают: цель – действия субъекта и объект – информацию – задачи [24]. Ю.Н. Емельянов и Е.М. Иванова, оценивая научную активность групп профессионалов, вводят в диаду цель – мотив, научную программу [25; 27].

В качестве обобщенного вывода, вытекающего из обозначенной полисемичности субструктурного состава «первоэлементов» профессиональной деятельности с необходимостью можно отметить, что при решении практической задачи, с одной стороны, следует учитывать общепсихологическую сущность профессиональной деятельности и специфику выдвигаемой практической цели.

Здесь можно выделить целостную структуру профессиональной деятельности педагога, которая является основой инновационной деятельности учителя. Трехкомпонентный состав, включающий мотивационно-ценностный, структурно-функциональный, результирующий аспекты, достаточно адекватно представляет структуру этой профессиональной деятельности.

Каждый из них интегративен по своей сущности. Выявление их особенностей базируется на тех конструктивных положениях, которые предложены отечественными психологами.

Мотивы рассматриваются как полисущностные явления, где возможно выделение их ведущих и второстепенных интенций. В нашей проблемной ситуации мотивы описывают необходимость в квалифицированных действиях. Как справедливо отмечает Ю.Б. Гиппенрейтер, системы подобных мотивов интегрируют и в дальнейшем дифференцируют потребности, в виде недостающего – активной деятельности, профессионального уровня, общения, социального комфорта, защищенности и др. В рамках взаимодействующей структуры, потребность должна рассматриваться двояко – как потребность в профессиональной деятельности, дающая отображение субъектом его требований к среде, а отображение среды к нему; как потребности в профессиональной деятельности, раскрывающейся через описание направленности действий каждого учителя. В этом случае мотивы выступают прямым средством реализации потребности и акцентуации цели.

Цель задает действие и достигается путем их осуществления. Она – представление субъекта о продукте взаимодействия, который удовлетворяет отдельные потребности субъекта. Целевой компонент присутствует в любой профессиональной деятельности и усложняется, по мнению Л.П. Буевой, в коллективной или совместной профессиональной деятельности, где происходят следующие взаимосвязанные процессы: выработка цели профессиональной деятельности группы как соотнесение различных точек зрения с индивидуальными позициями и общественными целями; присвоение и усвоение коллективной цели субъектами профессиональной деятельности; коррекция и гармонизация индивидуальных целей и задач взаимодействия в соотношении с общим социальным образом [20].

Формирование коллективной цели, как утверждает Е. Головаха, происходит на уровне интегрированности общего и единичного, и индивидуализированного перехода общего в единичное. Это возможно при достаточно высоком уровне развития группы и совпадения потребностей и целей индивидуума в группе. Согласно В.Г. Агееву установление единства группы выступает главным мотивационным фактором позитивного ее развития [4].

Формирование цели – процесс целеполагания, выполняют три сущностные функции в конкретной профессиональной деятельности. Как утверждает К.К. Платонов, они могут включать интеграционную функцию осознания мотивов и выбор предмета профессиональной деятельности; функцию составления плана превращения предмета профессиональной деятельности в ее результат; функцию прогнозирования результата взаимодействия [42].

Результат воспринимается в работах исследователей двояко: как конкретный продукт профессиональной деятельности и как обретенная структурная оформленность. С точки зрения О.В. Беловой он характеризуется направленностью на социальность принимаемых решений, подготовленностью к совершению определенных действий, интеллектуальностью, коммуникабельностью и установлением взаимопонимания [12].

Р.С. Немов обобщает воззрения целого ряда авторов, которые утверждают, что результат взаимодействия группы может отразиться на

приобретении личностью определенных свойств. А.А. Журавлев расширяет перечень составляющих результаты профессиональной деятельности за счет его субъективного контекста и обязательно актуализируемых при позитивном его значении свойства целенаправленности, мотивированности, заинтересованности, интегративности, структуризованности, согласованности и упорядоченности в действиях [26].

Для инновационной профессиональной деятельности учителя важнейшим является положение о том, что взаимосвязь компонентов раскрывается в функциональных этапах ее осуществления, таких как, этап развития потребности, этап мотивационного поиска, этап целеобразования, этап предметного взаимодействия и оценивания. Можно выделить характерные особенности проявления этапов инновационной профессиональной деятельности учителя. Они заключаются в следующем:

– Этап развития потребности традиционно рассматривается исходным пунктом любой активности, возникающей из-за распрямления в профессиональных действиях педагога социального предназначения, социально-психологической системы в целом. Оно проявляется в форме возникновения фрустрирующих ситуаций, которые составляют его сущность. Нормируется в форме проявления проблемной ситуации и потребностей в ее разрешении.

– Этап мотивационного поиска опосредуется формированием потребностей как отношение субъекта к действительности, в которой заложено избирательное ее удовлетворение, когда мотив есть опредмеченная потребность.

– Этап целеобразования выступает как представление субъекта о продукте взаимодействия. При творческом характере цели предполагается вариативное ее достижение. Формами целеобразования выступают модели и процесс постановки профессиональных задач.

– Этап предметного взаимодействия предполагает качественно новое изменение профессионального уровня, непосредственно каждого рабочего места учителя, связанного в профессиональном отношении с человеком.

– Этап оценивания включает три взаимосвязанные формы, отслеживающие степень соотношения эталона продукта взаимодействия и собственно продукта взаимодействия. Это со-

отношение измеряется через соотношение конкретных, практических и идеальных результатов действия с позиции психологической, социальной, личностной и средовой направленности [4; 11; 36 и др.]. Понятийной единицей функциональных этапов реализации структурно выделенных элементов является функциональный компонент. К ним относятся: гностический, конструктивный, организаторский и коммуникативный компоненты. Такой точки зрения придерживаются А.А. Бодалев, А.А. Деркач, Н.В. Кузьмина, Л.Г. Лаптев и другие исследователи [16; 24; 32; 33 и др.].

Проведенный логико-теоретический анализ актуальных исследований в части психологических особенностей деятельностного подхода в труде педагога, положений, которые отражены в литературе, нормативно-правовых актах РФ и имеющих место в практических ситуациях профессиональной деятельности педагогов, позволил выделить основные наиболее важные деятельностные функции. К ним можно отнести шесть наиболее ярко выраженных функций:

Гностическая – познание человека, группы, коллектива, организации, условия инновационной профессиональной деятельности и др., а также подготовку к эффективному ее осуществлению.

Прогностическая – определение перспектив основных направлений и динамики развития всех профессионально-деятельностных временных.

Проектировочно-конструкторская – определение целей и задач, программирование и планирование с учетом реальных условий и факторов профессиональной направленности.

Организаторско-коммуникативная – совокупность непосредственных действий для достижения инновационной профессиональной деятельности и достижения выполнения высокого уровня поставленных профессиональных задач, целей, обеспечение их мотивированности, информированности и включенности в коммуникационные связи и отношения.

Оценочно-аналитическая – выбор критериев и показателей оценки инновационной профессиональной деятельности и выявление уровня соответствия им.

Корректировочная – непосредственная оптимизация профессиональной деятельности педагога, качественно новых психологических

условий их профессиональных, деловых и деятельностных качеств.

В рамках понимания исследуемой проблемы применительно к учителю среднего муниципального образовательного учреждения целесообразно в ряду ключевых рассматриваемых звеньев выделить, определяющие. Ключевым звеном исследуемой проблемы выступает профессионализм учителя в области педагогического труда.

В этом проявляется их специфика, которая детерминирует качественное состояние тех элементов профессиональной деятельности педагогов. Исходя из энциклопедического понимания данной категории, далее будут даны некоторые определения.

В словаре современного русского литературного языка отмечается: «Профессиональная деятельность – род трудовой деятельности человека, владеющего комплексом специальных теоретических знаний и практических навыков, приобретенных в результате специализированной подготовки и опыта работы» [43, с. 111].

Разработка различных сторон данного континуума ведется в нескольких направлениях. Психолого-педагогические концепции предполагают профессиональность наличествующим качеством, проявляющимся по мере становления мастерства субъекта профессиональной деятельности. Вопросы его развития, профессионального становления фактически разрабатываются в русле праксиологической традиции [9; 24; 36 и др.].

Актуальным представляется объективное описание, с позиции современного наукознания, именно профессиональной стороны структурно-функциональной системы деятельности педагога. Для этого необходимо принять за основу ряд рассуждений, положений и выводов.

Во-первых, под профессионализацией общества будем понимать исторический углубленный процесс возникновения и развития совершенно новых профессий и специальностей, как следствие продолжающегося разделения труда, аккумулирующего в себе все новые социальные потребности социума. Обособление профессий означает опредмечивание подобной потребности до уровня возникновения целой общности людей, которые своим трудом «гасят» дифференциации и появления технологии решения профессиональных задач, ведет к зак-

реплению конкретного вида труда за все большей группой людей – уже профессиональной группировкой, обучающейся определенным навыкам заранее, прежде, чем вступить в трудовую деятельность.

Во-вторых, профессия по отношению к общественному конституционализму может опережать социальное признание. Так как профессия изначально появляется как социальная роль, а уж потом как комбинация трудовых процедур. По мере развития, то есть появления типичной для общности группы людей готовых заниматься данным видом деятельности, профессия приобретает все больше «сословные черты», превращаясь в сложный комплекс элементов, включающих степень совершенства работника с точки зрения готовности к выполнению вида труда. Это означает наличие в процессе «жизни» профессии, различение этапов появления, признания и исчезновения профессии [10; 13; 22; 27; 29; 45 и др.].

В-третьих, в жизнедеятельности профессии следует различать социальный аспект, раскрывающийся в этапах профессионализации – обучение, специальное образование, подготовка к выполнению данной трудовой деятельности и психологический аспект, рассматривающий профессиональное взаимодействие субъекта и объекта профессии, как систему профессиональной деятельности. Когда психика наполняется конкретным профессиональным содержанием, отображаясь в системе специфических психических образований – знаний, навыков, умений, профессиональных позиций и др., которые характеризуют явственное, эмоциональное, интеллектуальное, волевое ядро, можно заключить, что они выражают собой суть профессиональных способностей. Их характеристики могут быть представлены через: социально-психологический аспект, объясняющий момент профессионального выбора, интереса и т. д.; прикладной аспект, интерпретирующий общие профессиональные закономерности к требованиям конкретной группы людей и того образа жизни, который они создают своими действиями [30; 35; 17 и др.].

Нами всесторонне учитываются многочисленные результаты исследования профессионализма. Полезными из них являются такие как, теория поэтапного формирования действия П.Я. Гальперина; идеи В.Д. Шадрикова, раскрываю-

щие системогенетическую концепцию трудовой деятельности субъекта, как формирующейся системы нормативно одобренных действий; положения, выдвинутые Е.С. Кузьминым о профессионализме объектов исследования через понятие мастерства, процессный способ В.В. - Левшина, Э.С. Бука об основе построения модели и др. [19; 32; 34; 46 и др.]. С учетом данных и других положений сосредоточимся на моменте специализированного ценностного взаимодействия подготовленных в профессиональном, теоретическом и практическом аспектах педагогов, имеющих практический опыт работы непосредственно с учащимися и учителей, не имеющих представления о данной системе «Человек – Человек», раскрывающегося в этапах профессиональной ориентации – профессионального выбора – предпрофессионального действия – профессионального ориентира (интереса) – профессионального действия. В их основе лежат процессы многофакторной дифференциации структурно функциональной системы профессиональной деятельности учителей, имеющих опыт работы в системе «Человек – Человек».

Изыскания многих авторов дают возможность определить в конечном итоге социально-психологическую суть, социально-психологические особенности инновационной профессиональной деятельности со стороны учителя муниципального заведения, как нормативно одобренной социально-психологической системы деятельности структуры ориентации – выбора – интереса – собственно профессионального действия, представляющих собой целостное единство ориентирующих (способности и состояние готовности), деятельностных (профессиональное действие правила действия) и оценочных компонентов. Они опосредованы личностными, индивидуальными возможностями субъекта и процессом распределения нормативного эталона образа реализуемой цели. Особенностью профессионального состояния деятельности учителя выступают свойства предметности, персонализированности, динамичности, развернутости во времени, процессуальности, энвайронментальности, инновационности, инновационной направленности.

Предметность характеризуется реализацией направленности на конкретную цель, предполагая поисковый характер действия.

Персонализированность представляется как сочетание взаимодоминирования в действиях субъекта индивидуального и группового характера принимаемых профессиональных решений, предполагает вариантность в целеосуществлении.

Динамичность отражает свойственные предметному контакту активности в постановке и решении профессиональных задач.

Развернутость во времени есть средовая характеристика временной протяженности решения профессиональных задач.

Процессуальность выступает функционально-динамической реализацией элемента профессиональной деятельности.

Энвайронментальность выражает полисредовую характеристику осуществления профессиональной деятельности.

Инновационность выражается в управляемости процессов создания, восприятия, оценки, освоения и применения педагогических новшеств.

Инновационная направленность – непрерывное изменение объема, состава учебных дисциплин, введение новых учебных предметов; изменение характера отношений учителей к самому факту освоения новшеств, проявлении ими избирательного, исследовательского характера к появлению и созданию педагогических новшеств, воплощении их в повседневную практическую работу с учениками.

Адекватное описание состояния инновационной деятельности учителя мы предлагаем сделать с использованием подходов моделирования и классификации инноваций.

Моделирование – процесс создания точного, достаточного, лаконичного, удобного для восприятия и анализа описания системы как совокупности взаимодействующих компонент и взаимосвязей между ними. Моделирование предполагает наличие в обязательном порядке установленного набора изобразительных (выразительных) средств и правил описания объекта.

Классификация инновационной педагогической деятельности – разделение инновационного труда педагога на группы в зависимости от специфики и места использования.

Результаты теоретико-методологического анализа дали возможность разработать модель инновационной деятельности учителя муниципального учреждения, заложить в ней потенци-

Рис. 1. Модель инновационного процесса

ал деятельностного подхода, сформулировать положения, раскрывающие содержание полученных научных результатов и изобразить эту модель в виде блок-схемы с выделением границ, определением начальной (вход) и конечной (выход) стадий (рис. 1) [5].

Все вышеизложенные требования деятельностного подхода в труде учителя среднего муниципального образовательного учреждения дают полное основание для вывода о наличии в нем ряда типических связей, описывающих данный социально-психологический феномен с позиции материализации, которые проявляются как система закономерностей. Результаты проведенного анализа позволяют выделить наиболее характерные связи и отношения в профессиональной деятельности педагога, в том

числе инновационной. Причем с данных позиций профессиональная деятельность учителя может оцениваться в двух измерениях статическом (структурном) и динамичном (процессуальном).

Литература

1. Абульханова-Славская, К.А. Деятельность и психология личности. / К.А. Абульханова-Славская, – М. : Изд-во Наука, 1980. –336 с.
2. Абульханова-Славская, К.А. Стратегия жизни./ К.А. Абульханова-Славская. – М. : Изд-во Мысль, 1991. – 299 с.
3. Абульханова-Славская, К.А. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. / К.А. Абульханова-Славская, А.В Брушлинский. – М. : Изд-во Наука, 1989. –248 с.

4. Агеев, В.С. Методика составления социально- психологической характеристики для аттестации кадров. / В.С. Агеев [и др.]. – М. : Изд-во МГУ, 1986. – 127 с.
5. Атаманова, Г.И. Модель инновационного процесса в условиях муниципального учреждения. / Г.И. Атаманова. // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Повышение квалификации педагогических кадров в XXI веке: традиции и инновации», Москва, 20 – 22 мая 2009 года. – М. : Изд-во АПКипПРО, 2009.
6. Ананьев, Б.Г. Индивидуальное развитие взрослых и константность восприятия. / Б.Г. Ананьев [и др.]. – М. : Изд-во Просвещение, 1969. – 189 с.
7. Ананьев, Б.Г. О психологических эффектах стилизации. Ученые зап. / Б.Г. Ананьев. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. – вып. 9. – С. 144 – 150.
8. Ананьев, Б.Г. Человек как предмет познания. / Б.Г. Ананьев. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1968. – 341 с.
9. Анисимов, С.А., Методы акмеологических исследований. / С.А. Анисимов [и др.]. – Кострома : Изд-во Упр. образов., 1994. – 102 с.
10. Аношкина, В.Л. Образование. Инновация. Будущее. (Методологические и социокультурные проблемы) / В.Л. Аношкина, С.В. Резванов. – Ростов-на-Дону : Изд-во РО ИПК и ПРО, 2001. – 176 с.
11. Асмолов, А.Г. Личность как предмет психологического исследования. / А.Г. Асмолов. – М. : Изд-во МГУ, 1984. – 104 с.
12. Белова, О.В. Общая психодиагностика. / О.В. Белова. – М. : Изд-во Наука. 1993. – 204 с.
13. Берулава, М.Н. Развитие отечественного образования: выбор основного вектора движения / М.Н. Берулава // Вест. Универ. Рос. Акад. Образов. – 2006. – №1. (31). – С. 4-7.
14. Богоявленская, Д.Б. О предмете и методе исследования творческих способностей. / Д.Б. Богоявленская. // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. – №5. – С. 49 – 59.
15. Бодалев, А.А. Восприятие человека человеком. / А.А. Бодалев. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1965. – 123 с.
16. Бодалев, А.А. Личность и общение. / А.А. Бодалев. – М. : 1994. – 272 с.
17. Бодалев, А.А. Рабочая книга практического психолога : пособие для специалистов, работающих с персоналом. / А.А. Бодалев, А.А. Деркач, Л.Г. Лаптев. – М. : Изд-во Институт Психотерапии, 2006. – 629 с.
18. Буева, Л.П. Деятельность как объект социальной психологии : методологические проблемы социальной психологии. / Л.П. Буева. – М. : 1975. – 241 с.
19. Гальперин, П.Я. Современная теория поэтапного формирования умственных действий. / П.Я. Гальперин, Н.Ф. Тальзина. – М. : 1979. – 185с.
20. Гиляревский, С.А. Методологические проблемы диагностики. / С.А. Гиляревский. – М. : Изд-во Медицина, 1965. – 163 с.
21. Давыдов, В.В., Зак А.З. Проблемы рефлексии : Современные комплексные исследования. / В.В. Давыдов, А.З. Зак – Новосибирск : 1987. – 213 с.
22. Деркач, А.А. Основы общей и прикладной акмеологии / А.А. Деркач [и др.]. – М. : Изд-во РАГС ВА им. Ф.Э. Дзержинского. – 1995. – 386 с.
23. Деркач, А.А. Реализация концепции «Я» в системе жизненных отношений личности. / А.А. Деркач. – М. : Изд-во РАУ, 1993. – 156 с.
24. Деркач, А.А., Кузьмина Н.В. Акмеология : пути достижения вершин профессионализма. / А.А. Деркач, Н.В. Кузьмина. – М. : Изд-во РАУ, 1993. – 32 с.
25. Емельянов, С.В. Системность, целенаправленность, рефлексия. / С.В. Емельянов, Э.П. Капельяум. // В кн. Системные исследования. – М. : Изд-во Наука, 1981. – С. 7 – 38.
26. Журавлев, Ю.И. Об алгебраическом подходе к решению задач распознавания или классификации. / Ю.И. Журавлев. // Проблемы кибернетики. – М., – 1978. – Вып. 33. – С. 5 – 68.
27. Иванова, Е.М. Основы психологического изучения профессиональной деятельности. / Е.М, Иванова. – М. : Изд-во МГУ, 1987. – 219 с.
28. Иванова, Е.О. Дидактические условия эффективного включения познавательных задач в процесс обучения на интегративной основе: Дис. канд. пед. наук. – М. : Изд-во ГПУ, 1991. – 186 с.
29. Климов, Е.А. Введение в психологию труда. / Е.А. Климов. – М. : МГУ, 1988. – 243 с.
30. Климов, Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях : учеб. пособие. / Е.А. Климов. – М. : Изд-во МГУ, 1995. – 224 с.
31. Конопкин, О.А. Психологические механизмы саморегуляции деятельности. / О.А, Конопкин. – М. : Изд-во Наука, 1980. – 237 с.

32. Кузьмин, Е.С. Основы социальной психологии. / Е.С. Кузьмин. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1967. – 312 с.
33. Лаптев, Л.Г. Акмеологические основы эффективного воинского труда : Монография. / Л.Г. Лаптев. – М. : Изд-во ИТАР – ТАСС, 1998. – 283 с.
34. Левшина, В.В. Формирование системы менеджмента качества вуза : монография. / В.В. Левшина, Э.С. Бука – Красноярск : Изд-во СибГТУ, 2004. – 324 с.
35. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность : Избр. психол. произведения в 2-х т. / А.Н. Леонтьев. – Т.1. – М. : Изд-во Педагогика, 1983. – 345 с.
36. Леонтьев, А.Н. Потребности, мотивы, эмоции : курс лекций. / А.Н. Леонтьев. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 62 с.
37. Ломов, Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. / Б.Ф. Ломов. – М. : Изд-во Наука, 1984. – 448 с.
38. Максименко, С.Д. Экспериментальный метод в советской возрастной и педагогической психологии : автореф. дис. докт. пед. наук. / С.Д. Максименко. – Киев, 1989. – 35 с.
39. Матюшкин, А.М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении. / А.М. Матюшкин. – М. : Изд-во Педагогика, 1972. – 217 с.
40. Пидкасистый, П.И. Педагогика : учебник для ВУЗов. / П.И. Пидкасистый. – М. : Изд-во Высшее образование, 2007. – 430 с.
41. Платонов, К.К. Вопросы психологии труда. / К.К. Платонов. – М. : Изд-во Медицина, 1979. – 264 с.
42. Платонов, К.К. Система психологии и теория отражения. / К.К. Платонов. – М. : Изд-во Мысль, 1988. – 269 с.
43. Словарь современного русского литературного языка. – Т.8. – М. : Изд-во Худож. литература, 1959. – 1840 с.
44. Струмилин, С.Г. К вопросу о классификации труда : История советской психологии труда : Тексты. (20-30-е гг. XX века) / С.Г. Струмилин. // Под ред. В.П. Зинченко, В.М. Мунипова, О.Г. Носковой. – М. : Изд-во МГУ, 1983. – 360 с.
45. Тюмасева З.И. Метатеория образования : монография / З.И. Тюмасева, Б.Ф. Кваша – СПб. : Изд-во АПНЭБ, МИНПИ, ИЗИЭЧ, 2004. – 414 с.
46. Шадриков, В.Д. Проблемы системного анализа профессиональной деятельности. / В.Д. Шадриков. – М. : Изд-во Наука, 1982. – 185 с.
47. Щедровицкий, Г.П. Проблемы методологии системного исследования. / Г.П. Щедровицкий. // Избранные труды. – М. : Изд-во Шк. Культ. Полит. 1995. – 458 с.

Этические проблемы оказания психологической помощи в период чрезвычайных ситуаций

Борисова К.Ю.

Статья посвящена основным аспектам медицины катастроф, которая представляет собой особую новую медицинскую специальность, а именно - это лаборатория развития идей гуманизма, милосердия и любви к людям, которые в дальнейшем конечном счёте закрепляются в этических и правовых документах. Ключевые слова: психологическая помощь, чрезвычайная ситуация, природные катаклизмы, модель здравоохранения, медицина катастроф.

Borisova K.Y.
Ethical problems of psychological assistance during the emergencies

The article is devoted to the basic aspects of disaster medicine, which is a special new medical specialty - namely, a laboratory of ideas of humanism, mercy and love to people who subsequently ultimately fixed in the ethical and legal documents.

Key words: psychological assistance, emergency, natural disasters, health-care model, medical catastrophes.

Актуальность этических проблемы оказания психологической помощи в период чрезвычайных ситуаций, с одной стороны, обуславливается тем, что международное право недостаточно совершенно, чтобы полностью остановить военные конфликты, технический прогресс не может обеспечить безопасность человека от стихийных бедствий и природных катаклизмов, и в связи с этим появляются пострадавшие, во многих случаях им требуется психологическая помощь, которая может быть оказана в комплексе с медицинской или носить самостоятельный характер. С другой стороны, помощь, как психологическая так и медицинская, должна быть оказана на квалифицированном уровне, один из важных пунктов которой – действие должно исходить из идеи гуманности. Формальным выражением этого, хотя и не универсальным, может служить действие, согласное с этическими принципами, принятыми в данном сообществе.

Большой вклад в развитие этой темы внесли исследования таких американских ученых как А.Кэмбелл, Г.Джиллетт, Г.Джонс, Д.Чилдресс, Т.Бичмант. Если говорить о русскоязычных разработках этой темы, то можно отметить исследование «Этические проблемы оказания медицинской помощи в чрезвычайных ситуациях» (М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2007). Так же нужно отметить, что данная тема исследуется и профессиональным сообществом, из наиболее интерес-

ных работ для философского анализа можно выделить «Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных» (М.: Смысл, 2007). Исследований посвященных медицинской и профессиональной этики представляется достаточное количество, но наблюдается дефицит узкоспециализированных философско-этических исследований данной темы, особенно русскоязычных. На наш взгляд, эта тема заслуживает более глубоких специальных исследований.

Объект нашего исследования – оказание психологической помощи в период чрезвычайных ситуациях. Предметом исследования являются этические проблемы возникающие в рамках данной деятельности. Структуру моей статьи можно обозначить следующим образом: в начале мы бы хотели дать философский анализ понятию чрезвычайная ситуация и психологическая помощь, проследить связь медицинской и психологической помощи на основании психосоматического подхода Ф.Александера. Далее провести сравнение этических принципов данных в пособии для психологов, работающих в чрезвычайных ситуациях и четырех основных принципов биоэтики, с целью выявления особенностей преломления данных принципов в период катастроф. Морально оправданное отступление или сужение поля действия принципа. Личность психолога медицины катастроф.

На основании полученных выводов, провести интерпретацию полученного анализа в дискурсе моделей медицины по теории (Витча-Тищенко). По мнению П.Д. Тищенко¹, в современной медицине можно выделить три модели здравоохранения: медицинская, социальная и экзистенциальная.

Если кратко охарактеризовать каждую из них, то медицинская модель представляет собой как бы войну между врачом и острой болезнью, полем битвы которой, является пациент. Социальная модель предполагает адаптацию пациентов, страдающих хроническими заболеваниями. Задачи исследования и помощи в ситуациях на грани жизни и смерти, представлены в экзистенциальной модели.

Гипотеза нашего исследования заключается в том, что в современном обществе актуально выделять ещё одну модель здравоохранения – модель медицины катастроф. В дальнейшем, я планирую более подробно рассмотреть этические проблемы оказания медицинской, помо-

щи в узком смысле слова, рассмотреть моральные дилеммы данного профессионального сообщества, более глубоко проанализировать статистическую информацию по данному вопросу, провести интервьюирование психологов службы медицины катастроф, рассмотреть опыт этического регулирования службы медицины катастроф на примере других стран.

В начале нашего исследования нужно сказать, что оказание психологической помощи может происходить двумя способами: психологическая помощь как отдельная терапия и, во втором случае в комплексе с медицинской помощью. Важно отметить, что комплекс оказания помощи врачом медицина катастроф особенно невозможен без психологической помощи, так как чрезвычайные ситуации имеют неотъемлемый атрибут – высокий уровень нервного напряжения населения.

На первый взгляд, психологическая помощь второстепенна по отношению к физиологической, но с другой стороны современное научное сообщество все чаще проявляет интерес к психосоматике.

Франц Александер, ученик З.Фрейда в книге Психосоматическая медицина формирует психосоматический метод.

Взаимодействие эмоций, гормональной регуляции и заболевания можно описать следующим образом: «Вегетативные реакции на различные эмоциональные стимулы также зависят от типа эмоций. Каждому эмоциональному состоянию присущ свой физиологический синдром. Возросшее кровяное давление и учащенное сердцебиение - компоненты ярости и страха. Усиленная желудочная секреция может быть регрессивной реакцией на чрезвычайную ситуацию. Приступы астмы связаны с вытесненным бессознательным импульсом - криком звать мать на помощь»².

Врач медицины катастроф в большинстве случаев имеет дело с целым комплексом эмоций, но самой выраженной из них является страх. На биохимическом уровне страх вызывает резкий выброс адреналин в кровь, что вызывает ишемию, сужение сосудов т.д. Принимая во внимание этот факт, врач медицины катастроф выбирает способ оказания помощи пострадавшему.

При оказании психологической помощи важно понимать этиологию эмоции, которая вызывает нервное напряжение. В большинстве

случаев население в зоне чрезвычайной ситуации находится в состоянии стресса.

Что именно может вызвать страх? По мнению Ф.Шеллинга на онтологическом уровне страх представляет угрозу потери собственного единства. «Страх перед полным исчезновением единства, а вместе с тем и всякого подлинного человеческого сознания – вот, что даровало людям и первые религиозные обряды, и даже первые гражданские учреждения; целью их было сохранить и обезопасить от дальнейшего разрушения все, что сумели они сохранить от бывшего единства»³.

Страх перед лицом неизвестности, смерть, страдания людей. Обращаясь к конкретному человеку это потеря близких, мысли по поводу неизвестности дальнейшей жизни близких, будущего детей, потеря дееспособности. Человек теряет уверенность в существовании для него потребностей первого порядка потребность в еде, крове, защищенности. Ощущения заброшенности. Обращаясь к терминологии постмодернистов, а в частности к А.Бадью «Этика. Очерк о сознании зла»⁴, можно сказать, что катастрофа - это событие, которое навсегда изменяет человека, он уже никогда не будет прежним.

Задача психолога в условиях данной ситуации скорректировать ощущение хаоса, а следовательно и страха в сознании пострадавшего. Но возникает вопрос системы ценностей пострадавшего до возникновения катастрофы, ценностных ориентиров, которые может обнаружить психолог в процессе работы. На мой взгляд, главным этическим правилом психолога как и врача можно назвать правило «не навреди!» затем чтобы, разговор с психологом не стал еще одним событием в терминах А.Бадью, после которого человек потеряет свою ценностную уникальность. Сохранение личности, поиск осколков ценностной системы и метода как клея для восстановления личности.

Психологический стресс можно определить как феномен осознания, возникающий при сравнении требований, предъявляемых к личности, с ее способностью справиться с этими требованиями. Такое понимание психологического стресса первым ввел Р. Лазарус.

Когда мы говорим об этических проблемах оказания психологической помощи, в первую очередь нужно отметить, что главными ценностными ориентирами выступают четыре прин-

ципа биоэтики.

В методологическом плане в биоэтике выделяются четыре основных принципа: принцип автономии личности и уважения человеческого достоинства, принцип благодеяния, принцип не причинения вреда и принцип справедливости (эти принципы развернуты и обоснованы в фундаментальной работе американских биоэтиков Тома Бичампта и Джеймса Чиллдреса⁵ «Принципы биомедицинской этики»). Каждый из вышеперечисленных биоэтический принцип является ценностным ориентиром в пространстве биоэтики, на страницах книг и журналов мы все больше может видеть философскую рефлексию по данному вопросу. Создаются учебные пособия по биоэтики, проводится подготовка персонала, но это еще не гарантирует конвертацию внешних норм во внутренние. Для психологов, работающих в условиях чрезвычайных ситуаций, необходимо принимать решение в реальном мире, а не в теоретических абстракциях.

«Никакая практическая ориентация моей жизни в теоретическом мире невозможна, в нем нельзя жить, ответственно поступать, в нем я не нужен, в нем меня принципиально нет»⁶

Но встает вопрос о качестве предложенных решений, специалисту работающему в данной сфере приходится принимать сложные моральные решения, так как уровень напряженности в зоне поражения на порядок выше, чем в обычной повседневной жизни.

Одним из пространств, где закрепляется этические нормы можно назвать комплекс документов, которые образуют сферу гуманитарного права.

Одно из положений преамбулы Протокола II Женевской Конвенции гласит, что «в случаях, не предусмотренных действующими правовыми нормами, человеческая личность остается под защитой принципов гуманности и требований общественного сознания»

Л.В. Коновалова говорит о биоэтике как о новой науке о милосердии⁷, Среди тех, кто призван воплощать на практике её идеи, важное место занимают врачи медицины катастроф «Не содержание обязательства меня обязывает, а моя подпись под ним, то, что я единожды признал, подписал данное признание.»⁸ Нормы официальных документов тогда становятся основой действия, когда сообщество принимает это как этическую норму.

Как считает Т.И. Пороховская⁹, первым, кто внёс философскую рефлексию в сферу профессиональной морали был Э. Дюркгейм (1859-1917). В предисловии его работы «О разделении общественного труда» (1902) содержится очерк о профессиональной этике – «Несколько замечаний о профессиональных группах», где и была предпринята попытка применения философской рефлексии к этому явлению общественной жизни. Э. Дюркгейм говорит о профессиональной этике прежде всего как о механизме профессионального регулирования.

В литературе, посвященной профессиональной этике, большинство авторов исходит из «парадигмы Гиппократы» - они разрабатывают профессиональную этику как собственно систему норм (т.е. как идеологию), регулирующих сами социальные практики в рамках профессиональной деятельности.

Когда речь идёт об этически нагруженных профессиях, таких как врач, юрист, журналист, педагог и т.д., невозможно обойтись без системы этических норм (этических кодексов), которая бы регулировала, и в какой-то мере предписывала действия профессионалов этой сферы.

В профессиональном сообществе психологов медицины катастроф¹⁰ выделяется шесть основных этических принципов работы специалиста в данной области такие как:

Принцип защиты интересов клиента. В данном контексте применения этого принципа в период ЧС обуславливается тем, что границы проблемы с которой ведётся работа не обговариваются как это бывает в повседневной практике.

Принцип «не навреди». В указанном источнике «Первое следствие: краткосрочность оказания помощи, то есть помощь должна быть направлена на коррекцию актуального состояния, вызванного данной ситуацией, одновременно обеспечивая экологичность проводимых мероприятий для будущей жизни клиента.» Работа с давними особенностями личности считается принципиально неправильной.

Принцип добровольности. Психологическая помощь оказывается не только по просьбе клиента, но и как бы навязывается потерпевшему, так как ситуация требует такого решения.

Принцип конфиденциальности сохраняется при оказании психологической помощи, но предусматривает отступления, если информа-

ция полученная специалистом является опасной для потерпевшего.

Принцип профессиональной мотивации. Он направлен на самого психолога, своей целью носит защиту пострадавшего от негативных воздействий смешивания личных мотивов психолога (таких как самоутверждения и т.д.) профессиональной мотивации. Усиление строгости выполнения усиливается в период ситуаций отличных от повседневной практики.

Принцип профессиональной компетентности «предполагает, что специалист, оказывающий помощь, должен быть достаточно квалифицирован, иметь соответствующее образование и специальную подготовку для работы в чрезвычайных ситуациях». Психолог в данном случае не может перенаправить пациента к другому более квалифицированному специалисту.

Выделение шести этических принципов деятельности психолога медицины катастроф вместо четырех классических требует подробного рассмотрения.

Первый принцип - «не навреди». Является старейшим в биоэтике и по латыни звучит как: *primum non nocere*, что в переводе на русский язык означает «прежде всего – не навреди».

В классификации описанной выше мы можем найти принцип со сходным названием, но биоэтический принцип «прежде всего не навреди» имеет более сильную нормативную нагрузку, чем принцип указанный ранее. Тот вред, о котором идет речь в первом случае, является лишь одной из разновидностью вреда.

Особенностью этого принципа при работе в чрезвычайной ситуации является актуальность помощи. Ограниченность во времени, большое количество пострадавших делают невозможным работу с пострадавшим. На мой взгляд, такой вид вреда относится больше к проблеме психологической сортировки, чем к личности. Самым страшным видом вреда в данном случае будет выступать угроза разрушения личности, ее целостности под влиянием действия психолога.

Второй принцип – «делай благо». Этот принцип является продолжением и расширением предыдущего, но в отличие от принципа «не навреди» имеет форму, которая требует некоторых позитивных действий.

Фундаментальное правило биоэтики гласит: моральный долг врача относиться к пациенту как к личности, и моральный долг пациента пе-

ред самим собой – оставаться личностью даже в условиях заболевания. Трудно уважать личность того, кто сам в себе её не уважает.

Анализирую данный принцип и систему этических установок представленных выше, можно сказать, что данному принципу соответствует принцип профессиональной мотивации. В том смысле, что именно эта моральная установка диктует человеку совершать действия направленные на благо пострадавшего, и защищает психолога от подмены мотива профессиональной помощи на мотивы самореализации или других сторонних мотивов.

Принцип «уважения автономии личности». Понятие автономии является одним из ключевых в этике, поскольку только автономная личность может делать свободный выбор, и только там, где есть такой выбор, можно говорить об ответственности, применять этические категории. По мнению, Б.Г. Юдина¹¹ можно выделить следующие признаки автономного действия:

- Интенционально (преднамеренно; в соответствии с некоторым собственным замыслом, планом);
- Осознанность (понимание того, что именно он делает);
- Исключение внешних влияний, которые определяли бы ход и результат действий.

Принцип «уважения автономии личности» опирается на то, что человеческая личность самоценна независимо от каких бы то ни было внешних и внутренних факторов, к примеру, внутренних страстей. И. Кант утверждал: «Каждая личность самоцель и ни в коем случае не должна рассматриваться как средство для осуществления каких бы то ни было задач, хотя бы это были задачи всеобщего блага»¹².

Это чрезвычайно сильное требование сегодня легло в основу практически всех международных и национальных этических кодексов, деклараций и иных документов, регулирующих моральную и юридическую сторону медицинских вмешательств в физическое и психическое состояние человека. Обращаясь к списку принципов указанному выше принципу «уважения автономии личности» будут соответствовать сразу три принципа: Принцип защиты интересов клиента, Принцип добровольности, Принцип конфиденциальности.

Принцип справедливости. Принципу справедливости будет соответствовать принцип про-

фессиональной компетентности. В принципе профессиональной компетентности и в принципе профессиональной мотивации основную роль играет личность самого психолога.

Его гуманистический настрой с одной стороны и методы восстановления с другой, так как от этого напрямую зависит эффективность оказанной помощи. Профессионализм человека данной специальности заключается не только в правильном выборе способов и методов помощи, хотя это безусловно очень важно, но и в его способности поддерживать себя в состоянии как моральном, так и физическом оптимальном для данной этически нагруженной деятельности.

Оказание психологической помощи самой по себе возможно, если мы принимаем предположение о том, что существует способность вчувствования. Традицию сенсуалистов продолжает и Д.Юм «Самое замечательное из всех качеств человеческой природы как само по себе, так и по своим следствиям - это присущая нам склонность симпатизировать другим людям и воспринимать посредством сообщения их наклонности и чувства, как бы они ни отличались от наших, хотя бы они были даже противоположны последним»¹³.

Сам процесс оказания психологической помощи в своей основе заключается в проникновении в мир Другого, в попытке построения модели его внутреннего мира, с целью реконструкции поврежденных объектов.

Д.Юм делает попытку описать устройство человеческой природы используя термин «ментальная география». «Немалую часть науки составляет простое распознавание различных операций духа, отделение их друг от друга, подведение под соответствующие рубрики и устранение того кажущегося беспорядка и запутанности, в которых они находятся, когда предстают в качестве предметов размышления и исследования»¹⁴.

Разделение впечатлений и идей соответствует различению чувственности и мышления. «Впечатления, следовательно, представляют собой живые и сильные перцепции. Идеи – более тусклые и слабые. Впечатления, в свою очередь, делятся на «впечатления ощущения» и «впечатления рефлексии», или «первичные» и «вторичные» впечатления. Механизм смены перцепций можно описать следующим способом: 1) вначале «от неизвестных причин» (from unknown

causes) в душе возникает впечатление ощущения; 2) затем идея этого впечатления остается в памяти; 3) если идея приятна, то ее воспроизведение порождает желание вновь иметь соответствующее ощущение.

Д. Юм полагает, что сколь бы мы ни всматривались в себя, мы всегда видим какое-то конкретное впечатление, внешнее или внутреннее, ощущение или желание. Но мы никогда не видим само Я в изоляции от всех других перцепций. Это наблюдение позволяет Юму в первой книге «Трактата» сделать вывод о том, что душа есть «пучок или собрание различных перцепций» (bundle or collection of different perceptions).

Психолог работающий в условиях чрезвычайной ситуации невольно принимает на себя и роль морального психолога в том числе. Если следовать описанию устройства душевной жизни Д.Юма, особенно принимая во внимание тот факт, что человек обращаясь к себе не может видеть собственное душевное устройство, помощь морального психолога имеет обязательный характер, если речь идет о желании восстановить ценностную систему.

При процессе вчувствования не подразумевает попытки насильственного проникновения в мир Другого, это более напоминает естественный процесс приближения к Другому по средствам эмпатического чувства.

Важно обратить внимание на то, что способность вчувствования должна проявляться со стороны психолога, его собственная закрытость, напряженность, нежелание помочь может стать серьезной преградой на пути к оказанию квалифицированной помощи. В пособии для врачей медицины катастроф предлагаются способы поддержания своего собственного психологического состояния в таком виде, который требует данная деятельность. Е. Jacobson в книге «You must relax»¹⁵ следующим образом говорит о нервном напряжении: часто человек сам замечает напряжение, оно чувствуется во всем теле. В случае автора, напряжение появилось в грудной клетке, спине и/или руках. Частыми симптомами можно назвать боль в шее и головную боль вызванные сверхнапряжением. Иногда сверхнапряжением переходит в область грудной клетки. Возможно появление «необычных ощущений», возможно страхи, часто это может проявляться при встрече иностранцами или перед разговором с людьми.

Анализирую этические принципы данные в пособии для психологов работающих в чрезвычайных ситуациях и основные биоэтические принципы можно говорить о том, что этические нормы психологов включены в смысловое поле биоэтических. Но рассматривая ценностные установки психологов медицины катастроф мы можем выделить особенности преломления норм биоэтики в период чрезвычайных ситуациях.

Исходя из проведенного исследования можно сказать, что медицина катастроф – имеет отличительные черты от других моделей здравоохранения, выделенных на основе теории Витча-Тищенко¹⁶. При философском анализе возможных этических проблем при оказании психологической помощи в чрезвычайных ситуациях, возможно обнаружение крайне специфических форм выражения страха как онтологической боязни единичности, потери связи с окружающим раньше миром при помощи как социальной отношений так и физических мер защиты. Деконструкция привычного миропонимания происходит в короткий срок и ведет за собой усиление ощущения заброшенности человека в понимании М.Хайдеггера. Единственный способ в понимании Другого, и он же ключ к помощи, это вербальная коммуникация. Принимая во внимание всю философскую традицию направленную на доказательства несовершенств языка, в пространстве медицины катастроф это один из немногих способов понять по какому направлению можно оказать психологическую помощь. Рассматривая медицину катастроф как феномен современности, можно говорить о задаче возвращения целостности пострадавшим в период чрезвычайных катастроф. Речь здесь идет не только о физической составляющей человека, но, и даже в большей степени, о его целостности восприятия действительности, «новый способ быть» в терминологии А.Бадью¹⁷, без квалифицированной помощи разрушить человеческую сущность (как эмоциональную так и физическую). Термин Забота, может наиболее точно охарактеризовать основной моральный ориентир психолога. Если катастрофу можно описать в терминах имеющих приставку де – деконструкция, деструкция, дестабилизация, то этическим принципом психолога, может являться направленности деятельности, несущая смысл приставки «ге (реконструкция и т.д.) Важно заметить, что с какими бы

случаями ни сталкивался специалист данной области, это не может быть создание, строительство чего-то принципиально нового. Это только реконструкция, воссоздание. Одним из глубоко наполненных этических правил можно назвать высокий профессионализм самого психолога и желание служить принципам гуманности.

Ссылки:

- 1 Тищенко П.Д. Жизнь и власть: био-власть в современных структурах врачевания. Мир психологии, № 2, 2006.
- 2 Психосоматическая медицина. Принципы и практическое применение. /Пер. с англ. С. Могилевского. - М.:Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. - 352 с, http://www.koob.ru/alexander_franz/psychosomatic_medicine_principles_and_use.
- 3 Шеллинг Ф. Историко-критическое введение в философию мифологии; http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/shell/03.php
- 4 Бадью А. Этика. Очерк о сознании зла. / Пер. В. Е. Лапицкого. - СПб.: Machina, 2006. - 126 с.
- 5 Principles of Biomedical Ethics, James F. Childress: Authors: Tom L. Beauchamp, James F. Childress: Edition: 5, revised: Publisher: Oxford University Press, 2001.
- 6 Бахтин М.М. К Философии поступка. Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-1985. М.:Наука, 1986
- 7 Л.В. Коновалова. Прикладная этика: по материалам западной литературы (Том 1) - Институт философии РАН, 1998. – С.256.
- 8 Бахтин М.М. К Философии поступка. Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-1985. М.:Наука. 1986
- 9 Этика: учебник для бакалавров / А.А. Гусейнов, А.Г. Гаджикурбанов [и др.]; под общ. ред. А.А. Гусейнова. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – 569 с.
- 10 Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных / Под общей ред. Ю.С. Шойгу. М.: Смысл, 2007. - 319 с.
- 11 «Биоэтика: принципы, правила, проблемы» - М.: Эдиториал УРСС, 1998, - 472 с.
- 12 Кант И. Соч., т. 4, ч. 1, М., 1965.
- 13 Юм Д. Трактат о человеческой природе / Пер. с англ. С.И.Церетели; вступ. ст. и примеч. И.С.Нарского // Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1966. С. 367–67.
- 14 Трактат о человеческой природе / Пер. с англ. С.И.Церетели; вступ. ст. и примеч. И.С.-Нарского // Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1966. С. 12.
- 15 Jacobson E. You must relax/ - UNWIN PAPERBACKS, 1976 – 270 с, с.4-5
- 16 Витч Р. Модели моральной медицины в эпоху революционных изменений // Вопросы философии. - 1994. - №3.
- 17 Бадью А. Этика. Очерк о сознании зла. / Пер. В. Е. Лапицкого. - СПб.: Machina, 2006. - 126 с.

Воспитательный потенциал урока экономики в формировании социальной ответственности старшеклассников

Джавахидзе Л.Б.

В статье раскрыта роль современной школы в формировании экономического воспитания и социальной ответственности старшеклассников. Полученные результаты адекватны поставленным задачам, проверены экспериментальным путем, подтверждают актуальность и новизну проведенного исследования.

Ключевые слова: педагогическая технология, воспитательный потенциал, экономическое воспитание, социальная ответственность.

Dzhavahidze L.B.

Educational potential of economics lesson in the formation of senior social responsibility

The article deals with the role of the modern school of education in shaping economic and social responsibility seniors. The results obtained are adequate to the tasks, verified experimentally. Confirm the relevance and novelty of the study.

Key words: educational technology, educational potential, economic education, social responsibility.

В современной общеобразовательной школе старшеклассник делает жизненно важный выбор, который, в основном, определяет его дальнейшее образование и будущую профессиональную карьеру.

Структуре образовательных и жизненных установок учащихся в наибольшей степени соответствует профильное обучение, в процессе которого создаются условия, необходимые для реализации своих интересов, способностей и дальнейших жизненных планов. При этом большое значение имеет экономическое воспитание старшеклассников, основанное на первоначальном формировании социальной ответственности, что обусловлено следующим. Чтобы развивать в нашей стране социально ориентированную экономику, современное российское общество стремится не только к созданию собственного благополучия, но и проявляет свою заинтересованность в решении социальных задач наряду с задачами экономическими, острыми сложными финансовыми и политическими процессами. Нам необходима устойчивая тенденция к росту социальной ответственности бизнеса. Таким образом, потребность современного общества заключается в активных, инициативных, самостоятельных, творчески мыслящих гражданах, характеризующихся высокой степенью социальной ответственности. Задача школы - сформировать первоначальный уровень социальной ответственности старшеклассников.

С психологической точки зрения, о зрелости и наступающей взрослости можно судить по ответственности юношества за свои поступки. Еще одним показателем зрелости и наступающей взрослости является умение разводить свои реальные и идеальные цели, делать свободным личный выбор. Этот выбор, во многом, зависит от интереса к своей возможной в будущем профессиональной деятельности в рыночных условиях и объективной востребованности экономических знаний.

С педагогической точки зрения особенности воспитания старшеклассников, в основном, определяется спецификой юношеского возраста. Именно, в юношеском возрасте учащиеся оказываются на пороге вступления в самостоятельную жизнь. Для юношей и девушек становится характерной нацеленность в будущее. Растет их самосознание, развивается потребность в самоопределении, в выборе будущей профессии, повышается роль самооценки, интенсивно формируется мировоззрение.

Важную роль в жизни старшеклассников играет коллектив, поэтому этот возраст называют самым «коллективистским». Приобщение учащихся старших классов к коллективным делам и заботам дает возможность каждому из них проявить свои способности и таланты. Происходящий процесс самоопределения личности, рост самосознания старшеклассников рождает их потребность в самовоспитании, желании освободиться не только от некоторых недостатков в поведении, но и совершенствовать личность в целом [3]. В старшем школьном возрасте происходит становление ценностных ориентиров, определяющей направленностью которых является социальная ответственность. Она характеризуется отношением человека к созидательной деятельности как к своему гражданскому долгу, готовностью соотносить личные и общественные интересы, способностью отвечать за результаты своей деятельности и поведения.

В связи с этим под социальной ответственностью мы понимаем интегративное качество личности, служащее показателем ее социального развития, а именно, критерием ее социальной зрелости, которая выражается в потребности к самореализации в обществе с учетом общественных целей и ценностей.

Для решения этой задачи мы остановились на том, чтобы средой формирования социаль-

ной ответственности старшеклассников стали уроки экономики, реализующие стандартный курс экономики при профильном обучении, усиленный использованием нравственного аспекта в экономическом образовании [2].

Формирование социальной ответственности при изучении экономики определено нами как главная цель учебно-воспитательного процесса, а социальная ответственность принята учащимися в качестве социально-личностной ценности [6]. Для того чтобы достичь ее, необходимо предварительно сформировать мотивацию к нравственно-экономическому образованию. По своей структуре мотивация к такому обучению включает внешнюю (стремление получить высокие отметки, одобрение учителя, симпатия к учителю, стремление превзойти других и т.д.) и внутреннюю (интерес к изучаемому предмету, интересен метод преподавания, стремление добиться особых успехов и т.д.) стороны. В школьном коллективе бессознательно заложено стремление быть значимым в глазах других, быть успешным. Успехи учащихся через позитивные оценки окружающих, повышают уровни психической, умственной, учебной, физической деятельности, что было решено использовать во время проведения эксперимента. Потребности и мотивы управляют поведением [5]. Когда их нет, выбор дальнейшего пути невозможен. Ф.М. Достоевский писал: «Уничтожьте мои желания, сотрите мои идеалы, покажите мне что-нибудь лучшее, и я за вами пойду» (Собрание соч. Т. 10). Отношение школьников к учебе зависит от мотивации. Мотивы определяются убеждениями, идеалами, установками, потребностями, интересами.

Как психолого-педагогические образования, они связаны и влияют друг на друга. Одной из составляющих педагогического эксперимента стало проведение диагностирования мотивации учащихся к изучению экономики с учетом нравственного аспекта, чтобы в дальнейшем, в случае необходимости, способствовать ее повышению для пользы учащегося. Таким способом можно содействовать формированию нравственно-экономического жизненного стиля учащегося в процессе организации школьного экономического образования.

Длительное (лонгитюдное) наблюдение за старшеклассниками, проведенное автором, показывает, что изучение экономики способству-

Рис. 1. Модель формирования социальной ответственности старшеклассников при изучении экономики

ет формированию у большинства учащихся высокого уровня самопроизвольной познавательной активности.

Акцент на самопроизвольную познавательную активность приводит к самостоятельности и в будущем способствующей формированию социальной ответственности.

О проявлении самопроизвольной познавательной активности мы судим по вопросам старшеклассников, задаваемым учителю; стремлению по собственной инициативе участвовать в коллективной деятельности, в обсуждении социально-экономических вопросов; в активном оперировании приобретенными знаниями и умениями;

по интеллектуальной радости; по сосредоточенности внимания, слабой отвлекаемости, поведении ученика при затруднениях, стремлении к завершенности учебных действий. Это и есть показатели одного из главных критериев самопроизвольной познавательной активности.

Нами была разработана и в ходе педагогического эксперимента проверена Модель формирования социальной ответственности старшеклассников при изучении экономики [4] (рис. 1).

Формируя в процессе обучения экономики социальную ответственность старшеклассников, мы отслеживали за уровень развития социально ответственного поведения личности, используя комплекс критериев:

1. поведение учащихся на уроке;
2. поведение и деятельность учащихся вне урока;
3. поведение учащихся в социуме (группа, класс).

К данным критериям нами были отобраны основные показатели.

Критерию «поведение учащихся на уроке» соответствовали следующие показатели: вопросы учителю проблемного характера; инициативность в работе; сосредоточенность внимания, слабая отвлекаемость; умение преодолевать трудности; решение проблемных задач. Для второго критерия «поведение и деятельность учащихся вне урока» были выбраны такие показатели, как распространение интересов на участие в социальных акциях; участие в коллективной работе в социуме; возникновение интеллектуальной радости от совместно выполненных заданий, появление креативности; наличие способности к самоорганизации.

К критерию «поведение учащихся в социуме (группа, класс)» были отнесены следующие показатели: посещение социально-экономических

выставок, семинаров, форумов; сбор тематической литературы; работе в школе Парламентаризма; использование Интернет ресурса и других видов межкультурной коммуникации и т.д.; практическая направленность на применение базовых экономических знаний и др.

Проведенный на базе нескольких школ (536, 538, 525,627) Юго-Западного и Центрального округов г. Москвы педагогический эксперимент показал, что нравственно-экономическое воспитание старшеклассников, основанное на первоначальном формировании социальной ответственности личности, не только необходимо и возможно, но и дает хорошие результаты в условиях школы на уроках экономики.

Литература

1. Конституция Российской Федерации [Текст]: офиц. текст. – М.: Норма- Инфра- М, 2012.- 128 с.
2. Об образовании [Текст]: федер. закон.- М.: Инфра- М, 2012.- 54 с.
3. Байбородова, Л.В., Рожков М.И. Организация воспитательного процесса в школе [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Л.В. Байбородова. – М.: Гуманит. ВЛАДОС, 2001. – 256 с.
4. Джавахидзе Л.Б. Модель формирования социальной ответственности старшеклассников при изучении экономики [Текст] / Л.Б.Джавихидзе//Вестник МГОУ. Серия «Педагогика»-2012. – N2. - С. 11–16.
5. Мудрик, А. В. Наши дети не хотят жить так же, как мы: И чтобы преодолеть этот разрыв, нам надо знать, что окружает сегодняшних подростков и что они выбирают. [Текст] / А.В. Мудрик // Первое сент.-2011. - N 68. - С. 2 – 8.
6. Симонов, Г.С. Социальная ответственность как общественное явление [Текст] : дис. канд. фил. наук / Г.С. Симонов. - Уфа, 1973. - 78 с.

Проблематика конструирования будущего в философии

Михальский А.В.

Идеи философского направления конструктивизма, проблематика социального конструирования реальности, служат фундаментом для осмысления психологии конструирования будущего, и построения новых принципов практической психологии данного направления. Ключевые слова: конструирование образа будущего, пространство будущего в философии, образ будущего, исследования, конструктивизм, проблематика.

Michalski A.V.

Philosophical issues of constructing the future Ideas of constructivism, issues of social construction of reality, serve as the foundation for understanding the psychology of the future constructing and of the new principles of practical psychology in this direction.

Key words: design vision of the future, the future of space in philosophy, a way of the future, research, constructivism perspective.

В конце XIX - начале XX века ученые задумываются о том, что изучить мир, не учитывая самого познающего (субъект познания) и те условия, в которых действует познающий, невозможно. Ведущая роль идеи вселенной как «часового механизма» сменяется специальной и общей теорией относительности (Альберт Эйнштейн, 1905 и 1916 годы). Фактически, за очень короткий период, за первую четверть XX века, фундаментально перестраиваются все науки. Свершается третья глобальная научная революция. В понимании мира происходит переворот.

Истоки философского подхода к изучению психологии конструирования будущего прослеживаются в философии позитивизма, а более всего ? в одной из его школ ? в логическом позитивизме. Это философское направление было создано группой мыслителей, объединившихся в Вене в конце 1920-х годов (Венский кружок). Они, в частности, опирались на классические идеи Д. Юма (1711-1776) о том, что:

1) познание основывается на опыте, им начинается и заканчивается (эмпиризм);

2) мир представлен в сознании каждого человека ? мы можем познать наше восприятие явлений, которые происходят вокруг нас, но сущность мира скрыта от нас. Человек не в силах ответить на такие вопросы как существование Бога, изучить, бессмертна ли душа (агностицизм) [6].

Идеи философского направления конструктивизма, проблематика социального конструи-

рования реальности, заложенная Л.С. Выготским (1896-1934), безусловно, служат фундаментом для осмысления психологии конструирования будущего, и построения новых принципов практической психологии данного направления.

В 1931 году выходит знаменитая книга Л.С. Выготского «История развития высших психических функций» [1]. В ней, в частности, автор впервые излагает идеи философии социального конструктивизма, общий смысл которой заключается в следующих основных положениях:

1) Взаимодействие между людьми ? неотъемлемый фактор успешного развития личности, так в обучении, зона ближайшего развития задается общением с тем, кто обладает большим опытом, знаниями, умениями.

2) Развитие высших психических функций ? это, фактически, перенос вовнутрь (интериоризация) отношений между людьми, социальных отношений.

3) Знак ? решающий фактор в развитии сознания и осознание мира зависит от сложности организации языковых значений, которыми оперирует человек.

4) Психика ? это определенное «решето», через которое просеивается окружающая реальность. Оно искажает окружающую реальность, так, чтобы человек смог ориентироваться и начать действовать.

К ученым, фактически заложившим основы психологии конструирования будущего в современной науке, можно также отнести Альфреда Коржибского (1879-1950). По мнению Коржибского, наше познание ограничено двумя факторами: свойствами организма (нервной системы), и системой языка. Именно он сформулировал «золотые слова», ставшие одним из основных предпосылок НЛП (нейролингвистического программирования): «Карта не есть территория». Коржибский считает способность к абстрагированию одним из самых важных навыков личности, с помощью абстрагирования человек готовится к восприятию нового, созиданию будущего [6]. И вновь ключевым для развития личности признается умение выйти за рамки проблемы!

Джордж Келли (1905-1967) ? философ и гениальный психолог, опередивший время. В эпоху неклассической философии, он предло-

жил концепции, которые реализовались и распространились уже в эпоху следующей - постнеклассической. Дж. Келли в книге «Психология личности. Теория личностных конструктов» указывает основные идеи конструктивного альтернативизма (в данном случае - как философского направления):

? реальность ? процесс познания, она интерпретируется каждым человеком постоянно и индивидуальным образом;

? интерпретация (происходит в процессе отражения-репрезентирования реальности) дает человеку возможность наилучшей адаптации к окружающей среде;

? успешные интерпретации (когнитивные модели) закрепляются, а неудачные (лишние) отбрасываются за ненадобностью;

? интерпретация реальности происходит с помощью специальных инструментов нашей психики - отдельных «шкал оценки» окружающей действительности, которые Келли называет персональными конструктами (например, других людей мы можем оценить по шкалам «умный-глупый», «счастливый-несчастливый», «толстый-тонкий» и др.);

? конструкты работают взаимосвязанно в системе, таким образом достигается достаточно комплексная оценка ситуации (и, конечно, не всегда у нас есть наготове оформленные заранее конструкты, чтобы оценить сложные ситуации);

? активность (поведение) человека направляется по наилучшему варианту-модели, под сказанной сложившейся системой конструктов;

? взаимодействие людей - это взаимная подстройка их когнитивных систем [3].

Переходя от интеракционизма Дж. Мида к своей собственной теории, и принимая идеи взаимного раскрытия сигналов в коммуникации и предвосхищения ситуации общения через воображение, Келли идет дальше: он полагает, что любая интерпретация (понимание и объяснение человеком своей жизненной ситуации) вполне имеет право на существование, особенно если помогает человеку справиться с трудностями.

В середине XX века наука собирает достаточно богатый эмпирический материал и (как всегда в «период кризиса») необходимо появление новых теорий, объясняющих полученные данные. Структурализм ? философское течение, которое бурно развивается с начала 1960-х го-

дов на основе идей Фердинанда де Соссюра (1857-1913). Соссюр считает, что язык - это четкая структура, состоящая из знаков. Знак ? единство означаемого (смысл понятия) и означающего (акустика слова). Использовать язык вне правил невозможно и бессмысленно и, таким образом, любая коммуникация построена на определенных языковых правилах и имеет определенную структуру. Яркие представители структурализма ? антрополог Клод Леви-Строс, философ Мишель Фуко, литературовед Ролан Барт и другие.

К середине XX века структурализм стал удобной теорией для преодоления описательности с одной стороны, и для упорядочения накопленных разными науками эмпирических фактов ? с другой. Однако, безличная логика, порядок, целостность, слаженный ансамбль и органическое единство структурного подхода ? слишком идеальная реальность, которая постоянно нарушается в такой беспокойной жизни XX века. И вот вновь перемены: приходится изучать сложнейшие системные процессы: экологические, биотехнологические, информационные, кибернетические.

В конце 1960-х годов возникает философское направление постструктурализма, который особенно популярен в 1970-1980-х годах. Мир есть текст, утверждает французский философ Жак Деррида. Очень важна для постструктурализма концепция «различения» («*differance*») выдвинутая им в одноименной работе 1967 года [2]. Различия ? те самые индивидуальные авторские намерения, вложенные в текст ? отличают авторский текст от всего остального. И эти различия могут появиться, только если происходит процесс различения. Принципы и методы, предложенные Деррида и в целом постструктурализмом, вошли в практику психотерапевтов, работающих с проблематикой конструирования будущего, получили широкое признание и развитие в философии и психологии.

Одним из центральных терминов постмодернистского анализа является термин «Нарратив». Нарратив ? это авторский текст, сюжетно построенный, разворачивающийся во времени и пространстве, субъективное понимание тех или иных ситуаций, в нарратив вкладывается личностный смысл рассказчика, нарратив - скорее инструкция, переданный код для понимания. Подход нарративной деконструкции (де-

конструкция личной истории) является не только философской концепцией, но и самостоятельным подходом в психотерапии. В то же время, нарративный подход оставляет большой простор для конструирования новой истории, собственного будущего людей: реконструкция истории - конструирование будущего.

Синергетический подход неразрывно связан с философией постструктурализма и ее идеями. Какие изменения происходят в сложных открытых неравновесных системах? Как они развиваются, какие варианты их развития и какой возможный финал развития системы, каково ее будущее состояние? На эти вопросы призвана ответить синергетика. Термины синергетики: аттрактор, эквифинальность, теория хаоса, флуктуации, точка бифуркации применяются не только в современных точных естественных науках, но и в философии, литературном анализе, психотерапии, что вызывает как правило, отрицательную реакцию со стороны ученых, ориентированных на точные науки. Однако, по нашему мнению, терминология имеет право на применение для обозначения процессов и явлений из гуманитарных областей. Более того, есть уверенность, что в недалеком будущем мы сможем применить методы точных наук не только к некоторым изучаемым явлениям, как это происходит сейчас, но и к большинству из них. Терминология синергетики также используется и в нашем подходе к анализу конструирования будущего живыми системами.

Эрнст фон Глазерсфельд (1917-2010) в своей «заглавной» статье сборника вводит термин «радикальный конструктивизм», основная идея которого в том, что познание - всегда конструирование. То, что мы узнаем от мира и несем в мир - только лишь наша конструкция и ничего больше. «Когда бы мы ни пытались интерпретировать сказанное другими, либо отыскать логику их поступков, осмыслить увиденное и услышанное, мы делаем это при помощи элементов, которые входят в состав нашего опыта» [11]. Система конструкторов порождается самим индивидом и не может ни соответствовать реальному миру, ни отражать его. Знание приобретается активно, а не пассивно, но это нужно лишь для того, чтобы адаптироваться к миру.

По мнению П. Вацлавика (1927 ?2007), реальность строится в общении между людьми («коммуникативный конструктивизм»). Реаль-

ность - продукт человеческой коммуникации, соответственно, могут существовать ее различные варианты. Любое поведение (вербальное, невербальное) - это коммуникация. Вацлавик убежден в том, что если реальность индивида позволяет ему жить, успешно действовать без страданий и разочарований, то его реальность правильна и адекватна, вне зависимости, что мы о ней подумаем [12; 13].

Можно сказать, что радикальный конструктивизм придерживается точки зрения на человека как на самоорганизующуюся систему, систему, которая может творить саму себя (аутопозис У. Матураны и Ф. Варелы), будучи включенной в организационно закрытую аутопозисную сеть (живая система автономна - закрыта в плане самоорганизации, но открыта для обмена энергией и материей) [5; 10].

Ник Бостром задается вопросом: «Будут ли искусственные личности настоящими «людьми»? Будут ли они разумными независимо от уровня их вычислительных мощностей? Будут ли они наделены сознанием? Реальность? Это то, с чем никто на самом деле не знаком» [9]. Стоит ли вообще расценивать человека как значимое существо во Вселенной, способен ли он преобразовать мир, нужна ли цивилизация, спрашивает современный нам философ Джон Зерзан... Возможно ли конструирование будущего самостоятельным человеком, или мы обусловлены нашим опытом, ограничены нашими способностями, кругом общения, контекстом? Нужен ли вообще мозг, является ли наличие нервной системы признаком разума – спрашивают У. Матурана и Ф. Варела – и отвечают – нет, даже простейшая включенность в процесс жизни, восприятие элементарных сенсорных стимулов – уже шаг к обучению, а значит, к совместному участию в жизненной системе мира, к созиданию и сознанию - совместному знанию. Однако, у людей есть своя уникальность – включенность в языковую среду, постоянное плетение будущей реальности через реальность языковую, ведь «тот мир, который каждый из нас видит, не есть определенный мир, но некий мир, который мы создаем вместе с другими» [10].

Каковы временные структуры, в которых лежит будущее общества, задается вопросом

Никлас Луман, известный философ и социолог второй половины XX века [4]. Юрген Хабермас проясняет роль коммуникации в конструировании жизненного мира – как общий мир является ресурсом интерпретаций, организованного языкового запаса, допущений, которые «воспроизводятся в виде культурной традиции».

Таким образом, в поисках ответов на извечные вопросы продолжается неизбежное развитие философской мысли, и все снова и снова подходим мы к необходимости изучения не только умозрительных и теоретических, но и практических психологических основ конструирования совместной реальности, личного и социального будущего.

Литература

1. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1960.
2. Деррида Ж. Письмо и различие. - М., 2007.
3. Келли Дж. Теория личности. Психология личных конструктов. - СПб., 2000.
4. Луман Н. Введение в системную теорию. - М., 2007.
5. Людевик К. Системная терапия. - М., 2004.
6. Михальский А.В. Психология конструирования будущего. М.: МПГУ, 2014. ?289 с.
7. Фейгенберг И.М. Вероятностное прогнозирование в деятельности мозга // Вопр. психол.- 1963. - № 2. - С. 15 - 24.
8. Ширяев Д.А. Психофизиологические механизмы вероятностного прогнозирования. - Рига, 1986.
9. Bostrom N. Are we living in a computer simulation? // The Philosophical Quarterly. - Vol. 53. - 2003. - P. 243 - 255.
10. Maturana H., Varela F. Autopoiesis and Cognition. - Boston, 1980.
11. The Invented Reality: How do we know what we believe we know? (Contributions to constructivism) / Ed. Watzlawick P. - W.W. Norton, 1984.
12. Watzlawick P. How real is real? - W.W. Norton, 1977.
13. Watzlawick P., Weakland J., Fisch R., Erickson M. Change: Principles of problem formation and problem resolution. - W.W. Norton, 1974.

Модальность как критерий оценки качества переводного художественного текста

Новикова Ю.В.

Многие исследования по проблемам, связанным с качеством переводного художественного текста, так или иначе, затрагивают категорию модальности. На современном этапе развития переводоведения эквивалентность и адекватность, дополненные модальностью, способны дать более объективную оценку переводному тексту, не зависящую от субъективных представлений того, кто оценивает.

Ключевые слова: модальность, адекватность, эквивалентность, перевод, текст перевода, исходный текст, языковые средства.

Novikova Yu. V.

The modality as a criterion for evaluating the quality of a translated literary text

Many studies on the issues, related to the quality of a translated literary text, affect the category of the modality. At the present stage of the development of the theory of translation, equivalence and adequacy together with modality are able to give us a more objective evaluation of translated texts which is not dependent on the subjective perceptions of values.

Key words: modality, evaluation, adequacy, equivalence, translation, a target text, a source text, language means.

Категория модальности как критерий оценки качества перевода художественного текста всё еще остается малоизученной областью. Многие ученые в своих исследованиях обращались к данному феномену, однако комплексные исследования этой проблемы стали появляться только в последние годы.

Проблема оценки качества перевода художественного произведения обусловлена языковыми и жанрово-стилистическими особенностями перевода. Если оригинал – это отражение в языке представлений и знаний автора об окружающей действительности, то перевод произведения – это воссоздание окружающей действительности, выраженной в подлиннике, медиатором, принадлежащим к иной лингвокультурологической среде. Восприятие переводного произведения читателем обуславливает третий этап в процессе коммуникации. Следовательно, перевод – это творческий процесс, вследствие чего любое речепроизводство допускает множественность интерпретаций и ему приписывается субъективный фактор, в котором отражалось бы отношение субъекта к предмету своего высказывания.

Проблема качества художественного текста существует столько, сколько существует сам перевод, но её научное обоснование началось с середины 20 века. В отечественной лингвистике до 1970-х годов качество переводов оценивалось главным образом путем их сравнения с оригиналом. В.Н. Комиссаров описывает нормы перево-

да с лингвистической точки зрения. Ученый классифицировал нормы перевода и выявил нормы эквивалентности, нормы жанра и стиля, языковые нормы, прагматические нормы и конвенциональные нормы [2, с. 227]. Нормы эквивалентности перевода требуют сохранения здравого смысла оригинала в переводе на максимально возможном уровне. Если здравый смысл нарушен, то и нормы эквивалентности нарушены, следовательно, и перевод считается неудовлетворительным. Если перевод выполнен на низшем уровне эквивалентности, то нормы нарушены относительно, и перевод считается приемлемым.

Жанр и стиль предполагают правильный выбор доминирующей функции текста и сохранение стилистических особенностей в переводе. Языковые нормы означают правильное использование языка в речи (безошибочная сочетаемость, согласование слов, выбор слов и т. д.). Прагматические нормы перевода требуют от переводчика понимания в первую очередь прагматической цели текста. Иногда выполнение прагматической цели может нарушить другие нормы перевода, в частности, языковую норму. Конвенциональные нормы перевода – это требования перевода в определенном историческом контексте. Классические нормы перевода требуют идеального воспроизведения фигур речи и тропов. Современные нормы перевода предписывают переводчику полноценную замену оригинального текста, что требует максимальной схожести оригинала и перевода.

Высший уровень эквивалентности – это, по сути, и есть модальность [3]. В. В. Овсянников в своей монографии «Модальность и перевод», рассматривая отношения эквивалентности между исходным и переводящим текстами, отмечает, что модальность охватывает отношения, выходящие за пределы текстов, что означает, что прагматика данной категории значительно расширяется и на передний план выдвигается прагматика намерений, т. е. способность освещать лакунарные единицы. Модальность призвана стать механизмом, способным обеспечить прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности. В процессе декодирования модальность как проявление экстралингвистического контекста должна помочь переводчику правильно интерпретировать «тёмные зоны» исходного текста.

Российский лингвист Я. И. Рецкер в своей книге «Перевод и переводческая практика» также рассматривал проблемы категории модальности, в частности субъективной, т. е. выбор её средств передачи [5, 166]. Ученый изучал проблемы перевода модальных глаголов, модальных слов, междометий и эллипса. Для Я. И. Рецкера сохранение прагматического содержания в переводе означает сохранение прагматического содержания, т. е. субъективной модальности.

В зарубежной лингвистике проблему критериев качества перевода рассматривали Ю. Найда, Ч. Тэйбер, П. Ньюмарк, К. Райс, Х. Вермер и другие. Так, в поисках объективных критериев оценки качества перевода Ю. Найда провозгласил принцип динамической эквивалентности [10]. Согласно его концепции, реакция рецепторов переводного текста должна быть аналогична реакции рецепторов оригинала. Но вопрос заключается в том, возможно ли этот критерий проверить эмпирически, чтобы объективно судить о качестве переводного текста. В противном случае принцип Ю. Найды остается теорией и требует дальнейшего изучения. Важность работы Ю. Найды заключается в его попытке систематизировать методы перевода и оценку. Его концепция эквивалентного воздействия, однако, является расплывчатой: эквивалентное воздействие на потенциальных читателей исходного или переводного текстов не поддается научной оценке. Кроме того, существуют языковые и культурные различия относительно того, что рассматривать как эквивалентное воздействие исходного текста в языке перевода. Позже Ю. Найда и Ч. Тэйбер дополнили свои исследования [7], обратившись к клоуз-тестам (реципиентов просили восстановить пропуски в переводном тексте). Целью ученых была оценка степени понимания и прогнозируемости действий реципиентов без обращения к тексту оригинала. При отсутствии источника и объективных критериев перевода, на качество, по всей вероятности, влияют представления и образование оценивающего. Данное утверждение особенно справедливо по отношению к читателям, которые не обладают знанием выражений метаязыка, и, следовательно, не способны воспользоваться им, чтобы описать свои впечатления.

П. Ньюмарк [9], основываясь на работе Ю. Найды, всё же ставит под сомнение возможность

воспроизведения аналогичного воздействия исходного текста на читателей переводного текста, но он не отказывается полностью от концепции об эквивалентном воздействии Ю. Найды. Используя в качестве основы динамическую и формальную эквивалентность Ю. Найды, он определяет два типа переводов как «правильные»: коммуникативный и семантический. Согласно П. Ньюмарку, выбор между семантическим и коммуникативным способами перевода зависит от жанра текста, т.к. он относит серьезную литературу, автобиографию, любое важное политическое или другое заявление к семантическому переводу, где критерием оценки является точное воспроизведение смысла оригинала.

По мнению К. Райс, оценку качества переводов следует начинать с понимания, к какому типу текстов принадлежит оригинал. Именно тип текста определяет последующий выбор переводчика. Различные типы текстов различаются по трем функциям языка К. Бюхлера: содержательно-ориентированные тексты, например, новости; научные, технические тексты; тексты, ориентированные на форму, например, стихи и литературный журнал; коннотативные тексты, например, реклама, и тексты с убедительной аргументацией [11]. Ученый считает, что у различных типов текстов есть различные функции и поэтому к ним нужен разный подход. Она выделяет четыре типа текстов: информативный, экспрессивный, оперативный и равный или асимметричный (отмечен присутствием авторитетного источника).

Понятие эквивалентности – это концептуальная основа перевода. Центральная проблема переводческой практики – это проблема поиска эквивалентов переводящего языка. Таким образом, центральная задача перевода – это задача определения природы и условий переводческой эквивалентности. Эквивалентность всегда и обязательно важна и ничего не имеет общего с идентичностью. Эквивалентность, основанная лишь на формальных, лексических и синтаксических соответствиях, давно критикуется и давно считается, что такие узкие взгляды на эквивалентность не способны признать, что две языковые единицы в двух различных языках могут быть неоднозначны с разных сторон. Формальные определения эквивалентности позже были признаны недостаточными,

т.к. не могут объяснить использование в коммуникации. Поэтому функциональная, коммуникативная и прагматическая эквивалентность стали традиционными концепциями на долгое время, т.к. они сосредотачиваются скорее на коммуникации, а не на структуре языка.

К. Райс и Х. Вермеер, авторы теории скопоса, утверждают, что именно скопос, т.е. цель перевода, чрезвычайно важна [8]. Признавая первичность за целью перевода, именно нормы культуры языка перевода принимаются во внимание, что является главным критерием при оценке его качества. Авторы не могут обстоятельно объяснить, как определить, является ли данный перевод адекватным или эквивалентным, не говоря уже о том, как лингвистически реализовать глобальную цель переводного текста. Эту теорию можно было бы считать частью исследования культуры. Сторонники теории скопоса считают, что оригинал – незначительная величина и особый акцент делают на тотальной зависимости перевода от его цели и реципиентов. Этот подход не рассматривает отношения между оригиналом и переводом и не устанавливает критерии для разграничения перевода и других преобразований в тексте. Этот подход рассматривает только отношения между текстом и заинтересованными в нем посредниками.

Художественное произведение, являясь социально несущим текстом, содержит в себе описание обстановки и действующих лиц, их переживания и поступки, переданные средствами языка и воздействующие на восприятие читателя. Эстетически переживаемая действительность художественного текста и авторская модель мира оцениваются читателем на основе его культурно-языкового, социально-психологического и национального опыта. В целях эффективного освоения образно-эстетического пространства текста важно принимать во внимание установки получателя художественного текста, отличающиеся от установок читателя публицистического текста.

Интерпретация художественного текста представляет собой истолкование смыслов художественной действительности различными коммуникативными средствами, осуществляемая читателем путем механизмов аксиологического анализа. Интерпретация, обращающаяся к плану содержания и к истолкованию общего

смысла, опирается на стилистику, которая в свою очередь, занимается планом выражения текста.

В процессе диалога между авторским текстом и читателем количество интерпретаций может быть столько, сколько интерпретаторов. Множественность интерпретаций обуславливается разным социальным опытом и разными индивидуальными особенностями языковых личностей. В процессе опосредованного акта межкультурной коммуникации, т.е. перевода, проблема интерпретации становится наиболее острой, т.к. осложняется национально-культурными различиями между исходной и принимающей культурами. Н.С. Валгина, Ю.Л. Оболенская, Я.И. Рецкер рассматривают проблему модальности перевода, отмечая, что авторы перевода жертвуют семантической точностью в пользу сохранения и воспроизведения коммуникативного намерения автора в тексте перевода и прагматического содержания исходного текста. Модальность как «точка зрения» текста (Шарль Балли) находит свое практическое выражение в единицах текста оригинала наиболее трудных для переводческих преобразований: культуронимы, «ложные друзья», неологизмы, образные единицы и другие ключевые слова культуры. Адекватное воспроизведение сложных единиц в тексте перевода часто требует анализа отношений, выходящих за рамки исходного и переводящего текстов, затрагивая область модальных отношений высказывания к действительности. Образы художественных персонажей презентуются наборами модальных единиц со сложной лексико-семантической структурой, через которые они вербализуются в тексте. Семантика модальных единиц, реализующих коммуникативно-прагматическое отношение автора, представляет сложный информативный комплекс и включает различные компоненты их семантической структуры. Наиболее важными, с точки зрения выбора единственно верного соответствия в ряду «квазисинонимов» [6, с.204] для модальных единиц, являются следующие: 1) денотативный и 2) коннотативный компонент, понимаемый в работе, вслед за И.А. Стерниным, И.В. Арнольд, Н.А. Лукьяновой, как дополнительный, вторичный по отношению к предметно-логическому компоненту значения, и включающий информацию об отношении говорящего (пишущего) к объекту означивания. В состав коннотативного компонен-

та входят три основных элемента: а) эмоциональный – способность выражать субъективно оценочное отношение говорящего (пишущего) к предмету сообщения, б) экспрессивный – указание на степень проявления субъективно оценочного признака, в) оценочный как способность выражать положительное или отрицательное отношение говорящего к предмету сообщения [1]. Эффективной представляется оценка качества переводного текста на основе формулы: количество языковых единиц с коннотативным компонентом ТП/количество языковых единиц с коннотативным компонентом ТО × 100%. В результате соотношение модальных единиц текстов оригинала и перевода следует представить следующим образом:

$$\sqrt{\frac{\text{ед.-с.-эмоц.-камп.-ТП} + \text{ед.-с.-экспрес.-камп.-ТП} + \text{ед.-с.-оценоч.-камп.-ТП}}{\text{ед.-с.-эмоц.-камп.-ТО} + \text{ед.-с.-экспрес.-камп.-ТО} + \text{ед.-с.-оценоч.-камп.-ТО}}} \times 100\%$$

где модальный потенциал ТО принимается за 100%.

На наш взгляд, данная формула позволит выявить как различия и сходства в способах реализации модальности, так и степень воздействия на читателя. Поскольку переводчика часто считают соавтором текста, то данная формула также выявит его переводческую стратегию в отношении модальноокрашенных элементов оригинала в тексте перевода.

На наш взгляд, данный подход к оценке качества перевода, учитывая жанр и тип текста, прежде всего, направлен на равноценную оценку воспроизведения авторской модальности художественного текста и способствует максимально возможной смысловой близости оригинала и перевода. Такие базовые понятия перевода, как адекватность и эквивалентность, дополненные понятием модальности как способом ценностного выражения автора к сообщаемому с одной стороны, так и формой взаимодействия с читателем с другой, способны стать основными критериями в оценке текста художественного перевода.

Литература

1. Вставский, А.Н. Коннотативный компонент: проблемы интерпретации. [Электронный ресурс]: – URL: <http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgpu-29.pdf>: (дата обращения 27.09.2015)
2. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. языков. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

3. Овсянников, В.В. Модальность и перевод. [Электронный ресурс]: – URL: <http://voats.ucoz.ru/>: (дата обращения 27.09.2015)
4. Райс, К. Классификация текстов и методы перевода. [Электронный ресурс]: – URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/rais-classif.shtml: (дата обращения 27.09.2015)
5. Рецкер, Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Р-Валент 2007. – 244 с.
6. Сальмон, Л. Механизмы юмора. О творчестве Сергея Довлатова. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 256 с.
7. Newmark, P. Approches to Transaltion. – Oxford: Pergamon Press, 1981.
8. Nida, E. The Theory and Practice of Translation / E. Nida, Charles R. Taber. – Leiden: Brill, 1969.
9. Nida, E. Towards a Science of Translating. Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating. – Leiden, 1964.
10. Reiss, K. Towards a General Theory of Translational Action / K. Reiss, Hans J. Vermeer. [Электронный источник]: – URL: <https://books.google.ru/>: (дата обращения 27.09.2015)
11. Reiss, K. Type, kind and individuality of text: decision making in translation. –London: Routedledge, 2000.

Компетентно–деятельностный подход к обучению деловому общению

Путиловская Т.С.

Современный подход к обучению деловому общению в рамках вузовского курса изучения иностранного языка основан на двух основополагающих принципах лингводидактики. Первым является компетентностный подход к обучению и понимание иноязычной коммуникативной компетенции как сложной структуры, включающей в себя четыре группы компетенций: 1) лингвистические, 2) социокультурные, 3) профессионально-коммуникативные, 4) лингводидактические. В их состав входят компетенции более низкого порядка, на формирование которых должно быть направлено обучение. Деятельностный подход предполагает рассмотрение делового общения как своеобразного комплексного вида речевой деятельности, а ее структурные и функциональные единицы являются элементами поэтапного освоения. Сочетание двух подходов позволяет составить системно-комплексное представление о деловом общении как объекте и содержании обучения. Ключевые слова: деловое общение; компетентно–деятельностный подход к обучению; иноязычная коммуникативная компетенция; лингвистические компетенции; социокультурные компетенции; профессионально-коммуникативные компетенции; лингводидактические компетенции; знания, умения и навыки; структурные и функциональные единицы деятельности; поэтапное освоение.

Putilovskaia T.S.

Competence and activity based approach to business communication teaching Modern approach to teaching business communication integrated into the course of foreign language acquisition in a higher educational institution is based on two major principles of linguistic pedagogical theory. The first is the competence-based approach to teaching and the understanding of communicative competence as a complex structure which encompasses four groups of competences: 1) linguistic, 2) social and cultural, 3) professional, 4) linguistic and pedagogical competences. They are made up of lower order competences to be acquired in the process of language learning. Activity-based approach presupposes that business communication can be regarded as a specific complex type of speech activity, its structural and functional units being elements of step-by-step acquisition. The combination of these two approaches gives a systematic over-all view of business communication as an object and subject matter of teaching.

Key words: business communication; competence-and-activity-based approach to teaching; communicative competence in using a foreign language; linguistic competences; social and cultural competences; professional communicative competences; linguistic and pedagogical competences; knowledge, abilities and skills; structural and functional units of speech activity; step-by-step acquisition.

В последние десятилетия деловое общение как неотъемлемая часть современной парадигмы развития общества привлекает все больше внимания исследователей, представляющих различные отрасли знания. Это связано, прежде всего, с интенсивным становлением бизнеса и предпринимательства в России и существенным расширением деловых контактов с зарубежными странами. Именно поэтому деловое общение является не только объектом научного исследования, но и предметом обучения бакалавров и магистров как в вузах экономического и управленческого профиля, так и в большинстве неязыковых вузов, выпускники которых становятся предпринимателями и служащими различных компаний и организаций в сфере торговли, производственной и сервисной деятельности. Помимо самостоятельной учебной дисциплины «Основы делового общения», которая входит в учебные планы различных направлений подготовки, практические навыки делового общения формируются и при изучении иностранного языка как учебного предмета в системе высшего образования.

Деловое общение как предмет обучения в рамках экономического и управленческого образования Государственного университета управления носит название «Курс языка делового и профессионального общения» [8]. Деловая составляющая данного курса во многом определяет содержание программы обучения и, что особенно важно, на навыках делового общения базируются формируемые в процессе обучения компетенции, которые, согласно ФГОС ВО 3+, соотносятся с будущими трудовыми функциями обучающихся.

ФГОС ВО для направлений подготовки бакалавров «Экономика» [9] и «Менеджмент» [10] предусматривают формирование общекультурной компетенции, которая, хотя и имеет различную маркировку в этих стандартах (ОК-4 и ОК-5), но звучит одинаково: «Способность к коммуникации в устной и письменной формах

на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия». Данная компетенция формируется в процессе изучения дисциплины «Иностранный язык», которая преподается в большинстве вузов экономического и управленческого профиля на I и II курсах и имеет общую трудоемкость 10 зачетных единиц (360 часов) [8]. Формирование данной компетенции является целевой установкой процесса обучения иностранному языку, что отражено в новой Рабочей программе учебной дисциплины, которая разработана для подготовки бакалавров, обучающихся в Государственном университете управления [2]. Созданию программы предшествовала разработка паспорта компетенции и компетентностной модели обучения иностранному языку.

В паспорте компетенции ОК-4/5 выделяются признаки ее проявления, которые, с одной стороны, непосредственно связаны с трудовыми функциями будущих экономистов и управленцев, а с другой, соотносятся с видами речевой деятельности, через которые реализуется деловое общение. Выделенные признаки представляют собой пять основных способностей, которые приобретают обучающиеся в рамках изучения курса иностранного языка.

1. Способность строить монологическое высказывание на основе владения навыками публичной речи (сообщение деловой и профессиональной направленности, презентацию делового характера, доклад).

2. Способность воспринимать и понимать устную речь, участвовать в диалоге, дискуссии или дебатах в ситуациях повседневного, делового и профессионального общения, а также осуществлять устные деловые контакты: встречи, телефонные разговоры, совещания.

3. Способность проводить деловые переговоры и/или участвовать в них.

4. Способность осуществлять повседневное, деловое и профессиональное общение в письменной форме, а также изучать и составлять деловую корреспонденцию и документацию (анкеты, служебные записки, электронные сообщения, письма, пресс- релизы, бизнес-планы, контракты).

5. Способность владеть различными видами чтения литературы страноведческого, общенаучного, делового и профессионального характера, а также проводить логико-смысло-

вую обработку прочитанного текста для осуществления профессиональной деятельности. Способность составлять аннотации и рефераты.

Перечисленные способности лежат в основе иноязычной коммуникативной компетенции, которая, как отмечают многие исследователи [3, 5, 6, 7 и др.], представляет собой сложное многоуровневое образование. В составе коммуникативной компетенции можно выделить четыре группы компетенций: лингвистические, социокультурные, профессионально-коммуникативные и лингводидактические [3]. Каждая из них представлена определенной номенклатурой составляющих более низкого порядка.

1. Лингвистические компетенции включают в себя

- языковую компетенцию, предполагающую знание языковой системы иностранного языка;
- речевую компетенцию, в основе которой лежит владение видами речевой деятельности (чтением и реферированием, аудированием, говорением и письмом).

2. Социокультурные компетенции имеют в своем составе

- интерактивную компетенцию, подразумевающую умение взаимодействовать с другими людьми в ситуациях повседневного, делового и профессионального общения;
- социолингвистическую компетенцию, связанную с ситуацией общения и требующую владения умениями учитывать отношения между общающимися партнерами и условиями общения;
- межкультурную компетенцию, включающую знание национальных моделей вербального и невербального общения и соблюдение этикетных норм, принятых в различных культурах.

3. Профессионально-коммуникативные компетенции объединяют

- способность эффективно участвовать в деловом общении;
- способность эффективно участвовать в профессиональном общении.

4. Лингводидактические компетенции включают в себя

- стратегическую компетенцию, связанную с умением планировать, совершать, оценивать и корректировать свои речевые действия;
- компенсаторную компетенцию, предполагающую умение использовать различные спо-

события компенсации недостающих знаний и умений теми, которыми студент уже обладает;

- когнитивную компетенцию, основанную на умении эффективно организовывать собственную учебную деятельность, самостоятельно приобретать необходимые знания, развивать и совершенствовать свои умения в различных видах речевой деятельности.

Коммуникативная компетенция всегда проявляется и реализуется в единстве всех ее составляющих, что и обеспечивает формирование выделенной в стандартах компетенции ОК-4/5 и всех признаков ее проявления. При этом удельный вес и значимость каждой из составляющих различна, и в большинстве случаев важнейшая роль принадлежит речевой и языковой компетенциям, которые являются ядром коммуникативной компетенции.

Каждая из перечисленных компетенций включает определенные знания, умения и навыки, которые в ходе обучения формируются, развиваются и совершенствуются. Качество и глубина знаний, а также степень сформированности умений и навыков определяют уровень компетентности обучающегося. Так, в паспорте компетенции ОК-4/5 предусмотрены три уровня сформированности признаков проявления данной компетенции [2]: высокий, базовый и минимальный. Каждый уровень характеризуется определенным набором знаний, умений и навыков, который качественно отличается от других уровней. Рассмотрим это на примере первого признака проявления компетенции, который состоит в способности строить монологическое высказывание на основе владения навыками публичной речи, в частности способности проводить презентацию деловой направленности. Высокий уровень сформированности данного признака предполагает наличие у обучающегося определенного набора знаний, умений и навыков.

Обучающийся должен знать

- принципы и логику построения публичной речи;
- лингвистические особенности всех разновидностей публичной речи, в том числе и презентации;
- методы изложения информации (индуктивный, дедуктивный, концентрический, ступенчатый, исторический);
- характерные для публичной речи фразы.

Обучающийся должен уметь

- ориентироваться в ситуации делового общения, определять стратегию и регистр построения монологического высказывания;
- отбирать информацию для устного высказывания в соответствии с целью и коммуникативной задачей высказывания;
- структурировать свое сообщение, логически последовательно излагать его содержание, используя средства внутритекстовой связности;
- использовать весь спектр коммуникативных задач от информирования до убеждения аудитории;
- использовать адекватные языковые средства и оптимальные речевые способы построения высказывания;
- эффективно использовать наглядные средства (графики, гистограммы, таблицы и др.) и адекватно интерпретировать представленную информацию;
- выражать свое мнение и отношение к предмету речи, а также убедительно аргументировать свою точку зрения.

Обучающийся должен свободно владеть

- навыками публичной речи в режиме монолога;
- навыками использования диалогической речи.

Цель обучения языку, которая понимается как формирование иноязычной коммуникативной компетенции и которая, как справедливо отмечает Л.К. Гейхман [1], является одновременно и содержанием обучения, достижима только в том случае, если рассматривать коммуникативную компетенцию как совокупность отдельных знаний, умений и навыков, каждый из которых становится объектом целенаправленного обучения. Эффективное обучение деловому общению – это поэтапная работа по овладению знаниями, а также формированию, развитию и совершенствованию умений и навыков, входящих в структуру компетенции.

Компетентностный компонент обучения деловому общению ориентирует участников этого процесса на тот результат, который должен быть достигнут в процессе обучения и представление о котором должно быть заложено до начала овладения курсом. Не менее важным является деятельностный компонент, который обеспечивает способ достижения поставленной цели.

Общеизвестно, что деловое общение реализуется через речевую деятельность в совокупности всех ее видов: аудирования и чтения (рецептивные виды), говорения и письма (продуктивные виды). При этом следует иметь в виду, что выделение видов речевой деятельности имеет, до определенной степени, условный характер, т.к. это необходимо, прежде всего, для дидактических целей. В реальном общении, в том числе и деловом, мы имеем дело с сочетанием различных видов речевой деятельности в рамках практически каждой коммуникативной ситуации, в которой представлены, по меньшей мере, два участника или партнера общения. Так, например, проведение презентации является сложным сочетанием различных видов речевой деятельности, что мы рассмотрим подробнее.

На этапе подготовки презентации необходимо прочитать большое количество литературы, справочников, документов, интернет источников и т.д., используя при этом различные виды чтения [11], а также сделать записи (конспекты) прочитанного. Сделанные записи необходимо систематизировать, обобщить и построить связанное логически структурированное высказывание сначала в письменной, а затем и в устной форме. Далее следует этап подготовки слайдов для презентации. На этом этапе происходит сложный процесс логико-смысловой обработки текста и его сжатия (компрессии) до уровня тезисов или отдельных ключевых пунктов. Завершением этапа подготовки является репетиционный период, связанный с проговариванием текста и его корректировкой. На этапе реализации происходит продуцирование связанного и логически структурированного монологического высказывания (говорение). Презентация, как правило, заканчивается ответами на вопросы и обсуждением предмета презентации, что предполагает аудирование и участие в диалоге.

Признание роли деятельностной составляющей делового общения является важнейшим дидактическим принципом, который позволяет обучать деловому общению как речевой деятельности, учитывая все ее основные характеристики, сформулированные И.А. Зимней [4]. Она выделила пять базовых характеристик: наличие определенной внешней и внутренней структурной организации, наличие определенного предметного содержания, обусловленность сложным

взаимодействием процессов внимания, восприятия, мышления, памяти, которые выполняют функцию механизмов речевой деятельности, единство внутренней и внешней стороны, а также единство содержания и формы ее реализации.

Используя деятельностный подход к обучению деловому общению в целом и отдельным признакам проявления общекультурной компетенции, можно организовать обучение на основе использования упрощенной схемы осуществления речевой деятельности, определив все элементы цепочки, которые присущи деятельности:

Потребность > Мотив > Цель > Предмет > Средства и Способы > Продукт > Результат

Иными словами, при подготовке к проведению презентации профессионально-делового характера, необходимо сначала определить суть каждого из элементов цепочки, начиная с мотива деятельности до образа ее результата, организуя собственную деятельность в три этапа, которые соответствуют фазам реализации речевой деятельности: побудительно-мотивационной, ориентировочно-исследовательской и исполнительной фазы.

Все структурные элементы речевой деятельности тесно взаимосвязаны и включены в определенную схему отношений. Речевая деятельность, вызванная коммуникативно-познавательной потребностью, которая выступает в роли внутреннего мотива, “запускается”, когда потребность, воплощаясь во внутреннем мотиве и коммуникативном намерении, формирует цель речевой деятельности, выражающуюся в самом предмете. При этом объектом особого внимания должно всегда оставаться предметное содержание речевой деятельности по осуществлению делового общения, а именно: условия деятельности, определяемые ее содержанием, предметом, средствами осуществления, результатом и т.д.

Предметом деятельности, в котором реализуется коммуникативно-познавательная потребность человека, является мысль (либо собственная мысль говорящего или пишущего, либо мысль другого человека, которая передается с помощью рецептивных видов речевой деятельности). По определению И.А. Зимней [4], способом формирования и формулирования мысли является речь, а средством — язык. Продуктом деятельности говорения и письма, в кото-

ром объективируется и материализуется деятельность, является текст, предъявляемый, соответственно, в устной или письменной форме. В качестве продукта рецептивных видов речевой деятельности выступает умозаключение, к которому приходит человек в результате слушания или чтения. Результатом продуктивных видов речевой деятельности является реакция партнера общения. В случае рецепции результатом является понимание или непонимание речевого сообщения, предъявленного в устной или письменной форме в процессах слушания и чтения.

Возвращаясь к приведенному нами примеру, связанному с подготовкой презентации, можно констатировать, что сложная схема реализации речевой деятельности, понимание которой необходимо для дидактически правильной организации процесса обучения, может быть представлена с той степенью подробности, которая отвечает целям и характеру обучения. В любом случае на выходе мы имеем некий текст как продукт речевой деятельности по построению монологического высказывания, который оценивается, по крайней мере, по пяти основным критериям:

- информационная ценность текста (предметное содержание);
- предикативно-логическая структура и связность текста (смысловое содержание);
- языковое и речевое оформление текста (фонетические, лексические, грамматические, стилистические характеристики);
- особенности вербального поведения говорящего (ораторские качества);
- использование визуальной поддержки (качество и содержание слайдов, разнообразие раздаточного материала и т.д.).

При описании деятельности составляющей делового общения важную роль играет представление об операциональном составе речевой деятельности, которая разложима на ряд отдельных речевых действий и операций. Речевое действие, являясь структурной, или морфологической единицей речевой деятельности, направлено на достижение определенной осознаваемой цели. Понимание речевого действия как процесса, подчиненного представлению о том результате, который должен быть достигнут в ходе осуществления речевой деятельности, позволяет разложить деятельность

на отдельные действия, нацеливая их на достижение качественного результата, соответствующего приведенным выше критериям.

Следующей единицей деления является речевая операция, которая, являясь автоматизированной единицей речемыслительного процесса, характеризуется бессознательным отношением субъекта речевой деятельности. Речевая операция соотносится со способом осуществления речевого действия и обладает устойчивостью при ее выполнении.

Речевые действия и операции реализуются в каждом отдельном речевом акте, который представляет собой целенаправленное и регулируемое правилами социального и речевого поведения продуцирование и/или восприятие речевого высказывания в определенной ситуации общения, и в котором партнеры общения постоянно меняются ролями, выступая то в роли говорящего, то в роли слушающего [4]. Каждый речевой акт направлен на решение той или иной коммуникативной речевой задачи.

Номенклатура коммуникативных задач, решением которых должен овладеть обучающийся, достаточно широка и определена программой по иностранному языку для каждого отдельного этапа обучения. Типология коммуникативных речевых задач разнообразна и многократно описана в лингводидактической литературе. В дидактических целях считаем целесообразным классифицировать все существующие коммуникативные речевые задачи с точки зрения характера осуществляемой речевой деятельности и воздействия на партнера общения в рамках отдельно взятого коммуникативного речевого акта.

С этой точки зрения все многообразие коммуникативных речевых задач можно разделить на четыре основные группы: описание, объяснение, доказательство и убеждение. В этой цепочке описание и сходные с ним задачи (информирование, сообщение и другие) являются по своей психологической природе самыми простыми, направленными на максимально полное и точное отражение окружающей действительности. Они предполагают минимальное воздействие на партнера общения и практически не ориентированы на его реакцию. Убеждение (опровержение), напротив, предполагает активное участие речемыслительной деятельности говорящего, результатом которой является постро-

ение логически структурированного и аргументированного высказывания, призванного оказать сильное воздействие на партнера общения. Коммуникативные речевые задачи этой группы активизируют мыслительную деятельность слушающего, воздействуют как на его интеллектуальную, так и на эмоциональную сферу и полностью ориентированы на его ответную реакцию.

Если в очередной раз обратиться к способности проводить презентацию и описать речевое поведение говорящего при подготовке и проведении презентации, то выстраивается сложная цепочка речевых действий, которые в совокупности образуют деятельность. В эту цепочку входят следующие речевые действия:

- выбор темы выступления;
- определение цели презентации;
- определение специфики аудитории (возраст, пол, социальный статус, национально-культурная принадлежность, уровень образования, готовность к восприятию публичной речи, сфера интересов и т.д.);
- планирование собственной деятельности по подготовке презентации;
- поиск и осуществление отбора необходимого материала;
- логическое структурирование материала по традиционной схеме: введение, основная часть, заключение;
- определение формата выступления и регистра речи;
- планирование вводной части;
- планирование основной части презентации;
- планирование заключительной части презентации;
- составление конспекта собственной речи;
- продуцирование на уровне внутренней речи логически последовательного высказывания;
- обеспечение связности высказывания;
- отбор и использование сигнальных языковых средств при переходе от одной части высказывания к другой;
- использование зрительной опоры и ссылок на графики, таблицы, гистограммы, рисунки, видео материал и т.д. в процессе проведения презентации;
- подготовка презентации в формате программы Microsoft PowerPoint;

- планирование дискуссии по окончании презентации, прогнозирование возможных вопросов, продумывание и подготовка развернутых и аргументированных ответов на заданные вопросы;

- использование различных технических средства для проведения презентации (проектор, компьютер, экран, белая интерактивная доска, флип-бокс и др.);

- репетиция презентации;

- анализ и коррекция собственной деятельности.

В приведенном выше списке представлена сложная цепочка действий, которые должен выполнить обучающийся при подготовке к проведению презентации. Разложение речевой деятельности на отдельные речевые действия имеет большое дидактическое значение, поскольку процесс обучения необходимо строить поэтапно, т.е. давая возможность обучающимся пошагово овладевать умениями выполнения отдельных речевых действий. Каждое действие разложимо на отдельные операции, на уровне которых отрабатываются способы и средства выполнения действий.

Так, например, планирование вводной части презентации предполагает совершение таких речевых операций, как приветствие аудитории и благодарность за присутствие, представление себя (имя, фамилия, компания, должность), формулирование цели презентации, описание структуры презентации, информирование аудитории о планируемом времени звучания презентации, формулирование предложений стратегии организации вопросно-ответной работы, приглашение к дискуссии. Примечательно, что каждая из данных операций соотносится с той или иной коммуникативной задачей и для каждой операции существует набор клишированных фраз, список которых предлагается обучающимся для заучивания и использования в речи. Такие списки, как правило, содержат целый ряд вариантов для осуществления каждой отдельной речевой операции, в силу чего у учащегося всегда есть выбор, что предполагает относительную свободу в использовании языковых средств. Кроме того, каждая фраза маркируется при необходимости с точки зрения степени формальности, что позволяет точно выбрать языковое средство в соответствии с регистром речи. Ниже приводятся в качестве

примера несколько вариантов клишированных фраз для использования во вводной части презентации, которые разбиты на подгруппы в зависимости от цели речевой операции и решаемой мини коммуникативной задачи.

Greeting the audience:

- Good morning, ladies and gentlemen. (formal)
- Good afternoon, everyone. (semi-formal)
- Hello, everybody. (informal)

Welcoming the audience:

- Thank you all for coming today.
- Thanks for coming and welcome to ... (name of company, name of event, etc.).

I hope you all had a pleasant journey.

Introducing oneself

· Let me introduce myself. My name is Emily Simpson and I represent ... (name of company). I am responsible for ... (job responsibilities). (formal)

· My name is Emily Simpson. I am the marketing manager at ... (name of company) responsible for ... (job responsibilities). (semi-formal)

· I'm Emily Simpson from ... (name of company). I am responsible for ... (job responsibilities). (informal)

Stating the aim of the presentation

· The purpose of today's presentation is to look at ...

· The aim of my presentation today is to give a brief overview of

· In today's presentation I'd like to show you ...

...

· In this presentation I'm hoping to outline ...

· In today's presentation I'm planning to explain how ...

В качестве другого примера можно рассмотреть качественно иной набор действий, которые необходимо совершить при подготовке презентации с использованием программы Microsoft PowerPoint. Они включают в себя следующие действия речевого и неречевого характера:

· включение программы и определение исходных параметров презентации: выбор макета слайдов, определение дизайна слайдов (цвет, фон, шрифт и др.);

· определение максимального / минимального количества слайдов с учетом установленного лимита времени;

· определение логической последовательности слайдов в соответствии с логикой текста говорения;

· обеспечение связности текста говорения и отбор лексики, используемой при переходе от одного слайда к другому;

· подготовка начального и завершающего слайдов;

· выбор заголовков для каждого слайда в соответствии с основной идеей, которую отражает слайд;

· установления правильного соотношения между текстовой и иллюстративной информацией для каждого слайда;

· компрессия полного текста говорения до ключевых положений, которые выносятся на слайд;

· принятие решения об использовании визуальной поддержки для каждого слайда;

· выбор типа и характера визуальной поддержки для каждого слайда (график, гистограмма, план, карта, таблица, фотография, видео клип и т.д.);

· отбор лексики для ссылки на визуальную поддержку;

· проговаривание текста выступления с опорой на каждый отдельный слайд и хронометраж времени;

· коррекция на уровне отдельных слайдов и всей презентации в целом.

Перечисленные действия также можно разложить на отдельные операции, чтобы с них начать процесс обучения, а затем дать обучающимся необходимые языковые средства и речевые способы осуществления этих операций.

Как мы видим, подготовка и проведение презентации является многоуровневым и многокомпонентным процессом, в котором задействованы различные виды деятельности и который требует активного включения различных форм вербального и невербального поведения. Умение представить этот сложный вид деятельности просто и разложить его на отдельные действия и операции позволяет применить в практике обучения дидактически логичную схему и пошагово отработать все ее элементы. Такой подход позволяет изменить отношение обучающихся и обучающихся к такому сложному виду деятельности, каким является презентация.

Таким образом, компетентностно-деятельностный подход к обучению дает возможность разработать системно-комплексное представление о деловом общении как объекте обучения, которое целесообразно сначала разложить

на отдельные структурные и функциональные элементы и создать некую карту, или модель делового общения, которую в дальнейшем можно спроецировать на процесс обучения. С дидактической точки зрения необходимо построить процесс обучения с учетом всех элементов, из которых складывается процесс реализации делового общения, осуществляя пошаговое формирование знаний, умений и навыков, направленных на овладение каждым отдельным элементом. Только такой подход позволяет выработать сознательное отношение к деловому общению и способность целенаправленно планировать и организовать собственную деятельность, осознавая суть всех ее компонентов.

Литература

1. Гейхман Л.К. Интерактивное обучение общению (Общепедагогический подход) / Автореф. дисс. ... пед. наук. – Екатеринбург, 2003. – 426 с.
2. Дудник Л.В., Путиловская Т.С. Иностранный язык [Текст] : Учебное пособие для подготовки бакалавров по направлению 38.03.02 Менеджмент / Государственный университет управления, Институт иностранных языков и лингвокоммуникаций в управлении ГУУ. – М.: Издательский дом ГУУ, 2015. – 148 с.
3. Дудник Л.В., Путиловская Т.С. Структура иноязычной коммуникативной компетенции. В кн.: Межкультурная бизнес-коммуникация и инновационные проекты в обучении : монография / колл. авторов. – М. : РУСАЙНС, 2015. – С. 31 – 37.
4. Зимняя И.А. Лингвopsихология речевой деятельности. – Москва – Воронеж, 2001. – 432 с.
5. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования [Текст] / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 5. – С. 34 – 42.
6. Кобзева Н. А. Коммуникативная компетенция как базисная категория современной теории и практики обучения иностранному языку // Молодой ученый. – 2011. – №3. Т.2. – С. 118 – 121.
7. Изаренков Д. И. Базисные составляющие коммуникативной компетенции и их формирование на продвинутом этапе обучения студентов-нефилологов [Текст] / Д. И. Изаренков // Русский язык за рубежом. – 1990. – № 4. – С. 54–60.
8. Путиловская Т.С. Концепция обучения иностранным языкам в управленческом образовании [Текст]: Монография; ГРИФ УМО, Государственный университет управления, Институт иностранных языков и лингвокоммуникаций в управлении ГУУ. – М.: ГУУ, 2014. – 115 с.
9. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Уровень высшего образования Бакалавриат. Направление подготовки 38.03.01 ЭКОНОМИКА. Квалификации: Академический бакалавр, Прикладной бакалавр.
10. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Уровень высшего образования Бакалавриат. Направление подготовки 38.03.02 МЕНЕДЖМЕНТ. Квалификации: Академический бакалавр, Прикладной бакалавр.
11. Фоломкина С.К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе: учебно-методическое пособие. –М.: Высшая школа, 1999. – 522 с.

Агрегация в моделировании исследования языковых контактов

Уздеева З.И.

Статья посвящена исследованию этапов корпусного анализа языковых процессов.

Ключевые слова: агрегация, речевой континуум, корпусный подход, лексические новации.

Uzdeyeva Z.I.

Aggregation in simulation studies of language contact
The article investigates the stages of analyzing the body language processes.

Key words: aggregation, speech continuum, corpus approach, lexical innovations.

Построение модели корпусного исследования языковых контактов предполагает выделение нескольких этапов в данном направлении лингвистического анализа.

На первом этапе необходима организация исследовательских усилий по сбору первичного языкового (по сути – речевого) материала. Этот этап может быть условно назван этапом агрегации. Агрегация языковых данных в контексте настоящего исследования может происходить в трех различных формах. Термин «агрегация» в общем означает процесс объединения элементов в одну систему. В данном случае систему составляет эмпирический материал исследования проблемы, обозначенной в диссертации. Прежде чем проводить объединение элементов, необходимо произвести выделение этих элементов из речевого континуума. Элементы могут выделять путем наблюдения, осуществляемого автором исследования, выделяя элементы английского языка в русских текстах (возможно, в обратном порядке, что намного менее вероятно, если и проявляется, то не более чем в гомеопатических концентрациях русских элементов в англоязычных текстах). Этот путь наименее эффективен, трудозатратен и вместе с тем не застрахован от побочного продукта, ошибок и недостатков.

Агрегация материала в нашей технологии проводилась с использованием стандартных программных средств, в частности Microsoft Office Access.

Второй блок, он же второй источник языкового материала, это опросы социолингвистического характера относительно наблюдений респондентов об английских языковых элементах, входящих в русский язык. Данный подход представляет намного больше эмпирических элементов, чем первый, т.е. его эмпирическая масса в несколько (скорее всего, в десятки) раз больше. В то же время и эффективность такого способа (его коэффициент полезного действия)

также невелик, поскольку вероятен большой отсев по нескольким параметрам.

И третий блок – это собрание элементов на основе корпуса. В данном случае используется «Грамматический словарь новых слов русского языка» (<http://dict.ruslang.ru>).

Агрегация

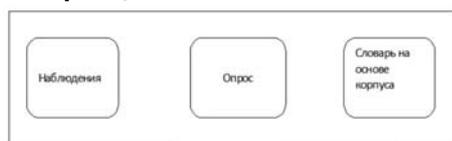

Рис. 1. Схема блока агрегации языковых данных

Примерная запись в базе данных материалов «Наблюдения» блока «Агрегация» может выглядеть следующим образом:

Код: 1

В данном поле программа присваивает номера каждой записи. Например, в данном случае номер 1.

Элемент: *фрешер / fresher*

Данное поле названо «элемент», поскольку, с одной стороны, это не заимствование, так как заимствование должно обладать рядом характеристик (см. подробнее 1.2 настоящей работы); с другой стороны, это может быть не только лексема, но и сочетание слов, а также, в редких случаях, лексема, уже существующая в русском языке, которой говорящий приписывает иное, английское значение (так называемое семантическое калькирование).

Значение в русском языке:

бутерброд, типа гамбургера

Значение извлекается из контекста, словарей (если это возможно, поскольку словари отстают от актуального употребления), строится на основе употребления. Нередки случаи, когда дефиниция приводится в самом примере, поскольку автору речи требуется разъяснить значение нового элемента, непонятного, по его мнению, адресату во избежание коммуникативной неудачи. Значение в русском языке может также выводиться из значения в языке-источнике.

Словарь:

Данное поле предполагает индикацию наличия или отсутствия фиксации описываемого элемента в словарях русского языка. Исследование новейшей лексики, как правило, имплицитно предполагает наличие проблем в отно-

шении лексикографической фиксации слова. В этом смысле следующее суждение относительно обсуждаемой проблемы не вызывает возражений, поскольку отражает устоявшееся мнение в языковедческой среде: «Толковые словари общелитературного языка, включая в свой состав неологизмы, все же не могут мобильно реагировать на любые языковые изменения, фиксировать все (или большинство) новые лексические единицы».

Во-первых, подготовка к изданию толкового словаря литературного языка длится достаточно долго, за это время появляются слова, которые объективно уже нельзя внести в словарь. Во-вторых, толковые словари литературного языка призваны выполнять кодифицирующую функцию; включение в их состав той или иной единицы автоматически включает ее и в литературный язык как высшую форму национального языка. Очевидно, что далеко не все лексические новации закрепятся в литературном языке, хотя никогда нельзя с определенностью сказать, что именно останется в языке, а что исчезнет» [2: 389].

В русском языке (очевидно, и в ряде других) проблема контактов с английским языком оказывается тесно связанной с проблемой неологии по вполне понятным причинам: новые слова приходят с новыми реалиями, которые производит англоязычный мир.

Обзор неологической лексикографии русского языка проводится в работе Т.Н. Буцовой [5: 189]. Она дает подробную характеристику известной серии «Новые слова и значения» под редакцией Н.З. Котеловой, охватывающей декады: 60-ые, 70-ые и 80-ые годы. Последний сборник включает в свой состав материалы 1990-х гг. [10: 615], поэтому процессы нулевых и первой половины десятых годов остаются неохваченными.

Для целей настоящего исследования не подойдут и толковые словари русского языка по причине их выхода до исследуемого периода – или подойдут только в определенном ракурсе их использования. Далеко не все заимствованные элементы новейшего времени имеют шанс быть зафиксированными в словнике «Большого академического словаря русского языка», поскольку, как отмечает Л.Е. Кругликова, электронная база данных появилась в 2008 г., и «использование электронных ресурсов было нерав-

номерным при создании БАС. БАС начал создаваться фактически без их применения. Первый том БАС вышел из печати в 2004 году. Сайт Национального корпуса русского языка был открыт также в 2004 году. <...> Собственный обширнейший корпус текстов в электронном виде стал доступен составителям словаря только последние три года» [9: 179]. Кроме того, имеет место различная степень обращения авторов словаря к электронным ресурсам в силу их разного возраста.

«Современный толковый словарь русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова впервые вышел в 1998 г. [12: 117]. Вместе в тем в электронной версии портала «Грамота.ру» он обозначен как «Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2014 года» [Грамота.ру URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info>] и, очевидно, может быть использован в качестве лексикографического источника для настоящего исследования, однако с известной долей осторожности, поскольку неизвестно, в какой мере авторская редакция 2014 г. затронула обновление словаря.

Очевидно, в качестве словарей – фиксаторов новейшей заимствованной лексики можно рассматривать «Русский орфографический словарь», четвертое издание [11: 215], а также словарь Е.Н. Шагаловой [13: 301], который, несмотря на нарушение грамматики в названии (сделанное, возможно, в рекламных целях) представляет самую новую заимствованную в русском языке лексику, которая дефинирована и иллюстрирована примерами.

Определенную помощь в поиске новейших вхождений может оказать Викисловарь – «свободно пополняемый многофункциональный многоязычный словарь и тезаурус» [4]. Русский вариант Викисловаря существует более десяти лет (с 2004 г.). Несмотря на что IT продукты, основанные на технологии Web. 2.0 проекта Викимедиа подвергаются критике (прежде всего это касается Википедии), нельзя не признать их большой популярности и постоянно улучшающегося качества. В этом смысле Викисловарь также не лишен недостатков, в частности, значительное число статей в русском Викисловаре представляют собой шаблоны, сгенерированные специальными программами. С од-

ной стороны, это создает ложное представление об объеме словаря, тогда как, с другой стороны, предварительная разметка создает ряд преимуществ, помогая быстрее создавать статьи за счёт предварительного включения некоторой информации и стандартизируя структуру словарной статьи [там же].

Викисловарь представляет собой реализацию лексикографической концепции, основными принципами которой единообразие и системность, интегральность и соответствие общим лингвистическим принципам, опора на лексикографические и литературные источники, т.е. как это имеет место и в словарях известных лексикографических линий. Кроме того, как показали исследования А.А. Крижановского, для трети цитат в Викисловаре указан корпус или электронная библиотека, причем доля цитат из Национального корпуса русского языка составляет 95% [8: 220]. Таким образом, это словарь в значительной мере основанный на корпусе (по крайней мере, в отношении иллюстративной базы) и выполненный в соответствии с лексикографической концепцией.

Относительно элемента *фрешер* следует отметить, что упомянутые выше словари его не фиксируют. Поэтому остается незаполненным и следующее поле:

Словарная статья:

Далее следует информация о наличии фиксации в корпусе. По умолчанию имеется в виду или Национальный корпус русского языка, или, в случае отсутствия Google Ngram Viewer.

Корпус:

По запросу *фрешер* в НКРЯ ничего не найдено, тогда по варианту *фрэшер* корпус выдает пример:

и фляжка морсу. Квазиобещанный нонураган, конечно, не состоялся. 3-е июня. Снова солнечно, но с большими фрэшерами. Ночь дежурства прошла благополучно. Сейчас 7 ч. и замечательная вещь: несмотря на 2-3 часа сна, отсутствие подпитки (если не считать чудовищный по степени пиратства своего ночной кусочек хлеба), большое курение – прекрасное, бодрое самочувствие и почти полное отсутствие голодной тревоги. Сейчас в 11 ч. [Александр Болдырев. Осадная запись (блокадный дневник) (1941-1948)].

Судя по тексту, автор образованный человек, знакомый с европейскими языками (*квази-*

обещанный, нонурауган). Контекст не позволяет установить семантику данной лексемы, но очевидно, что это относится к погодным явлениям. Видимо, сема «свежий» и модель производящая основа + ер (er) имеет высокий номинативный потенциал, что позволяет использовать семантически шире, чем это имеет место в языке-доноре:

Fresher noun [C] UK informal – a student who has recently started studying at a college or university [Cambridge Advanced Learner's Dictionary, 2010]

Fresher (BrE, informal) – a student who has just started his or her first term at a university

Freshers' fair (= an event when new students can join university societies)

[Oxford Advanced Learner's Dictionary, 2010]

Таким образом, это слово из британского английского, имеет стилистический регистр «неформальное» и обозначает первокурсника, университетского новичка.

Этимологически это слово относится к исконно английским, время появления в языке – XIX век (1800 – 1900) со значением 'freshman' [Longman Dictionary of Contemporary English, 2009].

Элемент *фрешер* в гастрономическом значении представляет собой классический сэндвич: в состав сэндвича Фрешер KFC входят следующие ингредиенты: куриное филе, свежий салат, помидоры, хрустящие огурчики, сыр, майонез [1]. Следовательно, в этом употреблении активизируется не личная, а вещественная сема, очевидно, доминантной в названии выступает свежий салат, от чего и получил название новый продукт KFC.

Аналогичная ситуация имеет место в Nail Fresher – обезжиривателя для ногтей. Значит, и в гастрономическом, и в косметическом контекстах фрешер / fresher выступает в качестве обозначения марки товара, и именно этим обусловлено его вхождение в русский язык.

Частота:

В данном поле указываются показатели частоты употребления описываемого элемента. Поскольку в НКРЯ по запросу *фрешер* ничего не найдено, а по запросу *фрэшер* выдается один пример, обозначающий явление из иной области, то из русских корпусов по отношению к этому элементу данных нет. Однако возможно определение частоты элемента в языке-доноре. По данным Google Ngram Viewer (GNV), частота лек-

семы *fresher* в 2008 г. составила 0,0000533759%. В целом ее частота за XX столетие снизилась с 0,0001079083% в 1900 г. до 0,0000401867% в 2000 г. В анализе частоты учитывают такое свойство корпусов, как неснятая омонимия. Так, British National Corpus выдает такой пример:

The **fresher** the soot, the longer it needed to percolate through the hessian, but within three or four days the water would be nicely laced.

где *fresher* является сравнительной степенью прилагательного *fresh*, т.е. корпус выдает примеры употребления как имени существительного, так и сравнительной степени прилагательного.

BNC в примерах употребления *fresher* приводит лишь единицы употреблений как существительного, 5-6%, тогда как остальные (в целом абсолютная частота *fresher* в BNC 106) употребления – сравнительная степень. Если условно для личного существительного признать главной семой 'новый', а для вещественного 'свежий', то соотношение 'новый' / 'свежий' в британском варианте английского языка (при учёте репрезентативности корпуса) будет 1 к 20. Хотя, конечно же, реальное бытование английской формы *fresher*. возможно, будет включать целый ряд сем, которые выделяет Cambridge Advanced Learner's Dictionary в виде так называемых guidewords – обозначения группировок значений лексемы: NEW, RECENT, NATURAL, AIR, CLEAN, NOT TIRED, SKIN, NOT SALTY, TOO CONFIDENT. Следует признать, что все же они могут быть объединены в две концептуальные составляющие, названные выше (за исключением, пожалуй, последнего, имеющего помету informal).

Cambridge Advanced Learner's Dictionary показывает информацию о частоте не только в отношении лексемы, но и для отдельных значений и коллокаций. Данные из Cambridge International Corpus группируют все высокочастотные слова в три категории:

E (Essential) – слова, которые должны знать все для осуществления эффективной коммуникации. Их частота – более 400 употреблений на 10 000 слов корпуса.

I (Improver) – слова, также широко употребляемые носителями английского языка. Их частота – более 200 – 400 употреблений на 10 000 слов корпуса.

A (Advanced) – слова с частотой более 100 –

200 употреблений на 10 000 слов корпуса, имеющие все еще большое значение в коммуникации.

В анализируемом слове частотная картина значений следующая:

E – NEW

A – RECENT, NATURAL

AIR, CLEAN, NOT TIRED, SKIN, NOT SALTY, TOO CONFIDENT не маркированы, поскольку не входят в высокочастотную зону.

Пример:

Указывается пример употребления из того источника, откуда проводятся наблюдения. При наличии примера в корпусе приводятся корпусные примеры. В новейших заимствованиях далеко не обязательно, что новый заимствованный элемент будет внесен в базу корпуса, как это имеет место в отношении *фрешер*.

Тема:

Указывается тематическая отнесенность лексем. В данном случае это еда, если уточнить – то название нового бутерброда в предприятиях быстрого питания. Если учесть, что это бутерброд типа гамбургера или бургера, то в английском языке это тематическая группа FOODS, подгруппа SAUSAGES, BURGERS AND STUFFINGS [12: 210].

Часть речи:

Имя существительное. Лексема *фрешер* по форме представляет собой ассимилированное существительное склонения на твердый согласный.

В принципе, могут быть добавлены и другие поля, если возникает в этом необходимость.

По этой же схеме осуществляется заполнение базы данных и для других компонентов блока «Агрегация».

Литература

1. Бургер Лаб [Электронный ресурс]. URL: <http://burgerlab.ru/rostiks-kfc/fresher> (дата обращения 26.07.2015).
2. Буцева Т.Н. О названии словарей новых слов русского языка в аспекте эволюции их содержания // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Филология, 2011. № 6 (2). С. 388-392.
3. Буцева Т.Н. «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века»: из опыта составления и редактирования // АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Изд-во «Наука», 2012. Т. VIII. Ч. 3 / Отв. ред. И.А. Малышева, Т.Н. Буцева, О. М. Карева. 2012. С. 242-261. Будагов Р.А. К теории грамматики и языковых контактов // Вопросы языкознания. 1979. №2. С. 11-28.
4. Викисловарь // Википедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Викисловарь>. (дата обращения 31.07.2015).
5. Жданова Е.А. Лексикографическая фиксация неологизмов в словарях разных типов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Филология, 2012. № 3 (1). С. 388-392.
6. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2005. 376 с.
7. Красса С.И. Лингвистические метакорпусы // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. Г.Н. Манаенко. Вып. 5. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2007. С. 252-258.
8. Крижановский А. Оценка использования корпусов и электронных библиотек в Русском Викисловаре // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика–2011». СПб.: С.-Петербургский гос. университет, Филологический факультет, 2011. С. 217-222.
9. Кругликова Л.Е. «Большой академический словарь русского языка» как продолжатель традиций русской академической лексикографии // Cuadernos de Rusnstica Espacola. 2012. №8. С 177-198.
10. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. в 2-х тт. / Под ред. Т.Н. Буцовой (отв. редактор), Е.А. Лева-шова, Ю.Ф. Денисенко. СПб.: «Дм. Буланин». Т. 1. 2009. 811 с.
11. Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. 896 с.
12. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2003. 960 с.
13. Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: ок. 1500 слов. М.: АСТ: Астрель, 2011. 413 с.
14. Cambridge Grammar of English. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 973 p.
15. Longman Dictionary of Contemporary English. Fifth edition. Harlow: Pearson Education Limited, 2009. 2081 p.
16. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2010. 1796 p.

АВТОРЫ

- Автандилян** Евгений Андроникович, кандидат социологических наук, доцент кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. aea8888@yandex.ru
- Андрусяк** Наталья Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы и психолого-педагогического образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (г. Магнитогорск). andrusyak_n@mail.ru
- Атаманова** Галина Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент, Кызылский педагогический институт Тувинского государственного университета, кафедра педагогики, atamanova-tuva@list.ru
- Багаева** Алиса Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии международных отношений социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. багаева@socio.msu.ru
- Борисова** Ксения Юрьевна, аспирант философского факультета МГУ им. Ломоносова. kseniaborisova.2011@mail.ru
- Гавров** Сергей Назипович, доктор философских наук, профессор Московского государственного университета дизайна и технологий. gavrov@gmail.com
- Гуманова** Юлия Леонидовна, канд. социологических наук, доцент, доцент кафедры теории преподавания иностранных языков, факультет иностранных языков и регионоведения, МГУ имени М.В. Ломоносова, irjulia@yandex.ru
- Дамба** Наталья Чоодуевна, кандидат педагогических наук, доцент, Кызылский педагогический институт Тувинского государственного университета, кафедра педагогики, natalyadamba@mail.ru
- Джавахидзе** Лаура Борисовна, учитель экономики ГБОУ «школа» №627 ЦАО г. Москвы, соискатель кафедры педагогики, Московский государственный Областной Университет. dzlaura@yandex.ru
- Дзуцев** Хасан Владимирович, доктор социологических наук, профессор, руководитель Северо-Осетинского центра социальных исследований Института социально-политических исследований, заведующий кафедрой социологии и социальных процессов, Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л.Хетагурова (г. Владикавказ). khasan_dzutsev@mail.ru
- Доржу** Майя Дадаровна, кандидат педагогических наук, доцент, Кызылский педагогический институт Тувинского государственного университета, кафедра педагогики, dorjumaya@mail.ru
- Зураев** Алан Муратович, кандидат социологических наук, доцент кафедры государственных и правовых дисциплин Северо-Кавказского горно-металлургического института (г. Владикавказ). alan-zuraev@rambler.ru
- Казакова** Александра Андреевна, старший преподаватель кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. kazakovaz@mail.ru
- Кирка** Артем Викторович, аспирант, ФГБОУВПО «Государственный университет управления». seloff@gmail.com
- Кононов** Михаил Юрьевич, аспирант социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кафедра ИТС. arkht@yandex.ru
- Константинова** Александра Георгиевна, аспирант кафедры статистики, Российский Экономический Университет им. Г.В. Плеханова. Kosta082@yandex.ru
- Кузнецова** Юлия Николаевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и методики обучения праву, юридический факультет, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет». kporjul@mail.ru
- Макартецкая** Юлия Александровна, аспирантка кафедры философии и политологии Башкирского государственного университета. (Макартецкая Юлия Александровна, e-mail: juliamauve@gmail.com)
- Мамедов** Агамали Куламович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

- Манцуров** Степан Олегович, аспирант кафедры политологии и социологии, ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова». mancurol@mail.ru
- Мартыненко** Елена Викторовна, доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов.
- Марюхина** Валентина Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, Кызылский педагогический институт Тувинского государственного университета, кафедра педагогики, valya-maruhina@mail.ru
- Михальский** Алексей Владимирович, доцент кафедры психологии факультета педагогики и психологии, Московский государственный педагогический университет. amikhalsky@gmail.com
- Нафаа** Дорар, аспирант кафедры теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов. dorarnafaa@gmail.com
- Николаева** Анастасия Юрьевна, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики, НОУ ВПО Новомосковский филиал Университета Российской академии образования. nastyaniknov@yandex.ru
- Новикова** Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры профессиональной педагогики и иностранных языков, Азово-Черноморский инженерный институт ФГБОУ ВПО «Донской государственный аграрный университет» в г. Зернограде, Ростовская область. achgaa@achgaa.ru
- Олейник** Елена Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы и психолого-педагогического образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (г. Магнитогорск). oleynik.ev@mail.ru
- Офицерова** Дарья Александровна, аспирант социологического факультета МГУ им. М.Ю. Ломоносова. daria.ofitserova@gmail.com
- Путиловская** Татьяна Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка Института иностранных языков и лингвокоммуникаций в управлении Государственного университета управления, tputil@yandex.ru
- Пятаков** Андрей Николаевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института Латинской Америки РАН. anpyatakov@yandex.ru
- Сорокина** Ирина Радиславовна, кандидат педагогических наук, доцент, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. sociolog1966@yandex.ru
- Супрун** Нелли Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы и психолого-педагогического образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (г. Магнитогорск). suprunnelli@yandex.ru
- Уздеева** Зама Ибрагимовна, аспирант Чеченского государственного педагогического института (г. Грозный). imafreemason@mail.ru
- Химилонова** Ирина Вячеславовна, ассистент-преподаватель кафедры экономической социологии и маркетинга социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ecsoc05@mail.ru
- Хугаева** Алла Ахметовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных процессов Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова (г. Владикавказ). alladgam@mail.ru

